

- **А. ЗИНОВЬЕВ. ПРОПУЩЕННАЯ
МИРОВАЯ ВОЙНА** —
*знаменитый писатель о причинах и перспективах
"перестройки"*
- **А Б МИШЕ. ЧЕРНОВОЙ ВАРИАНТ** —
документальная повесть о восстании в Варшавском гетто
- **М. ХЕЙФЕЦ. ЛОГИКА СТАЛИНСКОГО ТЕРРОРА** —
*размышления историка о тайных пружинах
"дела Тухачевского"*
- **В. КОРЕЦКИЙ И ДР. ЗЛОВЕЩИЕ ПАРАЛЛЕЛИ** —
*авторы из Москвы о возможном будущем советского
еврейства*
- **М. КАГАНСКАЯ. КРАСНОЕ И БЕЛОЕ** —
новое прочтение романа М. Булгакова "Белая гвардия"

22

N° 65

МИРОВАЯ ВОЙНА — ПАРАЛЛЕЛИ

МИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ ЕВРЕЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИЗ СССР В ИЗРАИЛЕ

ДВАДЦАТЬ ДВА

*Издание общественно-культурного фонда
"МОСКВА—ИЕРУСАЛИМ"
под покровительством комитета ученых
при общественном совете солидарности с евреями ссср
Лауреат премии Р. Н. Эттингер за 1984 год*

65

май-июнь 1989

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

- 3 *АБ МИШЕ*. Черновой вариант (главы из книги)

ЛИТЕРАТУРА

- 77 *МИХАИЛ ГРОБМАН*. Стихи
81 *ИГОРЬ ГУБЕРМАН*. Иерусалимский дневник
86 *СВЕТЛАНА ШЕНБРУНН*. Маленькие рассказы

ОЧЕРКИ И ЭССЕ

- 91 *АЛЕКСАНДР ВОИН*. Из записок оле
103 *ДМИТРИЙ СЛИВНЯК*. Эсходус 1988 года

ЕВРЕИ В СССР

- 111 *СЕРГЕЙ ЛЕЗОВ, СЕРГЕЙ ТИЩЕНКО*. Московская дискуссия
132 *ВИКТОР КОРЕЦКИЙ*. Зловещие параллели

РУССКИЙ ВОПРОС

- 138 *АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ*. Пропущенная мировая война и кризис коммунизма
146 *БОРИС ПАРАМОНОВ*. Русская идея (о "Русофобии" Игоря Шафаревича)

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- 155 *МИХАИЛ ХЕЙФЕЦ*. Логика сталинского террора (несколько гипотез вокруг "Измены родине")

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ТЕКСТОМ

- 174 *МАЙЯ КАГАНСКАЯ*. Белое и красное (предисловие к израильскому изданию романа М. Булгакова "Белая гвардия")

ЛЮДИ И КНИГИ

- 199 *АЛЕКСАНДР ВОРОНЕЛЬ*. Вечный комиссар
204 *СЕМЕН РЕЗНИК*. Частное расследование
212 *ЕФРЕМ БАУХ*. "Ты вечности заложник, у времени в плену..."

ЮБИЛЕЙНОЕ

- 218 Георгу Морделю 60 лет
221 *АМОС ОЗ*. О степени зла

На последней странице обложки: Мириам. Гамбурд. "Хот и дочери" (уголь) 1988 г., статью о творчестве М. Гамбурд читайте в следующем номере

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

Теплый день, голубой размах неба, лепет ветра, запахи прозрачного городского сентября: цветов, яблок, асфальта, духов — и на живописном фоне старинного особняка, возле стены, желтой, с белыми полуколоннами, с изысканной лепкой орнамента, девушка позирует молодому человеку с фотоаппаратом.

Милая жанровая сценка. Довольно обычная. Ей бы еще какую-нибудь незатейливую подробность, вроде мужской кепки, лихо венчающей девичьи локоны. А рядом с фотографом поставим его приятеля, пускай добродушно острит по поводу кепки: девушка весело засмеется, и затвор, щелкая, будет вгонять в камеру ее улыбку на долгую добрую память о мимолетной этой юной радости. Трое вольных людей в распеve молодости, безмятежность, утро жизни и, быть может, любви...

Теперь тот же сюжет в несколько ином виде. Роскошное барокко особняка замещено разрушенной стеной грязного закопченного дома, от живой природы — одинокое дерево в стороне, бывшее дерево, искривленный обгоревший ствол. Детали: небо темнит струя дыма, у стены — груда битого кирпича, осколки, штукатурка кусками, ветер клубит известковую пыль... Пахнет не цветами — из темного отверстия подвала,

Аб Мише

ЧЕРНОВОЙ ВАРИАНТ
(главы из книги)

уходящего под стену, тянет затхлостью подземелья, гарью, порохом... Еще пахнет — напряжемся вообразить! — женщиной, которая месяцами не мылась...

А действующие лица те же, трое молодых людей. Но... Фотограф — коренастый, голубоглазый, с ямочками на круглых щеках, с ясными веселыми зубами, его скульптурная грудь облита эсэсовским мундиром, поблескивает геройский значок на кителе, серебрятся нашивки на воротнике, на белесой голове пилотка набекрень — сверкающий жизнью молодец, простая арийская душа. Черноволосый его приятель — в такой же форме, под мышками у него большие пятна пота: может быть, ему жарче, оттого он выглядит мрачнее и улыбается без особого задора. В руках у него автомат, он и автомат в три черных глаза глядят на девушку, стоящую у стены, развороченной взрывом.

Итак, стена, девушка и два веселых эсэсовца. От первоначальной картины сохраняются сентябрь, фотоаппарат и кепка. Возможно, именно мужская кепка на девушке смешит ладных парней, возможно, именно она и вызвала фотопорыв блондина: там, в его милой Германии, мама, и папа, и Эльза, и Гретхен, и Ганс, и соседская крепкогрудая Магда повеселятся, разглядывая снимок, присланный прямо с поля брани. А через десятки лет он сам будет рассказывать задастеньким внучатам о подвигах воинов великого фюрера и показывать семейные реликвии — фотографии славной военной поры; детям, конечно, будет интересно и поучительно. Поэтому он не спешит — стоит дожидаться, пока осядет пыль и прояснится небо. Еще надо тщательно установить расстояние, диафрагму и выдержку и поймать интересное выражение лица — что ж, у него хватит терпения, он работает добросовестно, для вечности, он запечатлевает неповторимое: евреев, которых больше не будет, и подвиги гитлеровской армии, которым нет примера в истории. Он запечатлевает варшавское гетто в тысяча девятьсот сорок третьем году.

И стою перед ним я, девятнадцатилетняя. Когда он щелкнет затвором, я вот какой получусь на снимке: распахнутое пальто с полуоторванными пуговицами, крупные дешевые бусы и та самая мужская кепка. Из-под кепки выбиваются черные волосы, глаза у меня темно-карие, рост средний, лицо круглое, нос прямой, рот не мал и не велик, — в общем, кроме родинки на шее и целых, несмотря ни на что, зубов, ничего примечательного, хотя Тот, которого уже нет в живых, называл меня красивой. Он не по-

целовал меня ни разу, он только дважды брал меня за руку. Надеюсь, ему тогда было так же хорошо, как мне. Вот и все. Большего нам не досталось. Потому что мы — из гетто.

Мы из варшавского гетто. Из черной, из светлой легенды. Мы оттуда, где пределы муки и лжи, героизма и подлости, слабости и силы. Концентратор...

Когда кошмар шести миллионов убийств погонит тебя по перекресткам Истории, смердящие дороги Зла неуклонно приведут сюда, в середину двадцатого века, в середину Европы, в Варшаву, к евреям.

Я говорю сейчас их голосами, голосом Эммануэля Рингельблюма и Поли Эльстер, Абрама Левина и Мордехая Шварцбарда, Арона Каплана и Нозми Шац-Вайнкрantz и многих, многих других, чьи свидетельства когда-нибудь соберет историк Бернард Марк в книге "Борьба и гибель варшавского гетто". Голосом Марка я тоже буду говорить. Я не выдумываю ни одного факта, ничего не прибавляю, не украшаю для занимательности — я не совру, не имею права, да у меня просто нет времени на сочинительство, даже поправить сбившуюся кепку мне некогда. Только бы успеть, пока этот тип возится с фотоаппаратом, успеть рассказать о том, что было.

Не могло быть, но — было.

Прикинь: 4,5 процента площади города и 37 процентов его населения — более 500 тысяч человек с еврейской кровью. 1100 человек на 1 гектар. 16 километров кирпичной стены высотой 3 метра, с битым стеклом и колючей проволокой наверху, чтобы ни шагу на "арийскую" сторону, к полякам. Лихорадка бесчисленных распоряжений: о принудительном труде, о ношении отличительных повязок, о запрете езды в трамвае, о конфискации имущества, о вселении, выселении, переселении — людей гнали сюда из других городов, а территорию сокращали, так что в 1942 году в среднем на одну комнату в гетто приходилось 13 человек. Капитально организованный грабеж: немцы вывезли из гетто еврейского имущества в январе 1942 года на 3,7 миллиона злотых, в феврале — на 4,7 миллиона, в марте — на 6 миллионов, в апреле — почти на 7 миллионов.

Я знаю, вид одного тела, корежимого жаром крематория, бьет по нервам сильнее, чем статистика миллионов смертей: цифры безлики, бесстрастны — скучны. Но вот:

4800, 1750, 1000, 634, 515, 184.

Бессмысленный, кажется, ряд. А если это — дневные количества калорий и если

4800 — необходимы человеку при тяжелой работе, иначе — истощение и смерть;

1750 — то же при полном покое;

1000 — рацион узника концлагеря Майданек;

634 — немецкая норма питания поляков в оккупированной Варшаве в 1941 году;

515 — рацион советского военнопленного в Освенциме (Т. Голуй позднее напишет: "русские и евреи — пролетариат концлагеря");

184 — немецкая норма для варшавского еврея в 1941 году, — если цифры выстраиваются в такой столбец — он ошеломляет. И ты, кто слушает меня через годы, уже прочтя про апокалиптические картины Майданека, живые скелеты лагерников, людоедствующих военнопленных, уже о ленинградской блокаде зная, ты спросишь: неужели возможно, чтобы еще жутче?

Да, нам выдавали в день около 70 граммов мокрого, с опилками, хлеба. В блокадном Ленинграде рабочий получал в 3,6 раза больше, ребенок почти в два раза больше, а в дневнике ленинградской девочки Тани Савичевой: "Все умерли", а на одном только Пискаревском кладбище Ленинграда — 800 тысяч трупов блокадников. Как же было в гетто?

И ответит тебе книга Бернарда Марка:

"Полное вымаривание гетто голодом было одной из основных задач немецких оккупационных властей... Эта тактика имела две формы: косвенно — путем лишения подавляющего большинства жителей гетто способов заработка, и прямо — лишением их продовольствия.

30 июня 1941 г. в гетто было "профессионально занятых" 27 тысяч человек... на 550 тысяч жителей".

...

За десяти- или одиннадцатичасовой день тяжелого труда высококвалифицированный рабочий получал от 4 до 7 злотых, а фактически, после вычета из этой суммы стоимости двух порций водянистого супа (питание на работе), оставалось ему от 2,5 до 5 злотых. Работникам низшей категории доставалось от 1,5 до 2 злотых. О реальной стоимости этого заработка свидетельствуют цены "свободного" рынка гетто: 1 килограмм ржаного хлеба стоил 8—12 злотых, 1 килограмм жира — 250 злотых.

Условия работы по свидетельству очевидца: "В страшнейших условиях, в темных комнатах, в тесных погребках они сидят, скорчившись, на табуретках, на скамьях, над столами, машинами, станками. Они шьют одежду и белье, кофты и шапки, матрацы, делают обувь, игрушки, щетки... Щеточные станки: вручную режется щетина, натягивается острая, колющая, как спицы, проволока. Израненные до крови, всегда гноящиеся пальцы женщин и детей, налитые от напряжения глаза, сгорбленные спины... Вот современная колония рабов..."

...

Нужда в гетто была неопишная. На каждом шагу встречались люди без одежды, в рваных пальто или плащах, наглухо застегнутых булавками, чтобы скрыть отсутствие на теле рубахи. ...Люди ходили почти голыми.

...

Последствия голода были страшными. Зафиксирован случай людоедства — сошедшая с ума от голода женщина съела часть тела умершего ребенка.

По данным подпольной прессы гетто от апреля 1942 г. 50% жителей гетто умирают от голода, 30% голодают "нормально", 15% недоедают и только 10 тысяч избранных живут в достатке, некоторые даже лучше, чем до войны.

...

Враг атаковал гетто не только голодом, но и эпидемиями, главным образом, брюшного и сыпного тифа и паратифа.

Улицы гетто представляли страшную картину. Перед воротами домов валялись трупы, накрытые газетами... По свидетельствам очевидцев: "На улицах — опухшие бедняки, дети, выглядывающие, как скелеты, лежащие без сил... Наиболее смелые, в основном, женщины и дети, пробираются на "арийскую" сторону и просят милостыню или получают помощь от поляков, ищут случайной работы и заработка. На улицах Варшавы полно нищенствующих еврейских детей, их вылавливает польская полиция... В комиссариатах еврейских беглецов, не исключая детей, зачастую избивают до потери сознания". Так наказывали в середине 1941 года. 8 октября 1941 года за самовольный выход из гетто приговорены к смертной казни первые два еврея. 10 октября губернатор Фишер опубликовал объявление, что "еврей, который покинет без разрешения указанное ему место жительства, будет покаран смертью... такому же наказанию подлежит поляк, который укрывает еврея или другим

способом помогает ему". 17 октября повешено за выход из гетто 8 человек, среди них несколько матерей и одна беременная. ...В конце 1941 г. за нелегальный выход из гетто в заключении ожидали специального суда 1300 человек.

...

В июле 1941 года в гетто умерли 5500 человек. В августе "рекорд" — 5560... К лету 1942 года, т. е. за 2,5 года существования гетто, уже умерли более 100 тысяч человек.

Голодом враг добивался намеченной цели: устрашающего роста смертности евреев. Но что еще хуже, он при этом... ослаблял или полностью уничтожал у определенной части людей волю к жизни... "Жизнь без хлеба, без ложки супа в течение долгих лет, — пишет один из летописцев гетто, — потрясюще действовала на психику. Множество людей погрузилось в крайнюю апатию. Они лежали на своих подстилках так долго, что уже не хватало сил встать. ...Были семьи из 10—12 человек, лежавшие вповалку, без движения, с бледными лицами и полыхающими глазами. Они сглатывали слюну. Равнодушные ко всему. Мучило их постоянно одно желание: найти крошку хлеба!"

В описании умирающего гетто тебя, наверно, заинтригует упоминание о 10 тысячах "избранных", которым сытно среди трупов: кто?

Руководители немецких фабрик в гетто, спекулянты и шантажисты вроде бывшего доносчика Кона и Геллера, которые создали "трест" из 30 предприятий, работавших на немецкие госпитали. Другие сколачивали огромные состояния на контрабанде, на крови и труде подчиненных агентов, одолеваящих стену в погоне за едой или медикаментами на "арийской" стороне. Война и смерть оказались подходящей возможностью всплыть на поверхность жизни. Пена штормового моря...

Они были опорой Еврейского Совета, Юденрата, созданного распоряжением генерального губернатора Франка в ноябре 1939 года. Пятый параграф распоряжения вменял Юденрату в обязанность "добросовестно проводить в жизнь в полном объеме приказы немецких властей".

Добросовестно... Добрая совесть заправил Юденрата послушно стелилась и под интересы своих рыцарей наживы. Касаясь бедствующей массы, она каменела. Евреям полагалось терпеть, ни пол-

слова против! Юденрат насилдовал, евреи отвечали презрением и ненавистью.

Особенно ненавистной была Служба Порядка Юденрата — еврейская полиция. Здесь блистали свои умельцы, такие, как Ган, который палкой забил насмерть врача Зусмана. (Ган по профессии был юрист. И Кальтенбруннер был юрист. И Франк).

Третья удавка для евреев — вдруг не хватит Юденрата и Службы Порядка? — отделение гитлеровской полиции безопасности в гетто под невинным названием "Служба борьбы со спекуляцией и мошенничеством". Руководил отделением старый немецкий шпион А. Ганцвайх. В гетто работал на гестапо и д-р Носсиг, ультранационалистичный публицист и с 1913 года сотрудник немецкой разведки.

Подонков хватало. Не зря боевое движение сопротивления в гетто, едва зародившись, первый удар направило не на гитлеровцев — на командира еврейской полиции гетто. Заведующий хозяйственным отделом Юденрата Фирост, офицеры Службы Порядка Лейкин, Бжезинский и Фирстенберг, агенты гестапо Андерс, Пиня, отец и сын Пружанские, Шайн — многих сотрудничество с немцами хоть и в разное время, но верно приводило под пулю еврейских подпольщиков. Предатель Скоковский, раненный боевиками, бежал на "арийскую" сторону — его настигли и там.

Стоп! О настоящей стрельбе, о бое — позже.

Пока — об одном только выстреле. Его еще нет, он зреет в кабинете председателя Юденрата, инженера Адама Черняка.

Черняков — белка в колесе компромисса. "Недочеловек" у немцев — хозяин в гетто. Еда — от него, от Юденрата, работа — от него, жизнь и смерть — от него. И не смеет немцам перечить, не злить зверя. Пересидим...

А гетто рвалось из-под контроля. Дух иудейского бунта в климате польской непокорности. Резонанс традиций двух народов. Проверки жизни в могиле гетто.

Полулегальное Общество еврейской взаимопомощи подкармливало нищих, опекало сирот и бездомных, боролось с эпидемиями. Сотни нелегальных пекарен и тайных мастерских вырабатывали продукцию, бесстрашные дети гетто несли ее через стену под пулями охранников, меняли на "арийской" стороне на продукты, одежду, лекарства. Контрабанда стала оружием сопротивления.

Таким же оружием было тайное обучение — курсы разного

уровня вплоть до высшего образования. Истрепанные учебники, шаткие от голода учителя, заморенные ученики, но учеба жила миражами прежней воли, гимназических звонков, шума аудиторий, и свидетельство об окончании обучения становилось знаком человеческого бытия в нечеловеческих условиях.

Это Чернякова не слишком беспокоило. Немцы запрещали учебу, но если педагога Розу Симхович, или поэта Ицхака Каценельсона, или прославленных медиков Людвика Гиршфельда и Юлиана Цвейбаума, или других преподавателей устраивал такой гонорар, как смертная казнь — что ж, пускай учат... Евреи — народ книжный. Учеба — форма жизни, и довольно безобидная. Когда интеллигент Самуэль Винтер провозглашал: "Культура важнее борьбы" — Черняков соглашался. Лишь бы не совались евреи под немецкий огонь.

Промахнулся Адам Черняков! В болоте гетто трудность всякого движения часто оборачивалась выплеском неожиданного итога. Среда школы на месте отчаяния и депрессии растила самосознание и мужество. Чего стоили одни только уроки истории! Не случайно позднее многие ученики подпольных школ взяли за оружие. Миротворивший Винтер, и тот влез в борьбу. Подпольная система образования стала системой образования Человека.

Может быть, умному Чернякову просто некогда было об этом подумать. Его тогда, в сороковом-сорок первом годах, занимало другое. Немцы победно шагали по Европе, капитулировала Франция. Гетто теряло надежды на помощь извне, многие ломались. Волна самоубийств страшила Чернякова: евреям не хотелось жить.

Но еще ужаснее казались ему бунтари. Тоже самоубийцы, только хуже: они тащили в могилу все гетто, они одним махом рушили его кропотливую работу: добывание пищи, распределение жилья, уборку улиц, борьбу с болезнями, устройство столовых, организацию рабочих мест... Все было зыбким, зависящим от каприза оккупантов, ненадежным: улицы оставались грязными, работало пять процентов населения, эпидемии косили людей, бездомные шатались по мостовым... Но он же ухитрялся выдавать по продовольственным карточкам 229 калорий на душу вместо положенных немцами ста восьмидесяти четырех, но кто-то все же выздоравливал от тифа!

Он был сильным человеком, он мог вынести пресмыкательство перед немцами, судороги унижения, плевок и мордобой до крови,

он мог хитрить, лгать, он был готов лизать гестаповский сапог, лишь бы не дать этому сапогу растоптать гетто. Десять тысяч своих "избранных", конечно, сволочи, но их деньги — залог спасения гетто, за деньги можно выторговать толику милости у оккупантов, и он поддерживал богачей: ему нужны живые люди в гетто, а не мертвые герои.

Он мог смотреть сквозь пальцы на недовольство каких-нибудь домовых комитетов жителей гетто — это гитлеровцев не касалось, а он умел управляться со скандалистами, на крайний случай есть Служба Порядка. Вот забастовщиков он не мог терпеть, не мог заставлять Великую Германию ждать продукции — Черняков кулаками своих полицейских вдальбывал эту простейшую истину в головы ревнителей милых буржуазных свобод.

Но постепенно заваривались проблемы покруче забастовок. Ему доносили: активизировался Бунд, еврейская социалистическая партия, у них подпольная организация, военные инструкторы, нелегальная пресса, у них свои люди в полиции. Он знал: уже не раз боевые группы бундовцев отбивали атаки варшавской шпаны, охочей до налетов на безоружное гетто. Впрочем, драки с погромщиками — в русле давних традиций. Куда серьезнее известия о левых сионистских группах, особенно среди молодежи. Воспитанные на принципах бой-скаутизма, закаленные еще довоенными потасовками с польскими антисемитами, они берегли и в гетто свои коллективистские привычки: жили в общих комнатах, одной семьей, спорили о способах борьбы, дружно не сомневаясь в ее необходимости, искали оружие... Этой взрывчатке — только искру. А искра — Черняков знал — в гетто таилась: коммунисты.

Коммунистам здесь приходилось хуже всех. Они были трижды вне закона: как евреи, как подпольщики гетто, как члены партии, запрещенной в Польше с 1938 года. Многолетняя тайная жизнь приучила их к дисциплине и твердости, к высокой технике конспирации. Идеино однородные, самоотверженные — их как раз не хватало пылким сионистам.

Один из видных социалистов-сионистов Юзеф Сак вспомнит позднее: "Канун весны 1942 года. Положение тяжелое, почти безнадежное. Подпольные политические организации... пытались что-то сделать, но царили разобщенность, раскол... Боль и горечь, бессилие и безволие мучали каждого. ...Именно тогда появились среди нас фигуры Юзефа Левартовского и Анджея Шмидта".

Их прислал в гетто из Советского Союза Центральный Кюми-

тет Польской рабочей партии (ПРП). Пинкусу Картину (псевдоним "Анджей Шмидт"), бывшему капитану интернациональной бригады в Испании, было поручено создать в гетто отряды Гвардии Людовой (ГЛ) — вооруженных сил польских коммунистов.

Черняков мог бы еще уповать на давнишние разногласия сионистов и коммунистов. Но на встрече с лидером левых сионистов Шахно Саганом тихий, спокойный, почти вялый Левартовский сказал бесцветным голосом: "Нас разделяет прошлое и, если доживем, разделит будущее; а сегодня у нас общая судьба — гибель и общая цель — борьба", — и Саган, а за ним молодые сионисты, согласились. В марте сорок второго года возник в гетто Антифашистский Блок левосионистских групп и ПРП.

Покатилось. Спустя неполные два месяца (Черняков опомниться не успел) у Блока появились полтысячи бойцов, обученных стрельбе, обращению со взрывчаткой, медицинской помощи. Они изучали опыт самообороны в годы царских погромов. Их героями стали революционеры прошлых лет, их авторитетами — собственные боевые командиры "Шмидт", Анелевич, Тененбаум, Фишельзон.

За эти два месяца Блок наладил контакты с еврейским подпольем в разных городах, с русскими военнопленными в гестаповской тюрьме Павьяк на территории гетто, с польским сопротивлением на "арийской" стороне.

Связи с поляками отыскивал не только Блок, но и отдельные группы — сионисты, коммунисты, бундовцы — по своим каналам. Сложное дело в стране многовекового антисемитизма. По Варшаве грабили их, сдавали на смерть гестаповцам. Острижки складывали антиеврейские песенки с хвалой Гитлеру. Разномастное польское подполье издавало прессу на все вкусы — бюллетень правого Антикоммунистического Агентства жаловался: "Немцы обходятся с евреями слишком мягко". Но подпольщики гетто упорно нащупывали другую Польшу, и уже просочился в гетто с "арийской" стороны ручеек переписки, и уже полька Ирена Адамович ("Ядзя"), помогая евреям наладить связи, бесстрашно отправилась в гетто Белостока, Ковно, Вильно, Шауляя... Еврейские ветераны Войска Польского отыскивали бывших товарищей по оружию в Корпусе Безопасности Армии Крайовой (АК — подпольные вооруженные силы, подчиненные польскому правительству, эмигрировавшему в Лондон) — в результате возникла польская группа ка-

питана Генрика Иванского ("Быстрого"), которая помогала гетто.

Подпитываясь из разных источников, разгорался огонь, и Черняков, даже не зная подробностей и имен, все сильнее ощущал жар. Подпольщики уже успели попробовать свои силы: дважды организовали побеги польских и советских офицеров из тюрьмы Павьяк.

Чернякову — только руками разводить. 15 мая сорок второго года из недр подполья Блок выплеснул свою газету "Призыв". Черняков читал: "Еврейские массы должны занять почетное место в антифашистской борьбе... Есть такие, которые ждут чуда. Они не отдадут себе отчета в том, что только путь борьбы ведет к освобождению".

— Кретины! — кричал Черняков. — Грязный вонючий листок! Мусор! Демагоги! Я доберусь до них! Головы поотрываем!

Он кричал — про себя и публично — он грозился, ругался... Он вспомнил, как пыталась расшевелить гетто "Молодая гвардия" — организация левых сионистов: то уличная демонстрация с лозунгами борьбы, то тайный смотр боевиков, собрания, речи... Провокации, конечно, но — терпимо: дешевые спектакли, почти без публики... Другое дело — газета. Газету читают все. Газета — мина... Нашему стаду да таких умников в пастухи!..

Он их ненавидел.

Не только за то, что они увлекали в пропасть все гетто. Он их ненавидел еще и за чистоту их непримиримости, за безоглядность юной лихости; их боеспособность была высшей формой жизнеспособности, и кому, как не им, следовало сохранить, пронести в себе сквозь погибель гетто живую силу народа.

Они были такими же, как его сын, который сначала счастливо оказался вдали отсюда, в Советском Союзе, а теперь затерялся в невообразимой какой-то Киргизии, со всеми своими талантами затерялся, может быть, навсегда, — думая о своем мальчике, Председатель Юденрата сразу становился просто несчастным стариком, но он был Председатель, на нем лежала Ответственность, и он не позволял своему лицу смягчиться слезой; он управлял тоской о сыне, разворачивая ее в мысли о молодежи, об евреях, о мифической их судьбе, и любовь к сыну распространялась на умирающий и нетленный его народ, он любил его и спасал, как любил и спасал и этих дураков, слепо прущих под колеса гитлеровской машины; и любя и спасая, он надрывался: — Они погубят всех! Наша сила — в терпении! Немцы передавят нас, как блох!

Одумайтесь, евреи, оглянитесь: пока эти ослы не злили немцев, в гетто еще можно было дышать. А сейчас?

Разве он не был прав? Террор свирепел — немцы душили сопротивление. Их агенты легко прорвали слабую завесу конспирации, и в ночь на 18 апреля гестапо сокрушительно ударило по Антифашистскому Блоку — утром потрясенное гетто увидело на улицах пятьдесят два трупа с черепами, развороченными выстрелами в затылок. Погибли активисты подполья и, для дезориентации уцелевших, несколько незначительных немецких шпииков.

Дальше — больше. Репрессии косят почти без разбора. В мае осуждены на смерть 187 евреев. Казнят и без суда. Стариков сбрасывают с верхних этажей на мостовую. У ворот гетто под видом борьбы с контрабандой убивают безоружных людей. Жандармские посты на крышах, в подъездах... Управляющие домами под угрозой расстрела их семей обязаны выслеживать деятелей сопротивления. Облавы. Служба Порядка помогает гестаповцам и польской полиции. Ночами повторяется апрельская резня — “усмирение” идет круглосуточно. Ширится и сопротивление. Толпа женщин вырвала во время облавы из рук Службы Порядка несколько молодых людей... Убит жандарм у ворот гетто... Третьего июня сто десять евреев, среди них женщины и полицейские, уничтожены “за неповиновение властям”. В мае и июне полиция гетто регистрирует ежедневно в среднем 142 случая сопротивления — такое раньше и не снилось...

В разгар террора евреи гетто дарят польским коммунистам типографское оборудование. 30 мая “Шмидт”, “Меретик” (Самуэль Циммерман) и Давид Влоско при передаче подарка на “арийскую” сторону схвачены немцами с помощью провокатора Киселева, бывшего белогвардейца. “Шмидт” зверски замучен в Павьяке, “Меретик” и Влоско расстреляны. Киселева казнила Гвардия Людова. Война как война, только пули все больше в одну сторону... Прав был Черняков.

Он не был прав. Заманчивый обман — увидеть в действиях оккупантов месть за сопротивление, привычную массовую экзекуцию. Гитлеровцы замахнулись много шире. Здесь, в Варшаве, окончательное решение еврейского вопроса сулило им поход за выгадать и освобождение от хлопот с полумиллионным гетто, и усмирение города, чреватого бунтом в тылу Восточного фронта, и воздание почести Рейнхардту Гейдриху, только что убитому чешскими патриотами. В июне рейхсфюрер СС Гиммлер отдал приказ провести

“операцию Рейнхардт”: выселить евреев из Варшавы. “Выселить” означало: перевезти в Трешлинку и умертвить. Их язык...

Готовились по-немецки обстоятельно: довели трешлинский концлагерь до совершенства лагеря смерти; похлопотали насчет транспорта; отработали маршруты выселяемых по улицам Варшавы; сформировали “группы уничтожения” из эсэсовцев, польских уголовников, украинских, латвийских и литовских карателей. Назначили в Варшаву нового начальника СС и полиции СС-оберфюрера (командир бригады) и доктора права (!) фон Саммерн-Франкенгега и передали в его подчинение гетто. По приказу командующего операцией СС-группенфюрера (генерал-лейтенант) Глобоника из Люблина прибыли “специалисты по ликвидации” во главе с СС-штурмбанфюрером (майор) Гефле. Позаботились, как обычно, о маскировке: в гетто вдруг разрешили открыть школы, стали публично хвалить еврейских рабочих. Предусмотрели даже выдавать евреям на дорогу хлеб и мармелад — успокоительная забота и для голодных приманка.

Мог ли Черняков догадываться об истинных намерениях немцев? Вряд ли. Слухи о полном уничтожении евреев ползли по Варшаве и достигали гетто, но поверить в это не решались даже такие люди, как Левартовский и Саган.

Немецкий комиссар гетто Ауэрсвальд на тревожные вопросы Чернякова отвечал благодушием и торжественными заверениями в безопасности евреев. “Заметьте, Черняков, — говорил Ауэрсвальд, — мы даже перестали казнить приговоренных”. Чернякову сообразить бы, что немцы просто решили не возиться со смертниками, — они получают свое в Трешлинке. Но это значило принять невероятную правду о гибели сотен тысяч людей не за вину какую-нибудь — только за не те глаза, не те волосы, не тот нос, — а он не мог и не хотел верить, что в центре цивилизованной Европы, в гуманном двадцатом веке можно организовано и хладнокровно, без всякой видимой нужды, истреблять целый народ. Не психопаты же они в конце концов, эти немцы?

Так думал не он один. При первом известии о выселении евреев руководство Антифашистского Блока собрало представителей всех действующих в гетто политических и общественных групп и предложило: организовать отпор, напасть на полицию гетто, штурмовать ворота и пробиваться на “арийскую” сторону. “Нет! — сказала большинство. — Народ переживет (Фридман, делегат правых). Активное выступление даст немцам повод уничтожить всех

(Шипер, мелкобуржуазный сионист)". Наверно, каждый из них был готов рискнуть собой, но другими? всеми?..

18 июля с "арийской" стороны дошло: готовится катастрофа, обещанное переселение станет смертью по крайней мере трехсот тысяч евреев. Чернякова накрыла тьма сомнения, но он не дал себе расслабиться: "Провокация! Не паниковать!" Так и сказал. И сослался на слова Ауэрсвальда, зная: верить немцам нельзя.

Они начали через четыре дня, двадцать второго. "Группы уничтожения" вошли в гетто и погнали евреев, по 6000 ежедневно. Они начали с заключенных в тюрьме, нищих, бездомных, за ними последовали дети-сироты, потом переселенцы из Германии, потом все, не занятые на фабриках...

О чем Черняков мог думать, глядя, как послушная немцам его Служба Порядка выгоняет людей из квартир во дворы и на улицы, отбирает обреченных и теснит их в строй, в поход к товарным вагонам у Гданьского вокзала?

О чем он мог думать, видя колонны скрученных страхом стариков, истерзанных женщин, позорно покорных мужчин и безжизненных детей на спичечных ножках?

О чем он мог думать, когда толпа евреев шалела под выстрелами развлекающихся немцев?

Он видел, как еврей-полицейский настигает сбежавшего пятилетнего ребенка и тащит его, визжащего, нелепо дергающегося, к телеге, где истошно вопит женщина, и зло швыряет ребенка в кучу людей на телеге и страшной руганью кроет и мать, и дитя, и телегу, и бога, и слезы текут по зверскому лицу полицейского, — о чем тогда думал Черняков?

О чем он мог думать, когда гетто выворачивалось наизнанку и к вечеру являло на опустошенных улицах жалкие потроха нищенского быта: узлы, кружки, миски, чемоданы, костыль, рваный тапок, куклу с разможенной головой, пустую оправу очков, оторванные книги, ржавый детский горшок?..

Прошли сутки в безбрежии ужаса. На мостовых кровь застывала в лужах — ее сток тормозили трупы. О чем он мог думать? Вспоминать еврейские погромы доброго старого времени? Их страсти — игрушки рядом с этим избиением.

Он подписал первый список на выселение шести тысяч. Тогда в нем все тряслось, но он удерживал свою совесть в шорах немецкой лжи: это только переселение, на новом месте евреев ждет работа и пища, — и он поставил свою подпись.

...Их ждет одна работа — умереть. Их всех: отцов, матерей, детей, старых и молодых, слесарей и профессоров, врачей и музыкантов, и портных, и раввинов, и христиан с еврейской кровью, и чиновников, и нищих — всех! — немцы не остановятся на калек и безработных... Он, Черняков, начал этот поток. Он собственной рукой убил первых шесть тысяч...

До последнего дыхания он дрался за свой народ. До последнего человека он их всех отдал на закление. До последнего мгновения он надеялся. До последнего дня не оставлял своего поста. До последнего предела напрягался против судьбы. До последнего края дошла беда. И дело его дошло до последнего письма, до клочка, на котором он хотел все объяснить, но вывел только два слова: "До последнего..."

И выстрел, который столько времени зрел в его револьвере, вырвался, наконец, наружу, и Председатель Юденрата инженер Адам Черняков присоединился к восьмерым евреям из Службы Порядка, догадавшимся еще при начале "выселения" покончить с собой, чтобы не помогать немцам.

Его выстрел был шансом на последнюю удачу, и он не упустил ее. Не всякому Председателю еврейского самоуправления везло самому распорядиться своей смертью.

Но большей удачей Чернякова можно считать то, что ему не пришлось видеть всей "операции Рейнхардт", ее почти двухмесячного разворота. Она, конечно же, промолотила гетто всеохватно, не забыв благодарно включить в конце часть Службы Порядка: двести старательных евреев-полицейских со своими семьями дополнили итоговую цифру уничтоженных людей до 300000. ТРИСТА ТЫСЯЧ...

Повезло Чернякову не узнать про триста тысяч, не увидеть гетто в сентябре сорок второго года: выморенные дома, забытые колючей проволокой улицы, пустые, как не бывало и в чумные годы. Кое-где украдкой под стенами движутся живые лохмотья, краснеют кровью камни мостовых, дымят, догорая, костры на улицах, остро воняет паленым и воют в глухое пространство бродячие псы, — миновало их еврейское счастье, выжили...

Повезло Чернякову, псам повезло...

А уж мне-то как роскошно выпало!

Я могла бы ехать в концлагерь: товарный вагон — битком, я вжата в трупы, влиплена в их и мои испражнения, я схожу с ума от жажды или захлебываюсь кровью, когда охрана полосует по

вагону автоматной очередью... Я могла бы извиваться в лагерном борделе под надзирателем. Я могла бы замерзнуть в очереди: голые темные тела, босые синие ступни, толпа, бесформенная масса, старики и дети, женщины-калеки, откровение обнаженного уродства — очередь в газовую камеру... свистит поземка... скулит сердце... ветер колет грудь... уже не колет, замерзшая обезболилась кожа, и под ногами снег больше не тает, скрипит... а очередь стоит... что-то там впереди не ладится — газа нехватит? зондеркоманда замешкалась? — господи, когда же?! там тепло, в камере, там тепло, скорее бы... Нет, не было этого со мной, и не попала я на пытку в гестапо, и не грызла от голода собственные пальцы, и не стала мылом, и ученый доктор двух университетов Вебер в освенцимском "Институте СС", экономя конину, не приготовил из меня питательный бульон для своих бактерий... Мне повезло, я счастлива: я стою сейчас у стены, ранняя осень заливает меня светом и теплом, я стою и думаю о бесплодности честного выступления Чернякава.

Наша правда грянула из другого револьвера.

Антифашистский Блок, не поддержанный почти никем, обескровленный, в общей агонии теряющий лидеров и бойцов, не оставлял попыток драться. Деятель Блока Иосиф Каплан перед смертью передал из тюрьмы Павьяк записку на волю: "Если мы должны умереть, то умрем с честью. Спротивляйтесь немцам повсюду, поднимайте молодежь, вооружайтесь, не идите в вагоны".

Они вооружились одним револьвером — подарком военного комитета ПРП. Второй подарок коммунистов, 9 револьверов и 5 гранат, связанная Регина Юстман не донесла — попала в гестапо. Но и той огнестрельной единицы хватило, чтобы боевик Блока Израиль Канал 25 августа пустил пулю в командира полиции гетто Шеринского.

Немцы в ту пору стреляли много: в конце июля убивали в среднем 163 человека в день, в августе 146, от 6 до 12 сентября 378 — производительность росла, и где им было расслышать в сутолоке убийства звук каналовского револьвера, а он-то был — сигналом.

Гетто пробудилось. Горели подожженные боевиками магазины и склады, заборы возмущали людей листовками, конструировался огнемет для самозащиты, кто-то прорывался на "арийскую"

сторону и дальше к партизанам, другие били полицейских, Северин Майда бросился на жандармов, певица Мария Айзенштадт дралась с немцами возле вагона... Медики и педагоги шли на смерть со своими малолетними и хворыми подопечными, чтобы облегчить их последний час, — гибель подвижников питала дух борьбы. И в ночь на 3 августа учитель Израиль Лихтенштейн с рабочими Нахумом Гривачем и Давидом Грабером закопали десять жестяных коробок и два молочных бидона, в которых находился Подпольный Архив гетто, — материалы, собранные огромным, смертельно опасным трудом историка Эммануэля Рингельблюма и его сотрудников, чтобы потом, через годы, можно было разглядеть гетто и узнать, что Черняков стрелял и Канал стрелял, и что выстрел выстрелу рознь.

Канал не убил Шеринского, только ранил (добили позднее), но отдача его пистолета явила себя новой сущностью гетто. Рингельблюм записал в октябре 1942 г.: "С кем ни разговариваешь, каждый повторяет одно и то же: "Нельзя было допускать выселения... Покорность ничего нам не дала..." Сейчас поняли, что если бы тогда все поднялись, бросились на немцев с ножами, лопатами, тесакми, если бы обливали немцев, украинцев, латышей и еврейскую Службу Порядка соляной кислотой, горячей смолой, кипятком и т. д., не было бы 350 тысяч замученных в Треблинке, а только 50 тысяч расстрелянных на улицах столицы. ...Люди громко клялись: никогда больше немец не тронет нас безнаказанно..."

Прозрению способствовала общая обстановка: немцы завязли на фронтах, союзники участвовали налеты, оживились партизаны и подполье вплоть до самой Германии, где в рядах антифашистов проявилась еврейская группа Баума, наконец, стало известно о самообороне евреев Кобрин, Несвежа, Клецка и других городов.

К тому же немцы сами поднимали боеспособность гетто: после опустошительного летнего отбора в гетто остались самые сильные и молодые, примерно 70 тысяч человек, в основном рабочие, больше половины — мужчины, детей младше 14 лет до трех процентов (перед "выселением" 26—27 процентов), легальных лиц старше 50 лет — 701.

Легальных — это тех, кому было дано официальное право жить. Их было 35 тысяч — еврейские руки, необходимые для нужд германской армии, поэтому Гиммлеру пришлось на время

обратить гетто в концлагерь и, сочетая полезное с полезным же, в ловушку для беглецов из гетто: рейхсфюрер СС никогда не упускал в текущих заботах конечную цель — поголовное уничтожение евреев. Приманкой бежавшим должны были служить: 1) амнистия в случае возвращения до 31 октября; 2) требование от Юденрата плана работ для гетто на срок до мая 1943 года; 3) открытие в гетто кафе, кино и театра. Однако доверчивых уже не находилось. И как-то не до театра евреям было...

Усовершенствованное немцами гетто выглядело так: резко сокращенная территория, блоки и участки для жилья и работы, между ними "ничья земля", "дикое" пространство, за появление там без пропуска — смерть. Отдельно, в нескольких варшавских домах, другое гетто, "малое" — текстильная фабрика немца Тоббенса.

Легальные тридцать пять тысяч подчинялись Юденрату, возглавленному после Чернякава Лихтенбаумом, а Юденрат шага не мог ступить без СС, которая правила с помощью полиции и фабричной охраны из немцев, украинцев и поляков. Службу Порядка Юденрата, и ту ужали до 240 человек вместо прежних двух тысяч.

Легальные рабочие жили в блоках на казарменном положении, отдельно от семей, имущество их было конфисковано. Работали они сверх сил, принося казне СС ежемесячно 1,5 миллиона злотых, а надзиратели, охрана и немецкие фабриканты зверски их избивали — новые рабовладельцы, в отличие от древних, о выживании невольников не заботились.

Нелегальные — половина населения — прятались на "дикой" территории или в мастерских и никому не подчинялись, поскольку как бы не жили.

Таким было гетто, "обновленное" немцами. Обновленное духом гетто выглядело иначе: в аду мастерских рабочие создавали кассы взаимопомощи, многие рвались к оружию, голоса осторожных и шкурников тонули в общем порыве: "Если умереть, то как люди, в борьбе!". В конце октября представители организаций прежнего Антифашистского Блока создали БОЕ.

БОЕ:

это несколько сот человек, сказавших "Мы не собираемся спасать себя. Из нас никто не выживет. Мы хотим спасти честь народа" (слова Арье Вильнера — "Юрека");

это ответ семнадцатилетней девочки на просьбу отца бежать с ним из гетто: "Не могу... Я уже себе не принадлежу" (Галина Рохман), это напутствие старого мастерового Фримера сыну: "Пусть вам повезет. Был бы я моложе, пошел бы той же дорогой";

это устав, в котором записано: "Организационной единицей является боевая "шестерка" во главе с командиром. ...При назначении командиров следует руководствоваться только квалификацией кандидатов";

это штаб: Мордехай Анелевич (командир), Герш Берлинский, Ицхак Цукерман ("Антек"), Абрам Шнайдемил (сменен позднее Марком Эдельманом), Михаил Ройзенфельд;

это политическое руководство: Анелевич и Иоханан Моргенштерн от левых сионистов, Абрам Блюм (Бунд) и секретарь отделения ПРП в гетто Эфраим (Эдвард) Фондаминский;

это девочки и мальчики, которые предпочли утешительному теплу семьи жестокую солидарность смертников, жизнь в комнате-казарме, с общим котлом, с оружием под рукой, с условным стуком в дверь, с круглосуточным дежурством в ожидании боя;

это бежавшие из Треблинки Абрам Крепицкий, Давид Новодворский, Толя Рабинович и другие, их рассказы о концлагере прерывали дыхание жутью уничтожения и заразной героикой бунта: варшавянин Берлинер убил ножом эсэсовца, какой-то еврей из Кельц, защищая мать, прирезал украинского охранника, пятьсот евреев казнены за попытку восстания, поезд из Седлец во время селекции всем скопом бросился на немцев...

это пропагандистское воззвание: "Кем бы ты ни был и как бы ни мыслил — если душа твоя горда и сердце не отравлено ядом улицы — иди к нам, станем плечом к плечу для борьбы за жизнь беззащитных, обреченных на смерть...";

это конспиративные квартиры на "арийской" стороне;

это связные, проникающие сквозь стену гетто;

это спасение немощных, это авторский вечер поэта Владислава Шленгеля в пользу бездомных сирот;

это оборона гетто от обычных бандитов, пришедших с "арийской" стороны, и от собственной шпаны;

это агента в Службе Порядка: Гжибовский, Ангельмен и Люксембург, трое полицейских, ловцы предателей;

это — Организация.

БОЕ:

это требование устава: "В случае дальнейших выселений оказывать сопротивление под лозунгом: "Не отдадим ни одного еврея!";

это жадный поиск союзников: "Являемся одним звеном в общей цепи борьбы... Самим фактом своего существования становимся частью общего антигитлеровского фронта..." (заявление группы членов БОЕ);

это каменная неподатливость принципов, и правого толка группа бывших военных со всей своей боеспособностью остается вне БОЕ, они — самостоятельный Еврейский Военный Союз, ЕВС;

это сиротство: БОЕ не входила в военные формирования подпольной Польши, связи с ГЛ и АК налаживались трудно, и поток просьб о помощи оружием (жизненно важным, нет — досмерти нужным) оборачивался ничтожными каплями: несколько неисправных пистолетов или инструкция по проведению диверсий или просто уведомление о солидарности; даже после вооруженных схваток БОЕ с немцами в январе сорок третьего года прошло два месяца, пока польские соратники поверили в эффективность еврейских выстрелов и АК взялась, наконец, дельно помочь евреям, но тут же одна за другой стали обнаруживаться помехи: то связной БОЕ "Юрек" (Вильнер) попадает в полицию и, несмотря на его молчание под пытками, АК, опасаясь провалов, осторожностью замещает сотрудничество; то офицер АК явился инструктировать неопытных бойцов БОЕ пьяным в стельку — "Еврейские повстанцы так и не получили обучения", — доложил начальству чиновник АК; то командир отряда АК объявил, что в случае связи БОЕ с коммунистами он, невзирая на любые приказы, будет вместе с немцами уничтожать евреев; а вокруг гетто бурлил антисемитизм, и одна из нелегальных газет, "Политика", опасалась, что содействие поляков евреям "могло бы стать исходным пунктом какого-нибудь еврейско-немецкого сговора", и незамысловатые патриоты, особенно из полиции и пожарных частей, усердно вылавливали беглецов из гетто, и отряды польских фашистов истребляли партизан-евреев, и набожные польские крестьяне, убедившись, что гром небесный не карает даже за кровь еврейских младенцев, поставляли немцам скрывающихся евреев за три литра водки;

это манок высокой душе, магнитное поле подвига, в его силовых линиях: первые организаторы тайной помощи евреям Зофья Коссак, Чеслава и Теофил Военские, Ванда Крахельска-Филипович; созданный в октябре сорок второго года Совет Помощи Ев-

реям во главе с Юлианом Гробельным; польские харцеры под деятельным руководством Александра Каминского; "Ворчливый Янек" — "король" проводников через подземные каналы, который вынес на своих плечах не одного еврея; врач Рашейя, ушедший в гетто спасать больного Абу Гутнайера, — немцы убили обоих; майор АК Ольгерд Осткевич-Рудницкий, казнивший по приговору подполья двух доносчиков; железнодорожник Теодор Пайевский, он вырывал из концлагеря и укрывал многих евреев, в том числе Э. Рингельблюма; ксендз и викарий из Шумова, убитые за помощь евреям; извозчики и шоферы столичного района Пованжки, защитники коллег, сбежавших из гетто; партизаны, под Челестиновым освободившие смертников из поезда в Треблинку; варшавские монахини сестры Мария Юзефа, Попиел и Бернарда (спасение детей и женщин, помощь оружием); и среди пожарных, привлеченных немцами к добыванию евреев, нашлись такие, как Владислав Свентоховский, связной между БОЕ и польским сопротивлением; и ученые, актеры, торговцы, журналисты, даже полицейские — было их не слишком в многомиллионной стране, но достаточно, чтобы в тупике обреченности услышала БОЕ сочувственное чье-то дыхание, чтобы тысячи евреев укрылись под щит сострадания, чтобы в кромешной тьме — зарницы;

это пересуды, слухи, невероятность правды и достоверность вымысла: говорят, в крушинском лагере евреи схватились с немцами, часть погибла, зато кое-кто сбежал, а в Крынках, говорят, евреи немцев перестреляли и подались в лес все до одного, от старухи до младенца; говорят, в Мехове бургомистр стал расстреливать еврейских детей и тут их отец ножом — представляете? — ножом перерезал ему горло; говорят, в ченстоховском гетто Мендель Фишлевич и Айзик Файнер тоже пытались ножом убить эсэсовца; говорят, по дороге в концлагерь некоторые выпрыгивают на ходу из вагона; говорят, возле Парчева партизанский отряд, больше тысячи евреев, все вооружены, колотят немцев, а в районе Люблина отряды Самуэля Эгера, Кагановича, Вольфа Глайхера, а возле Ядова Моше Зеленец, ему двадцать пять лет, собрал евреев, бывших солдат, крепкие ребята, дай им бог здоровья; говорят, в грубешовских лесах был бой, убиты семьдесят наших, варшавских, только один уцелел, а Зося Ямайка, — вы знали Зосю Ямайку из группы "Спартак"? — она погибла в бою как герой, и Людка Арbeitсман тоже, и Малгося Залштейн, Ида Малкин, о, чтобы всех вспомнить, надо вот такую голову иметь; говорят, в Кра-

кове еврейские боевики и с ними один наш, "Анте́к" его кличка, устроили налет на "Цыганерию", знаменитый ресторан, коньяк, девочки, любимое место немецких офицеров, из них гранатами такой фарш сделали, лучше вашей бабушки, сейчас вся Польша ахает; и действительно, польской гордости пришла пора изумленно оглянуться на презренных евреев, их первыми оглушил нацизм, и они первыми опомнились драться: "Героизм евреев да полужит нам примером", — писала подпольная польская пресса;

это отречься от матери-спекулянтки, чья нажива — нужда нищих, презреть отца, который холопствует в Юденрате, расправиться с братом, тиранящим подневольных рабочих в угоду немцу-фабриканту, прикончить друга, если он агент гестапо или якобы тайной "Антикоммунистической лиги" (затея провокатора Ганцвайха: воюя с коммунистами, изнутри подорвать БОЕ); это кулаками заткнуть продажные еврейские глотки, по указке нацистов чередующие скулеж безнадежности и вранье о благополучии переселенных людей; это ударить листовкой: "...имеются полные списки всех тех, кто служа немцам, забыли, что они евреи и люди! ...если они не прекратят своей гнусной деятельности, будут все расстреляны";

это для боевиков бесплатно хлеб от пекарей, обувь от сапожников;

это сверхмуравьиное (не сверхчеловеческое!) упорство в создании подземного города: вырыть логово, укрепить железобетонном стены, в потолок замуровать рельсы, соорудить бойницы, склады, жилые пещеры и места лазаретов, связать их системой лазов и переходов под землей, по чердакам, крышам, сквозь проломы в стенах, сообщить с "арийской" стороной, с выходом к рекам и отстойникам стоков через канализационные туннели — вот чем на глазах у оккупантов тайно, почти без техники и материалов, месяцами занимались Моисей Ягодзинский, Гольдман и многие другие инженеры и строители; а чтобы сточные каналы стали дорогами, следовало вычлени́ть из лабиринта канализации нужные трассы, изучить их, составить схемы, планы, карты, и разведчики — часто дети, щуплые, пронырливые, — погружались в подземную мразь, выворачивали ноги на выбоинах, скользили на округлостях стен, проваливались в ямы, захлебывались в отходах и пробивались к просветам канализационных люков, а иногда теряли путь, сходили с ума в вонючей темноте или застре-

вали на повороте трубы, и новые лазутчики отправлялись вытаскивать труп, чтобы заблокированный канал не выпер жижу на улицу и не привлёк враждебное внимание, они выволакивали наверх тело — случалось, любимой девушки, случалось, ребенка, — облепленное экскрементами, с лицом, обглоданным крысами, и находили мужество вернуться в черный смрад канала, чтобы впоследствии ничтожное, дециметрами измеряемое, пространство между кирпичным сводом и потоком грязи стало артерией, питающей гетто помощью “арийской” стороны, чтобы брели по каналам, спотыкаясь о трупы утопленников, беглецы и боевики, чтобы остряки гетто называли крестный тот путь “еврейской автострадой спасения”;

это дети на улице играют, разделяясь на “немцев” и “евреев”: “немцы” бьют “евреев”, гонят на “переселение” — игра без смеха, без баловства игра, отдых от работы лазать через стену гетто на “волю” и обратно, с едой, с лекарством, с запиской, с патронами на хиллом тельце под лохмотьями одежды;

это песня с примерно таким текстом: “Кто без оружия битву ведет, того легкой смертью судьба не обидит. Но не напрасно кровавый льем пот: утро стучится у наших ворот, утро, которого нам не увидеть”;

это слова Анелевича в начале сорок третьего года: “Вижу, что благодаря нашей работе пробуждается новый гордый сильный еврейский человек, который сумеет бороться за свою жизнь”; “Помню разговор с Анелевичем, — напишет позднее Рингельблюм. — Он был уверен, что ни он, ни его бойцы не переживут ликвидации гетто, что сгинут, как бездомные псы... но национальное достоинство заставляло евреев сопротивляться и не дать вести себя на бойню”;

это лозунг — извечная формула: “Выжить свободными или свободными умереть!”;

это — Организация Евреев.

БОЕ:

это мне, благовоспитанной девочке, научиться стрелять, швырять гранату, таиться в развалинах, ползать в грязи, рвать ножом горло, перевязать товарища — к январю сорок третьего года нас, обученных боевиков, стало пятьдесят групп;

это устав: “Оружием считаются огнестрельное оружие, топоры, ножи, кастеты, едкие вещества, горючие материалы и прочее”; среди прочего: “гранаты гетто” — кусок трубы с динамитом внут-

ри или жестянка с железками и болтами, обернутая в пропитанную взрывчаткой бумагу, "коктейль Молотова" — бутылка с жидкой смесью, загорающей при ударе, мина из двух металлических пластин с динамитом посредине и детонатором (при снаряжении иногда взрывалась, калечила); в тайных мастерских Эфраим Фондаминский, Моисей Ягодзинский, Мордехай Тененбаум и их товарищи трудились над самодельным этим оружием и ремонтировали присланное с "арийской" стороны;

это устав: "Каждый член "шестерки" должен быть вооружен. Каждый участок должен быть обеспечен оружием...", нет задачи важнее вооружения, о том крики ближним полякам и дальним нью-йоркским евреям, но отклик скуден, можно на "арийской" стороне изловчиться купить у частных лиц или итальянских солдат пистолеты, патроны, даже пулемет, да денег мало: бедняки гетто жертвуют организации последние гроши, а богачу раскошиться, что в кипяток нырнуть, — и тогда приходит пора праведного грабежа, сюжеты детективного кино: 30 января в два часа ночи в квартиру кассира Юденрата Меламуда стучат евреи-полицейские, у них письмо Председателя Юденрата Лихтенбаума, он требует немедленно явиться в кассу и выдать деньги представителю гестапо, кассир добросовестно исполняет приказ — только бланк письма Юденрата краденый, подпись Лихтенбаума поддельная, полицейские шапки гостей Меламуда сняты с охранников Юденрата (их связали и рты им заткнули), а деньги, сто тысяч злотых, вместо представителя гестапо получил Герш Берлинский, командир операции; кассир Меламуд с мешком на голове был возвращен домой невредимым, что вряд ли утешило Лихтенбаума, как и протокол, составленный наутро гитлеровцами, которых он вызвал, — в драку с БОЕ немцы не рвались; навел боевиков на кассу печатник Юденрата Шимон Маюфес, член БОЕ, он затем занялся разведкой банка гетто; банк взяли под командованием Израиля Канала десять лучших бойцов, в гриме и масках, с несколькими гранатами и единственным револьвером, взяли посреди белого февральского дня, в районе, наспигованном охраной и немцами, и телефон, имевшийся в банке, не выручил — Давид Новодворский выстрелил в воздух, случившийся вблизи народ послушно рухнул на землю, дежурные полицейские в герои не рядились, и девушки Това и Мирка пронесли в котелке для еды 100 тысяч злотых, а Герш Берлинский, Павел Брыскин и "Стах" прикрыли отход; еще БОЕ отняла 710 тысяч

злотых у богатого Отдела Снабжения Юденрата; и сам Лихтенбаум частично оплатил ненависть гетто к себе, отдал 50 тысяч, правда, после того, как БОЕ подержала одну ночь заложником его сына, вослед папе дружившего с немцами;

это устав: "Проводить террористические акты в отношении еврейской полиции, еврейского самоуправления и фабричной охраны" — 29 октября убит заместитель начальника Службы Порядка, на следующий день воззвания на улицах гетто, объявляют войну предателям и всеильная охрана боится сорвать листовку; и тринадцать казенных подонков — скорая наука многим евреям-полицейским, они снимают форменные шапки и прячутся; и фабричный охранник облит кислотой, и 21 февраля убиты четверо агентов гестапо, и ветеран гестаповского сыска Носиг уничтожен в собственной квартире;

это Гиммлеру, озабоченному польским сопротивлением, приходится лично посетить гетто — "гнездо разложения и бунта", и на мертвых улицах рейхсфюрера в его автомобиле берегут офицеры СС, а спереди и сзади едут танкетки в боевой готовности;

это в преддверии полного уничтожения гетто (немцами решено, евреями — понято) бросок во встречный бой: на 22 января БОЕ планирует поминание трехсот тысяч, погибших полгода назад, костром на площади, венками, транспарантами и избиением Службы Порядка на улицах гетто;

это опережающий удар нацистов: восемнадцатого января в семь тридцать утра двести немецких жандармов, восемьсот литовских и латвийских фашистов, усиленных польской полицией, ворвались в гетто выселять евреев в концлагерь; вспыхнула листовка БОЕ: "Евреи! Боритесь!", рванула гранатой немцев и себя семнадцатилетняя Эмилия Ландау, и снег на улицах гетто расцвел кровью боя; "Евреи стреляют!" — изумились оккупанты и взялись за дело основательно: легкие танки, артиллерия, пулеметы, полевые кухни, автомобили с боеприпасами, штаб на Мурановской площади, оперативные карты на столах, вестовые на мотоциклах — достаточно, чтобы совладать с группой грузчиков Моисея Чеппеля, чтобы прикончить портного Яшу Гринштейна, поднявшего нож на эсэсовца, или чтобы перестрелять шестьдесят евреев, которые взбунтовались перед погрузкой в вагоны, — достаточно для отдельных боевых успехов, но остались не добытыми до конца группы Бениamina Лейбгота, Бронислава Яворского и Израиля Канала, хотя в каждой было лишь два револьвера и одна граната, к тому же у Канала

граната не взорвалась, боевики отступили в другой дом и, умирая один за другим в отчаянном бою, заставили все-таки немцев откатиться; не все погибли и на центральном участке гетто, где Захария Артштейн, Ицхак Цукерман, Сильвия Любеткин и их товарищи, засев в домах, пропускали гитлеровцев внутрь, а потом, отрезая выход, атаковали со всех сторон; и в группе Анелевича кое-кто уцелел после того, как они со своими пятью револьверами, пятью гранатами, бутылками, ломami и палками сначала заставили эсэсовцев бежать, бросая оружие и каски, потом, под напором свежих немцев, забаррикадировались в доме на Низкой улице, а когда осаждающие прорвались в дом, подожгли лестницы и отстреливались до последнего патрона; сам Анелевич (он убил несколько фашистов, отобрал у жандарма карабин и парабеллум, попал в окружение) — тоже выжил, его выручил Ицхак Сукенник;

это нехватило немцев на то, чтобы ходить за евреями в огрызающиеся огнем дома, а на улицах да взрывая подвалы, набрали они только шесть с половиной тысяч смертников, вместо подписанных Гиммлером шестнадцати тысяч; неостало им техники и штабных талантов и тысячи воинов, чтобы одолеть гетто — 22 января они отступили, потеряв около двадцати убитых и полсотни раненых и имея в перспективе дальнейшее сопротивление евреев, нападения на эсэсовские патрули, поджоги немецких грузовиков, обезоруживание евреями украинских охранников, убийство группой грузчиков немецкого летчика, явившегося в гетто побаловаться грабежом, схватки БОЕ с польской полицией (в конце марта полицейские отобрали у группы Артштейна деньги и патроны и засели в банке Юденрата, боевики Артштейна осадили банк, оборвали телефон и вынудили полицейских все вернуть) — и хотя немцы неоднократно “усмиряли” гетто, только 13 марта за два часа убили около двухсот человек, вытесненных из убежищ и просто прохожих, в том числе четырнадцать детей, — все-таки Анелевич мог в тот же день заявить: “...с 18 января еврейское население Варшавы находится в состоянии постоянной борьбы с оккупантами и его прислужниками”, и Лихтенбаум честно ныл немцам: “Власть в гетто мне уже не принадлежит. Тут правит другое правительство”;

это — Боевая Организация Евреев, БОЕ.

Я — из БОЕ.

Я стою у стены, исковерканной взрывом. Блондин еще возится

с фотоаппаратом, брjнует, скупая, раскуривает сигарету. Солнце прыгает в объективе и ласкает ствол автомата. Мне бы тот автомат!.. Я — из БОЕ.

БОЕ и СС — раненая девчонка и два вооруженных эсэсовца...

БОЕ и СС — букашка против танка, а вот поди ж ты...

Сам генерал-губернатор Франк, обеспокоясь, 23 января прибыл в Варшаву — лично разобраться... Время для немцев хлопотное: под Сталинградом кончается армия Паулюса, англичане жмут в Северной Африке, бомбы молотят германские города, всполошилась партизанами Европа... И Польша бурлит: диверсии, саботаж, покушения... В гетто от новостей — подъем: БОЕ реорганизуется, изживает промахи, пополняет ряды, не упускает случая прикончить немца или предателя, сблизается с ЕВС, организацией евреев-фронтовиков, те тоже не дремлют: 11 февраля убили эсэсовца, 18 февраля — двух жандармов... Евреи рвутся умереть в бою. Генерал-губернатору было о чем поговорить с варшавскими властями: в героическом теле Великой Германии докучной занозой этот город и его гетто.

Волнение достигло вершин: Борман доложил о Варшаве Гитлеру. Гитлер, по словам очевидца, подумал...

...о чем подумал? Не Вену ли вспомнил, свой нищенский 1909 год и еврея Неймана, соседа по ночлежке для бедняков, который подарил ему, еще не Гитлеру, еще не фюреру, длинный, до колен, сюртук, — но нет, чушь сантиментов, паутина под железной пятой Истории... Пожалуй, об Истории он и подумал, об исторической своей миссии...

...подумал, — заканчивает очевидец, камердинер Гитлера, — и сказал, что нужны репрессии.

Стандартный ход их мысли. И стандартно раскатывается отлаженная машина: 16 февраля сорок третьего года Гиммлер приказывает ликвидировать варшавское гетто. "Иначе никогда не добьемся умиротворения Варшавы", — наставляет рейхсфюрер СС главного эсэсовца Генеральной губернии генерала Крюгера.

Они приняли радикальное решение: уничтожить гетто, а заодно и близлежащие польские кварталы. Варшаве быть урезанной, с концлагерем для поляков на месте еврейского района, с "усмиренными" жителями — город с переломанным хребтом.

Варшавский начальник СС фон Саммерн стал готовиться к операции. Он не оставил попыток "мирно" переманить евреев в лагеря смерти: им обманно сулили новую жизнь, одновременно

подталкивая запугиванием, облавами и расстрелами. Но БОЕ развернула контрпропаганду, поджигала вывозимые станки и сырье, отбивала у конвоя "переселенцев". В щеточных мастерских из четырех тысяч человек согласились на выезд лишь двадцать — и тех пришлось вести к вокзалу "арийскими" улицами, подальше от боевиков. Нет, не хотели евреи "добром" умирать, и семнадцатого апреля незадачливого Саммерна сменил заслуженный генерал СС Струп. (Он, впрочем, предоставил Саммерну честь начать войну с гетто).

Пришел наш момент истины.

Стоять бы мне сейчас не под изодранной стеной, а возле классной доски, — я такую бы для наглядности расписала таблицу:

немцы	Цель	евреи
Уничтожение евреев Варшавы — 70 тысяч человек.		Умереть борясь.
	Сроки	
3 дня.		"Немцам придется месяцами воевать в гетто" (Анелевич).

П л а н ы о п е р а ц и и

План Саммерна: усилить изоляцию гетто дополнительной охраной и сокращением движения снаружи стены; внутри гетто облавы и расстрелы.

План Струпа: не распылять сил на облавы, а колоннами двигаться по двум основным улицам гетто, Налевки и Заменгофа, последовательно подавляя огневые точки и сужая территорию повстанцев, в конце массированным ударом прикончить их.

Первая фаза: уличные бои. Баррикады против танков и авиации бессмысленны. Поэтому — обстрел из укрытий: с крыш, верхних этажей, чердаков. Боевые силы делятся по четырем участкам гетто: центр, щеточные мастерские, Мурановская площадь, фабрики. Основные узлы сопротивления — входы в гетто и перекрестки улиц.

Вторая фаза. Базы для нападения переносятся под землю, в бункеры и подвалы. При обороне бункеров — "партизанская тактика": одна группа прикрывает вход, другая запасным выходом выбирается наружу и атакует осаждающих с тыла.

В о о р у ж е н и е

Автоматы, пулеметы ручные и станковые, две артиллерийские батареи, огнеметы, 6 танков, самолеты, газы.

Несколько винтовок, автоматов, пулеметов, около 70 пистолетов (половина неисправна), гранаты, самодельные мины и бомбы, зажигательные бутылки, топоры, ломы, ножи, кипяток, кислота.

Ж и в а я с и л а

Войска СС, армейские части (артиллерия, саперы); полиция СС, гестапо, полиция польская, пожарные части,

Члены БОЕ, отряды ЕВС, профессиональные, домовые и подвальные груп-

группа технического обеспечения, вспомогательные отряды украинцев и латышей — всего 2038 человек (в том числе 29 офицеров), многие с фронтовым опытом и специальной подготовкой к действиям в гетто.

Командиры

Юрген Струп, 48 лет, член СС и нацистской партии с 1932 г., генерал СС, опытный военачальник и каратель: участвовал в двух мировых войнах, подавлял немецких, чешских и польских антифашистов, советских партизан, уничтожал евреев во Львове.

Образцовый фашист, отличался в СС исполнительностью и жестокостью. В Варшаве мог дополнительно консультироваться военным комендантом генералом Россумом и губернатором Фишером.

пы, группа религиозных евреев, одиночки — всего организованных бойцов менее 1000, обученных офицеров — ни одного.

Возраст большинства бойцов 18—25 лет.

Мордехай Анелевич, 22 года, член левосионистской организации "Молодая гвардия", с 17 лет активный антифашист, руководитель молодежных отрядов по борьбе с погромщиками. В варшавском гетто — один из создателей боевого подполья. Выделялся организаторскими и военными способностями, личной отвагой, скромностью и обаянием.

Таблица жаждет продлиться: выразительно сопоставились бы, например, санитарные машины и полевые кухни немцев с еврейскими бумажными бинтами и травянистой похлебкой в чаду под-земелья... Но некогда мне, и тема гонит: уже 18 апреля, воскресенье...

А какое воскресенье на войне? Начальство СС и полиции совещается о последних деталях, в 18 часов польская полиция окружает гетто, в 19 часов на пунктах БОЕ узнают об окружении, на квартире Анелевича сходятся командиры. Последние приготовления, оружие давно роздано, осталось распределить продукты и цианистый калий — лекарство от крайней беды. Всем группам передано: пароль "Ян — Варшава" — боевая готовность.

Мы заняли позиции в укрытиях, ворота домов забаррикадировали мебелью и телегами, окна-бойницы заложили мешками и подушками, работали споро, пошучивали — тягостная длительность ожидания сменилась, наконец, делом.

В два часа ночи снаружи стены гетто к польским полицейским присоединились немецкие жандармы и украинско-латвийские части с крупнокалиберными пулеметами: посты через каждые двадцать пять метров — обложили... Внутри, по улицам гетто, прошли разведывательные патрули латышей и полиции.

У БОЕ на улицах свои заботы: предупредить жителей, расклеить листовки "К оружию! Женщины с детьми — в укрытия!", поднять бело-красные, красные и бело-голубые флаги, вывесить на стену, наружу, призыв к полякам о солидарности, — мы все успели к рассвету девятнадцатого апреля, когда на пустые улицы гетто полковник фон Саммерн ввел свои силы.

Силы недурно выглядели, силы пели песни. Спереди они прикрылись от пуль евреями из Службы Порядка (их собрали ночью по тревоге и, погнав головной колонной, отказавшихся тут же расстреляли). За Службой Порядка — увешанные оружием немцы, латыши и украинцы: мотоциклисты, следом танки и броневые автомобили, грузовики с пехотой и станковыми пулеметами, в замыкании — санитарная машина, полевая кухня, автомобиль связи и другие вспомогательные средства, среди них громкоговоритель, зовущий евреев добровольно явиться на отправку. Однако евреи не выходили из убежищ, и в немецкой колонне томились без дела специалисты по приемке живого груза, такие, как комендант концлагеря в Травниках обершарфюрер СС Бартошек, он же Бартечко, славный участием в киевской резне евреев.

Но время — иное, Варшава — не Киев, и улица Налевки — не Бабий Яр. "При первом вторжении в гетто евреям и польским бандитам удалось... отбросить наши атакующие силы вместе с танками и броневыми автомобилями", — так отчитывался потом начальству генерал Струп, сгорая обнаружив "польских бандитов" там, где их не было. Били немцев расово неполноценные евреи, но признать это арийской душе стеснительно...

Итак, они идут по улице Налевки к центру гетто, где их бронированная мощь сметет основные силы повстанцев, после чего разрозненным шайкам останется поднять руки или лечь под пули, они идут по улице Налевки, и бодрая солдатская песня трясет вонючие стены вонючих домов, и вонючие наклейки с дурацким воплем "Погибнем с честью!" смешат непобедимых солдат, они идут, веселясь, до угла Гусиной улицы, здесь дом номер 33 плюет в них гранатой, соседние окна и балконы изрыгают огненосные бутылки, свист пуль, пистолеты и прочерк автомата, пламя... кровь... бежать!.. крики... пальба... Курт убит... Ганс в корчах... плевать на Ганса... "Назад!" — вопит офицер... "Вперед!" — вопит офицер... в задницу!.. спрятаться!.. за столб... в ворота... из ворот — бомба... проклятые жида!.. взрывы... хрип... смерть... — о, Mein Gott, как испортилась песня!..

Они бежали, в спину им восторженно трещали пистолеты и голосила девчонка в исступлении счастья: "Смотрите все! Настала расплата!"

Они вскоре пришли в себя, подкрепились свежим отрядом вермахта, уже опасливо, издали, полили огнеметами дома Налевки.

вок, а потом атаковали — за два часа боя они не убили ни одного еврея и отступили, оставив трупы, а на них мундиры, каски и оружие — трофеи, дозарезу необходимые нищим победителям.

Впрочем, день только начинался, и в запасе у немцев был полководческий гений Струпа. Генерал уже в восемь утра сменил Саммерна — тот успел за это время после Налевок dokonать свою боевую карьеру на соседней улице Заменгофа, где вторая его колонна, тоже с евреями-полицейскими впереди, угодила в котел, устроенный повстанцами: пропустив шеренги Службы Порядка, они с трех сторон ударили по немцам гранатами, бутылками и имевшимся здесь пулеметом, один танк сгорел с экипажем, два другие отступили вместе с пехотой, украинцы и латыши бросились в укрытия, немцы прикладами гнали их в бой, иные эсэсовцы при этом сами прятались, и было от чего: полосуют пули, полыхают бутылки, прибыл новый танк — и его подожгли, кто-то в горящем шлеме мечется, другой, обеспамятев, орет "Юден... Ваффен! Иден... Ваффен!", — полчаса это длилось, немцев погибло двенадцать, евреев — один, и в семь тридцать утра, держа в уме еще и проигранный первый бой на Налевках, Саммерн явился в гостиницу к Струпу, чтобы доложить: "Все погибли, нас больше нет в гетто". "Дорогой Саммерн, ты еще не дорос до таких задач", — сказал Струп, и оберфюрер СС фон Саммерн-Франкенегг выпал из дела, из Варшавы, а вскоре, подстреленный партизанами в Хорватии, из жизни вообще. Еврейские козни...

Генерал же Струп отправился в гетто — лично торить себе тропу в бессмертие. Правда, вскоре преданные подчиненные упростили его перенести свою ставку на "арийскую" сторону, поскольку в гетто генерала дважды обстреляли, приходилось передвигаться под заслоном автоматчиков, да на улицах располагалась охрана, да на крышах, — и все равно боязно было от евреев.

Первое дело генерала — улица Заменгофа, основная артерия гетто. Струп ввел в бой артиллерию и, потеряв несколько человек от гранат боевиков, заставил все же повстанцев отступить.

В полдень он приступил ко второму штурму перекрестка Налевок и Гусиной. Никаких маршировок и песен, фронт как фронт: "Батарея, к бою! Огонь!", наступать цепью под стенами домов, противника — в клещи, охват с запада по Гусиной и с севера, от Мурановской площади, а с третьей стороны, на Налевках, ставить баррикаду из тюфяков — бить оттуда по перекрестку, артиллерии прикрыть стройку огнем, "Что, эти болваны с "коктейлями" про-

тив пушек еще живы?! Танки — вперед, автоматчики — за танками!”, евреи последними гранатами разносят баррикаду и переходят чердаками на новые позиции, “Вызвать авиацию!” — командует Струп, вой, пикирования, взрывы, дым, пыль...

Израсходовав боеприпасы, группы БОЕ отступили. Отходя, подожгли большой склад — немцам ничего не должно достаться.

Бой длился шесть часов. Погибло несколько евреев. Маловато Струпу для победной реляции — что ж, итоги можно улучшить больницей на Гусиной 6, откуда медсестры носили воду раненым повстанцам. От бомбы больница загорелась. Солдаты Струпа ворвались внутрь. Здесь они воевали умело: медиков и больных в пламя, новорожденных — головками о стену, роженицам — вспороть животы...

Развивая успех, отряды Струпа прошли по Налевкам до упора улицы в Мурановскую площадь, и здесь их встретила Месть. (Она, как часто бывает, могла спутать адрес, вершась, например, на том солдате вермахта, который дал возможность спрятаться еврею Гольдману, но таких среди покорителей гетто было ничтожно мало, поэтому тут вряд ли следует опасаться несправедливости).

Первая группа фашистов, приблизившись к площади и хоронясь от пуль, не нашла себе укрытия лучше подворотни, занятой боевиками: немцев немедленно перебили, сняли с трупов одежду и оружие.

А в 16 часов, завершив ратные труды на Налевках и Гусиной, на угол Мурановской площади, где развевались флаги восстания, явилась большая колонна немцев под охраной танкеток: СС, жандармы, батальон полиции — площадь потемнела от мундиров.

Бой был злым. Евреи подожгли танк и захватили два пулемета. Санитарные машины немцев не останавливались — было кого возить. “Евреи и бандиты, — рапортовал потом Струп, — оборонялись, переходя с одного пункта на другой, и в конце концов ушли через чердаки или подземные проходы”.

“Бандиты” — бойцы БОЕ и двух групп ЕВС под командованием Павла Френкеля и Леона Родала. Это они заняли блок домов и атаковали, меняя позиции. Их главный опорный пункт, бетонный дом номер 7, имел вдоволь боеприпасов, а сверх того получал оружие от союзных поляков через добротный туннель, который вел к противоположному дому на “арийской” стороне (стена гетто делила площадь).

Немцы наседали много раз, дом 7 отвечал гранатами, из-под его крыши исправно строчил пулемет, соседние дома тоже не поддавались, и к восьми вечера Струп устал воевать на Мурановской площади, где всех убитых евреев за многочасовой бой набралось только девять, — и немцы

ушли

из гетто.

...Бойцы подняли головы. Мгла разбитых домов. Кровь на мостовых. Пустые улицы. Ребенок выползает из подвала, старик выглядывает из развалин. Они живы, они не в поезде смертников, они дома и — нет немцев, нет украинцев, нет полиции... Евреи победили.

Они победили, выжив на Налевках и выстояв на Мурановской площади. Они победили в схватках на Смочьей улице и на улице Счастливой, на Низкой и на Ставках, где теперь грузчики щеголяют оружием, снятым с убитых врагов, и на Францишканской, где немецкий танк запнулся возле еврейской баррикады. Победили раненые, которые стреляли до последнего вздоха, победили дети, метавшие бутылки с горючей смесью. Победили 4800 работников фабрики Брауэра, которые безоружными так сопротивлялись в своих подземных бункерах выселению, что после штурма и уничтожения укрытий немцы захватили меньше 380 человек. Победили два парня с винтовками и девушка со знаменем, они с балкона дома, уже захваченного фашистами, стреляли вниз, в эсэсовский отряд, пока не погибли. Победила неизвестная шестнадцатилетняя девочка, когда обвязалась бутылками с "коктейлем", облила голову бензином, подожгла и с балкона бросилась на проезжающий внизу танк, уничтожив его собой.

Победили мертвые и живые: тот, кто поднял оружие, и тот, кто захлебнулся в канализации, когда Струп, отрезая пути, велел заполнить каналы водой, и тот, кто не поддался провокации гестаповского агента Ганцвайха — его фальшиво-тайная "Польская Боевая Организация" тщетно звала евреев к уличным боям, выманивая их из укрытий под немецкие автоматы.

Поляк, случайно уцелевший в гетто вопреки немецкому старанию уничтожить свидетелей, напишет позднее: "В течение двух войн я побывал во многих сражениях, но ни одно не производило такого потрясающего впечатления... В пламени беснующихся пожаров, в грохоте противотанковых и полевых орудий, минометов и пулеметов пробирались немецкие саперы под еврейские гнезда

сопротивления, чтобы заложить взрывчатку. Использовались и огнеметы. После всей этой подготовки немецкая пехота приступала к штурму и раз за разом отбрасывалась евреями. Только на одном участке я насчитал 15 убитых и 38 раненых немцев. Евреи... обороняются яростно и решительно”.

Мы, наконец увидели страх непобедимых “сверхлюдей”, мы наблюдали, как эсэсовцы боятся войти в уже умерщвленный дом, мы слышали музыку вражеской агонии — мы упивались правдой борьбы и в жажде продлить упоение ночью развешивали плакаты “Воюем до конца!” и швыряли из-за стены гетто гранаты в полицейский патруль на “арийской” стороне.

Это мы, мы заставили генерал-губернатора Франка 20 апреля сообщить в канцелярию Гитлера: “Со вчерашнего дня в Варшаве налицо хорошо организованное восстание в гетто, которое нам приходится подавлять с помощью артиллерии”. А Мордехай Ане-левич написал на “арийскую” сторону: “Мы атаковали немцев, которые бежали. Наши потери невелики ...Мечта моей жизни сбылась. Самозащита евреев в гетто стала фактом, и месть евреев обрела реальные формы. Я свидетель прекрасной героической борьбы еврейских повстанцев”.

Мы победили. Впереди у нас — смерть. А сегодня — праздник. Праздник свободы. Пасха!

Пасха — евреи вырвались из рабства. Пасха — воскрес Христос. Пасха — праздник Жизни.

В этот, 1943-й, год еврейская и католическая пасха пришлись на одну и ту же неделю. Подоспело и фашистам: 20 апреля — день рождения фюрера. Всякому своя радость. И свой обряд.

В гетто пасхальную молитву возносило оружие.

Струп взял заложниками членов Юденрата и, грозя стереть гетто с лица земли, предложил евреям сдаться. Мы предпочли бой.

Пробитые пулями знамена групп ЕВС на Мурановской площади долго портили праздник немцам: неустанные их атаки захлебывались, повстанцы сидели прочно в домах, пуповина туннеля питала их оружием дружественных поляков, евреи и сами в дерзких вылазках добывали у врагов автоматы и патроны — они держались больше суток, день рождения фюрера обернулся смертями его солдат и даже одного офицера, Струп в отместку велел расстрелять на месте несколько сот евреев, но торжество все-таки было

омрачено, поскольку боевики с Мурановской в конце концов ускользнули. Большинство с помощью отряда капитана АК Иванского вышло через туннель на "арийскую" сторону. Праздник бы им, пусть израненным и обессиленным, да свой праздник у других поляков: двадцать повстанцев уже за городом, в лесу, наступила и после перестрелки захватила полиция, семеро остальных укрылись в доме на "арийской" стороне, но их выдал немцам польский фашист — отстреливаясь, почти все погибли...

Комбинация торжеств одарила радостью и наши пять групп на щеточной фабрике. Нам двадцатого апреля выпал главный бой.

Накануне ночью семнадцатилетний командир Марк Эдельман преподнес бойцам пасхальный подарок: по 1—2 патрона каждому — их купили вечером, пополнив оснащение, которое позволяло предвкушать толковую схватку: у нас были револьверы, карабины, гранаты, бутылки-бомбы, даже мину мы заложили перед воротами фабрики. Люсик Блонес, самый младший из почти сотни бойцов, сиял: в четырнадцать лет — собственный немецкий револьвер! А сорокалетний Абрам Дdiamант, ветеран войны, бывший сержант, имел и пистолет, и винтовку... Мы гордились своей готовностью и восторженно кричали со стены гетто проходим на "арийской" стороне: "Поберегитесь, братья-поляки, будем стрелять в немцев" и "Воюйте вместе с нами!" и "Да здравствует Польша!". А когда в четыре утра к фабрике двинулись триста немецких солдат, и одних мотоциклистов набралось около ста пятидесяти, и слышался лязг танков, мы ощутили настоящее счастье: немцы признали нашу силу.

Праздник разгорелся в три часа дня. Струп скомандовал штурм, триста немцев бросились к фабрике, и взрыв нашей мины тридцатью двумя трупами салютовал именинам фюрера. Панической волной отхлынули немцы, чтобы через полтора часа вернуться и снова откатиться под уханье гранат и "коктейлей Молотова". Их трупы — наше вдохновение, под густым огнем мы непрерывно меняем позиции и обстреливаем скопления фашистов: на малые цели тратить патроны запрещено — экономия.

Экономия! Люсик Блонес на лету перехватывает немецкую гранату и швыряет обратно в эсэсовцев... Без промаха стреляет семнадцатилетний Шладек Шустер... Они берегут боеприпасы, они только себя не экономят, и гибнут Михал Клепфиш, Реня Немецка, Якуб Прашкер... Тот, который считал меня красивой, тоже погиб здесь после того, как на крыше два часа из-за трубы обстреливал

нападавших. А опытный Абрам Диамант сумел и себя сберечь за баррикадой из матрацев, и шестерых немцев уложить.

Мы так рвались утопить праздник фюрера в арийской крови, что Струп, смилив тевтонскую гордость, выслал парламентариев к "недочеловекам". Он предлагал евреям четверть часа перемирия и сдачу. (Отряды эсэсовцев тем временем поджигали дома, в домах горели люди). Но почти все остались на местах и противопоставляли артиллерийскому урагану Струпа свои взрывчатые сапожки, пока не кончились и они.

Мы сумели сменить позиции в ночь на двадцать второе, перешли сами и эвакуировали часть жителей: наш Романович метким выстрелом разбил эсэсовский прожектор и темнота уберегла нас. Все-таки мы немного отступили, а это уже был для немцев какой ни есть праздник — особенно если рапортовать начальству торжественным слогом Струпа: "Брошенная в бой 100-миллиметровая гаубица выбила банды из сильных укреплений".

Крутился праздник в эти дни — гулянка в гетто!

В центре, на улице Милой, где наши базы и штаб, торжествуют немцы: захвачен красный флаг повстанцев. А рядом, на улице Заменгофа, радуются боевики: освободили, разогнав конвой, колонну захваченных евреев. Еще успех — бой на территории немецких фабрик Тоббенса и Шульца. Он длился несколько дней, начавшись в шесть утра двадцатого апреля, когда наши, желая отвлечь силы немцев от центра гетто, сами атаковали немецкую колонну на подходе к гетто. Фашисты шли по "арийской" стороне улицы Лешно под веселье оркестра и успокоительный рык танка — и тут из-за стены гетто полетели пули, гранаты, бутылки, петарды... А по соседству, внутри гетто, на улице Смочей отзывались огнем другие группы БОЕ.

На Смочей немцам — подарок судьбы: не сработала мина, заложенная группами Адама Шварцфуса и Льва Рудницкого. Впрочем, боевики, не растерявшись, схватились за бутылки с "коктейлями" и сами себе подарили горящий немецкий танк.

Так и чередовались стоны и восторги, только не всегда разобрать, кому удача. Тому еврею, что вышел с поднятыми руками из дома и крикнул "Смочая пять сдается"? Немцы, поверив, ринулись к дому, где их встретила засада. Он, правда, погиб, тот везучий... Или эсэсовцам на улице Лешно, которые 20 апреля в затяжных боях уничтожили из пятидесяти шести боевиков —

сорок два? Или евреям, выжившим после того, как Струп начал взрывать подвалы и поджигать дома?

Замечательным фейерверком украсило горящее гетто праздник варшавских христиан.

Светлое Воскресение Христово! Весна, солнце, полузабытой волей овевало сердца и прояснились улыбками лица. В домах, еще стылых от зимы, воспарили ароматы пасхальной снеди, накопленной загодя голодным городом, — хоть в эти дни вдосталь еды, кое-где и ветчина розовела, и яйца блистали, и корнишоны, вывалиясь рядком на расписное блюдо, благоухали маринадом, и свежий салат невесть откуда, и детская ручонка шелестит конфетной оберткой, и тортик, и галаретка, а уж выпивка — что за радость без вина?! Христос воскрес! На улицах свет чистого неба, гуляют нежные облака, туго гнутся деревья под легким ветром, на голых ветвях отточия почек — обещание жизни. Первые цветы, свежесть травы, заря восходит в усталых глазах, гаснут заботы, тихое благочестие заполняет душу, и можно лелеять розовые бутоны надежды, да мешает тяжкое уханье пушек в районе гетто и отдаленный стрекот пулеметов, и тянет оттуда гарью, и слухи ползут страшные, но "то-ссс, нас это, слава Богу, не касается", — говорили одни, и "поделом им, наверно, — думали другие, — Господь всемилостивый зря карать не станет", а третьим просто надоели ужасы, хоть бы в праздник отдохнуть от кошмара, гори оно все огнем, и оно горело на радость четвертым, тем, кто неподалеку плясал в праздничных хороводах, крутился на каруселях с покорителями гетто, отдыхающими после доблестного труда, кто с упоением охотился на беглецов из гетто, кто не ленился с окраины добраться сюда, чтобы позабавиться корчами еврейских повстанцев, висящих на балконах.

К четвергу двадцать второго отдельные пожары в гетто слились в море пламени; блок за блоком, улица за улицей погружались в огонь, из него вопили тысячи горящих людей. Гигантским крематорием в тучах дыма вздыбилось гетто, и любознательной публике представился невиданный аттракцион: живые факелы выбрасываются с этажей поодиночке и семьями...

...плавный лет стоймя мужчины, на голове — костер волос...

...мать, завязав глаза ребенку, в обнимку с ним пронзает желтое жерло балкона, пламя, охватывая обоих, распускается за ними красноогненным хвостом жар-птицы, миг спустя оборачиваясь лужей крови на мостовой...

...грохотом разломанный воздух, треск стекол, черная метель сажи...

...падающую старуху подцепил гвоздь карниза, она повисла вниз головой, горящее платье накрыло лицо, белая бессильная нога, драные панталоны, звериный крик, и "выстрел жалости" нестойкого солдата обрывает феерический цирк этот —

— захватывающее зрелище, его бы еще интереснее поглядеть не издали, а внутри гетто, вот где открылись бы презанимательнейшие картины! В одном из подвалов, где собирали раненых и обожженных, можно было видеть семнадцатилетнюю девочку с ногами, обгоревшими дочерна. Она лежала вповалку с другими, и в общей тесноте проходящие мимо не могли ее не толкать. Она нечеловечески выла от боли, не забыть ее крик: "Добейте меня!"... А рядом — изуродованные тела, обгоревшие безглазые лица, стонущие провалы ртов... В углу — годовалый ребенок, ручки и ножки обгорели, уже не стонет — обессилел, на личике — нечеловеческая боль. И матери не взять его на руки — сожжены; губами, опаленными, в волдырях и струпьях, она молит убить ее и ребенка...

Я вспоминаю тот ад со стыдом за свое благополучие, за то, что мне не пришлось просить спасительной смерти, за то, что моя раненая ступня онемела и я смогу воспринимать ласковый свет дня после черноты подвала, в который они швырнули гранату, а затем, победно приблизясь, для страховки прошлись автоматной очередью по трупам, разметанным взрывом, и пуля, попав мне в ногу, вырвала меня из беспамьятства — тогда они выволокли меня наружу, к стене, облитой солнцем, чтобы позировать этому кретину, который наконец-то справился со своей техникой и дождался освещения.

Щелчок затвора. Стрекот переводимой пленки. Щелчок. Перевод. Щелчок. Перевод. Что-то не так — сникла улыбка моего фотографа. Он показывает мне рукой: поверни лицо к солнцу. Как же, дождешься!

Брюнет вешает автомат на грудь, подходит ко мне, обдает запахом пота и табака, хватает мой подбородок и брезгливо (я тоже не благоухаю!) отклоняет мне голову. "Так?" — спрашивает блондина. Тот кивает. Брюнет возвращается. Треск затвора, и опять остановка. Идиш похож на немецкий, и я понимаю, когда блондин говорит брюнету: "Плохо, Отто. Плохое лицо. Невыразительное. Надо расшевелить нашу красоточку".

Отто (в его черноте, в длинном вислом носе, в темных глазах что-то восточное, смягчилось злой взгляд печалью, и я бы сказала: еврейское, — смешно!), Отто вытаскивает сигарету, закуривает, идет ко мне. “У цыпочки болит ножка, — объясняет он на ходу блондину. — Но сейчас мы ее развеселим. Мы сделаем в ее черненьких глазках две маленькие пепельницы”. Блондин хохочет: “Ты остряк, Отто. Но — в другой раз. Лучше поправь ей кепку. По-смешней”. Ладонь Отто бьет меня по голове, еще больше сдвигая кепку на одно ухо и разворачивая ее козырьком набок, наверно, это достаточно забавно, потому что Отто, воротясь на место, криво ухмыляется, блондин тоже расцветает радостью и нажимает кнопку фотоаппарата. Кадр, другой, третий...

“Нет, Отто, — снова вздыхает блондин. — Оживить надо”. Оба задумываются. Муки творчества.

Они стоят шагах в десяти от меня, почти рядом друг с другом. Роскошная цель! Я смотрю на автомат Отто. Спусковой крючок под мой бы палец! Как сладостно смердели бы трупами эти фотолюбители из СС...

Отто замечает мой взгляд, он снимает с себя автомат и медленно разворачивает в мою сторону. Я слежу за каплей солнца на мушке. Блондин вдруг хлопает себя по ляжке: “Слушай, Отто, я придумал!”. Дальше не слышу, но вижу: брюнет понимающе кивает, спускает автомат и смотрит на блондина. Тот наводит объектив и командует: “Давай!”. Отто поднимает оружие, кружок дула застывает против моих глаз, я жду удара, и ударяет тихий щелчок фотозатвора. Еще раз, еще... Отто целит мне в лицо, блондин снимает. Потом поворачивается к приятелю: “Давай сначала. Должно получиться. Мы выберем потом кадр”.

Все повторяется. Отто направляет на меня автомат — блондин снимает. Фотоохота. Они ловят во мне ожидание выстрела. Автомат вверх... вниз... в лицо... вниз... в сторону... в живот... в грудь... вниз... вверх... Фотоаппарат: щелк, щелк... Дело идет, блондин меняет выдержку, сверкает зубами: славные отщелкиваются дубли. “Хватит, Фридрих? — спрашивает Отто. “Погоди, — говорит Фридрих, — она что-то слишком веселая. Так не умирают. Снимем еще”.

Он вытаскивает коробочку с пленкой и начинает перезаряжать аппарат. А я продолжаю гнать свою память вслед умершему гетто, и его правда требует не забыть ни тех, кто убивал, или способ-

ствовал убийству, или отворачивался, храня себя, ни тех поляков, кто сочувствовал нам тогда.

Они нашлись! Они громко презирали немцев: "Вояки! Не могут сладить с горсткой евреев!", они из уст в уста передавали подробности боев, и слухи распускались легендами, в которых немцы и украинцы тысячами гибли в гетто, группа евреев, захватив немецкий танк, выезжала на нем из гетто в город, на территории щеточных фабрик являлась восемнадцатилетняя красавица в белом, еврейская Жанна д'Арк, она косила немцев из пулемета, а ее саму не брала никакая пуля, наверно, благодаря кольчуге.

В эти дни националистические польские газеты писали: "судьба евреев стократ ими заслужена" ("Борьба", 25.04.43 и май 43 г.), "борьба евреев не имеет ничего общего с Польшей" ("Великая Польша", 5.05.43), "ликвидация евреев — позитивное явление для Польши" ("Польское государство", 12.05.43). Газеты более умеренные стеснялись обычного антисемитизма — уж больно ярко горели евреи! — но все же не забывали напомнить полякам о разногласиях между "нами" и "ими" ("День Варшавы", 23.04.43).

А другие поляки, которых, правда, было гораздо меньше, писали о борющихся евреях: "...их почин не останется без эха. Войдет он в легенду сражающейся Польши, станет общим достоянием польского народа" ("СРН — Свобода, Равенство, Независимость", 7.05.43) и "Сводку с поля боя (в гетто) следует читать на фронтах сражающегося человечества, чтобы каждый солдат мог гордиться боевым братством с теми, кто с оружием в руках погибает в домах и на улицах варшавского гетто" ("Польша борется", 30.04.43).

Националисты убили на улице бундовца Цвиллиха, связанного с подпольем гетто. 22 апреля группа еврейских рабочих подкупила немца-конвоира и выбралась на "арийскую" сторону — тут же банды погромщиков загнали их обратно в горящее гетто.

А другие поляки, презрев смертную казнь, которую немцы сулили за помощь евреям, вывели из гетто и укрыли группу из шестидесяти человек. Другие поляки могли перебросить через стену гетто камень, завернутый в записку: "Из больницы Яна Божьего. У нас есть два свободных места. Товарищ из ПРП". Они, другие поляки, решились на вооруженную помощь евреям.

Левые подпольные организации ПРП и Гвардии Людовой, едва началось восстание, расклеили листовку "Поляки! Немцы приговорили к смерти последние тридцать тысяч евреев в гетто. Выстре-

лы слышны в ваших домах. Женщины и дети обороняются голыми руками. Спешите на помощь!". Они передали в гетто 25 винтовок и несколько тысяч патронов, они закупали для БОЕ оружие на "арийской" стороне, они внедряли своих людей в дома по соседству с гетто, чтобы помочь беженцам оттуда, они, наконец, 20 апреля убили четверых немецких пулеметчиков из оцепления гетто, а двадцать второго диверсиями на железной дороге на два дня затормозили вывоз евреев, схваченных в гетто. Не обошлось без жертв: 21 апреля при попытке переправить в гетто оружие немецкий патруль застрелил Эдварда Бониславского, 22 апреля двадцать пять гвардистов, атаковавших немцев снаружи гетто, были все схвачены и расстреляны.

Ввязалась в дело и АК (Армия Крайова), хотя хватало в ней антисемитских настроений, хотя верховное ее руководство — польское эмигрантское правительство в Лондоне и его варшавская Делегатура — не торопилось воевать. БОЕ просила помощи оружием у Делегатуры еще 21 апреля. 27 апреля — новый призыв: "Уже восемь дней варшавское гетто в огне борьбы. Героическая и одновременно трагическая борьба варшавского гетто вызывает уважение и изумление всего сознательного польского общества... Но до сих пор со стороны военных деятелей подпольной Польши выражения симпатии к борющемуся гетто не нашли конкретного воплощения. ...Никакой, даже самой минимальной помощи боеприпасами или боевой техникой гетто до сих пор не получило. Сейчас, в последние минуты, в огне неугасающих пожаров, при канонадах ночных атак, снова обращаемся к вам с горячей просьбой немедленной военной помощи...". Чем ответила Делегатура?

Я стою у стены, искореженной взрывом, мне отсюда не заглянуть в Архив Делегатуры, в папку номер 458, не прочесть на страницах 302 и 353—5: "в период восстания в гетто командующий военными силами варшавского округа послал воюющему гетто солдатский привет" и "премьер Сикорский и представитель правительства в стране выразили свою солидарность". Я этого не читала, зато я читала в подпольных газетах Делегатуры, что помощь евреям "сейчас невозможна" ("Борьба народа", 1.05.43), что Варшава хотела бы помочь евреям, но "холодный разум удерживает нас... Наш час еще не настал" ("Голос труда", 6.05.43).

Но был в АК генерал Антони Хрусцель по кличке "Монтер", были командиры Иозеф Рыбицкий ("Андрей") и Франтишек Непокочичский, они решились включить отряды АК в восстание

евреев, как только оно начнется. 19 или 20 апреля люди капитана Иозефа Пшенны, поддержанные евреями-гранатометчиками из-за стены гетто, ведя бой с немцами и польской полицией, взорвали мину на улице Бонифратерской в нескольких метрах от стены, раскупорив ее проломом. Иозеф Вилк и Эугениуш Моравский оплатили своими жизнями этот лаз для евреев.

22 апреля бойцы офицера АК Венчковского ("Рышарда") напали в одном месте на немцев, в другом — на литовский конвой схваченных евреев, которые, пользуясь суматохой боя, сбежали на "арийскую" сторону.

Сообщения о гетто ушли по тайным польским радиоканалам в Англию, чтобы вернуться в Польшу 22 апреля передачей польской эмигрантской радиостанции "Свит" ("Рассвет"): "Героическая борьба гетто продолжается... Еврейские боевые группы проявляют великое умение воевать и огромную отвагу. ...Инженер Михал Клепфиш пал героической смертью на поле славы".

Как мы были благодарны и за дело и за слово! Анелевич двадцать третьего писал на "арийскую" сторону нашему представителю Цукерману о своих "чувствах признательности и удовлетворения".

В том же письме: "Не имею известий о положении на фабриках Шульца и Тоббенса... Фабрика щеток горит третий день. Нет связи с группами".

Война. С двадцать первого апреля бои охватили почти все гетто.

Дом 30 на Заменгофа, пока его не подожгли, несколько часов убивал осаждающих. Не поддавались дома 23 и 36 на Свентоерской. Вооруженные извозчики отбивались на Вальной. Громыхала стрельба на Низкой, Милой, Воынской, Счастливой, Покорной, Францишканской... У стены гетто гитлеровские заслоны яростно косили тех, кто раз за разом пробовал вырваться наружу.

Щеточная фабрика особенно огорчила Струпа. Семь боевых групп, которые выжили после бомбардировки в полыхающих огнем мастерских, выбили со своей территории вторгшихся немцев. Пришлось усилить наступающие войска саперами и тяжелым оружием. Но: "Изъято около 60 евреев, — рапортовал Струп. — Несмотря на все старания не удалось схватить 700—800 евреев, которые находились в блоке. Они скрылись... через подземные переходы, отстреливаясь...".

Мы меняли укрытия по мере их разрушения. Ночами уводили жителей гетто из опасных мест: огромная луна, отсветы пожаров,

ночь, как день, — все видно: люди ползут по крыше, боевики поддерживают старух, переносят детей, балансируя на качающихся досках. Крыши, слуховые окна, разрушенные лестницы, наощупь по коридору и в подвал, через подземный переход в бункер — трасса временного спасения. Оборонительные бункеры БОЕ становились убежищами. Боевики снабжали бункеры едой, следили за порядком и честностью дележа провизии. Пятнадцать бункеров опекал поляк Конарский; позднее его убили немцы.

Струп приказал взрывать бункеры. Боевики, спасая людей, стояли насмерть. 150 их, по данным Струпа, погибло в боях за бункеры, 80 — при взрывах. Командование БОЕ сообщало вечером двадцать первого на "арийскую" сторону: "Бойцы дерутся прекрасно. Моральное состояние боевых отрядов великолепное. Наши потери относительно невелики. Нет боеприпасов. Будем биться до последнего вздоха".

А нам, женщинам, двадцать первого апреля свой праздник: в рапорте Струпа отмечено "участие членов еврейской женской боевой организации". Со страху, что ли, привиделась генералу организация — не было такой, просто не зря испокон веку у евреев женщина в почете, мы дрались с мужчинами рядом и даже, кажется, чуть-чуть впереди, и будь сейчас у меня револьвер хотя бы с одним патроном, честное слово, наша фотосъемка давно бы окончилась.

Но пока она длится, я вернусь в тот гулкий день, под немецкие самолеты, которые низко летели над гетто и сбрасывали вперемежку бомбы и листовки. "Евреи, сдавайтесь, — писалось в листовках, — вам ничего не угрожает, только выезд на работу на восток".

Сколько веков евреям врут! Радуга обещаний — радуга мыльных пузырей... Когда научимся не верить? Хотя бы на пороге смерти...

На фабриках Тоббенса и Шульца научились. Хозяева, спасая фабричное добро от сумятицы боя, выпросили у Струпа сутки, чтобы уговорить своих рабочих на эвакуацию. "Евреи, даем слово чести, вас ждет новое место работы". Но почти никто из пяти тысяч человек не тронулся с места.

Тогда фабрику Шульца окружили войска. Шульц снова призывал евреев добровольно ехать, объяснял, что иначе пощады не будет, а виноваты в таком ужасном положении вещей их воюющие единовверцы, эти подлые разбойники. "Вранье! — кричали в толпе

рабочих. — Везете нас на смерть!“. Ворвались солдаты. Рабочие бросились в укрытия, а боевики взялись за гранаты, и четверых немцев не стало.

Фашисты приступили к взрыву бункеров. Повстанцы отвечали поджогом фабричных складов. Обороняясь в домах, боевики отступали с нижних этажей на верхние. Когда немцы поджигали здание, повстанцы с верхних этажей спускались в соседние дворы и следующий дом становился рубежом боя.

Они уже приспособились и к пламени. “Пожары, — сообщала БОЕ на “арийскую” сторону, — не сломили духа еврейских бойцов, которые продолжают героически сопротивляться”. “Огонь был поражением только для неорганизованных, — будут потом вспоминать участники боев, — а мы все из него выскочили”. Они вспомнят и такую сцену в районе фабрик: “Наше убежище было опорным пунктом Якова и его людей. ...Они выходили пятерками. Возвращались всегда в меньшем числе и всегда с горящими глазами, и всегда только на пару минут отдыха, и всегда спокойные, собранные, уверенные... Бой был отчаянным и безнадежным. Яков, который четверо суток не смыкал глаз, стойко держался на ногах. ...Он все рассчитывал и решал. Его люди говорили мало. Слышались только короткие приказы Якова...”.

22 апреля Струп уничтожил взрывами пятнадцать таких бункеров. Людей, захваченных в бункерах, обычно убивали на месте.

Часть мирных жителей пыталась спастись в подземных каналах. Струп велел перекрыть сток, чтобы затопить каналы. Евреи пробили заслонку. Тогда генерал приказал пустить в каналы газ. В борьбе с евреями все средства оказывались хороши

и — недостаточны. По ночам боевые группы возвращались в разбитые и сожженные дома, и пространство, очищенное огнем, как считали немцы, дотла, не успев остыть, наутро оживало новой стрельбой. Повстанцы, которым давно полагалось быть убитыми на местах прежних боев, пробивались в центральное гетто, объявлялись перед прорвавшимися сюда фашистами, чтобы заслонить собой ядро БОЕ, чтобы 22 апреля штаб восстания мог передать своим представителям на “арийской” стороне: “Мы здоровы. Послали нам продуктовые посылки (читай: оружие)? Помните о яйцах (гранатах) и конфетах (пулях) и о том, что для тети самое важное (винтовки). ...Может, еще увидимся. Пусть Т. (связной “Тадек” Шейнгут) идет на кладбище помолиться за души умерших (держать связь через кладбище)”.

Шли четвертые сутки. Револьвер против пушки, самопал против танка, нож и лопата против газа и авиации. "Невероятно! Немецкий престиж сокрушен!" — напишет позже поляк Мария Канн.

Пятый день восстания Струп, теряя терпение, уверенно объявил последним. "Любой ценой акция должна быть сегодня закончена", — написал генерал. Но какой там, к дьяволу, последний, если тут же пришлось ему рапортовать: "Сегодня, в пятый день борьбы, по-видимому, вступили в бой самые крупные террористы и активисты", а назавтра, двадцать четвертого: "Евреи всегда, до самого конца операции, так отстреливались, что на исходе дня группа саперов под прикрытием пулемета должна была штурмовать укрепленное бетонное здание".

Бои шли на Милой, Лешно, Новолипках, на Бонифратерской, на Мурановской площади.

В районе фабрик доносчики выдали немцам несколько бункеров и раздували слухи, что все дома будут сожжены. Паника и предательство совокупно с огнем и взрывами заставили тысячи мирных жителей выйти с поднятыми руками к эсэсовцам, упивающимся победой. Но боевики негнулись. Фашисты жгли дома, евреи — в ответ — воинские склады на Смочей улице. Струп лично прибыл сюда и дал приказ палить все подряд. Но сопротивление продолжалось, евреи с крыш бросали гранаты, переходя с дома на дом.

На Милой пожары и взрывы подбирались к бункерам с мирными жителями. Боевики изловчились между боями организовать эвакуацию. Группы Арона Брыскина и Лейба Ротблата перевели в более безопасное место колонну беженцев в образцовом порядке, под вооруженной охраной. Три дня спустя такую операцию повторили группы Лейба Грузальца и Давида Хохберга. Немцы атаковали их; спасая детей и женщин, покидавших убежище, восемнадцатилетний Хохберг собственным телом закрыл узкий вход в бункер. Немцы застрелили его — труп намертво перекрыл им путь.

(Было: Матросов бросился в бой на амбразуру. Было: солдат собой заслонял от пули командира. Герои! А где твоя Золотая Звезда, Давид Хохберг? Золотая звезда — желтая звезда — твоя звезда...)

И на улице Ниской боевики после перестрелки с немцами, отступая, уводили из горящих домов мирных жителей, и Вальдорф из группы Захарии Аршттейна погиб, помогая беженцам.

Мы воевали днем и ночами. Потери вынудили нас к "партизан-

щине": группами до десяти человек, в трофейных мундирах и касках, для бесшумности обернув ноги тряпками, мы выходили по ночам на охоту за немецкими патрулями, на разведку, на добычу оружия и питания.

Мы дрались — нападали, отступали, убивали, умирали... Не сдавались.

А ведь еще двадцать третьего апреля сам рейхсфюрер СС Гиммлер, обозлясь провололочкой, скомандовал Струпу: "Очистить гетто со всей беспощадностью!". И Струп — не какой-нибудь тыловой разгильдяй, Струп старался. "Я решил полностью уничтожить еврейский жилой район путем сожжения всех жилых блоков", — расскажет он сам позднее. Гетто вздыбилось огнем и взрывами. Самолеты сыпали зажигательные бомбы, динамит рушил стены, погребая заживо тысячи людей.

"Со всей беспощадностью!". Расстрелян президиум Еврейского Совета во главе с Лихтенбаумом, за ними — остатки Службы Порядка.

"Со всей беспощадностью!". Вооруженных евреев убивали на месте. И безоружных убивали тысячами, если на станции не хватало вагонов для отправки.

"Со всей беспощадностью!". Они жгли дома с весельем, с песнями. Струп любил наблюдать корчи горящих людей. Еще ему нравилось выстраивать схваченных евреев в ряд, отбирать юношей с длинными волосами, желательно рыжих, и сразу расстреливать их как "большевиков". А кузен варшавского губернатора Фишера Дюрфельд ежедневно ездил в гетто — охотился на евреев. Начальник тюрьмы Павьяк Зандлер лично сопровождал в тюрьму пленных, чтобы по дороге поиздеваться, потравить собаками... Гауптштурмфюрер СС Ковальский усаждал себя расстрелом женщин и детей и подчиненным приказывал улыбаться.

"Со всей беспощадностью!". Они достигли серьезных успехов: к 27 апреля из 26 улиц гетто пылало 20. Накануне, загоревшись, взорвался склад боеприпасов БОЕ. А еще днем раньше, двадцать пятого, немецкий патруль уничтожил разведгруппу штаба БОЕ, направленную с заданием проложить путь через каналы на "арийскую" сторону, чтобы улучшить связь и организовать помощь гетто.

26 апреля на "арийскую" сторону пришло последнее сообщение штаба восстания: "Уже восьмой день мы находимся в состоянии смертельной борьбы... Численность наших потерь... огромна.

Близятся наши последние дни. Но пока оружие в наших руках, будем бороться. Немецкий ультиматум о капитуляции мы отвергли. ...Требуем от вас: помните, как нас предали. ...Помогите тем, кто в последний час вырвется из вражеских рук, — для того, чтобы продолжать борьбу”.

В рапорте Струпа того же дня: “все без исключения подразделения доложили о встреченном сопротивлении... теперь пришла очередь наиболее упрямых и непокорных евреев и бандитов”. 362 еврея в этот день погибло в боях.

Не стихало гетто, не могло стихнуть, не хотело.

Новолипки, бункер дома 40. На предложение сдаться боевики, имея лишь три револьвера, долго отвечали стрельбой: кончились патроны, и бойцы — кто успел — приняли цианистый калий; тридцатилетняя Елена Стерлинг до того, как немцы ее застрелили, успела полоснуть одного из них нагайкой по лицу.

Лешно, дом 74. Фашисты затопили бункер водой; боевики сменили позицию и дрались до конца; Галина Рохман погибла, своим телом закрыв активистку Розу Розенфельд; командир Лев Рудницкий, уже оставшись один среди трупов товарищей, уже полумертвый от ран, бился с многочисленными врагами, пока дышал.

Лешно 76 и 78 — мастерские Шульца. Усиленные отряды СС и армии не управились с бункерами — пришлось вызвать самолеты, но и после бомбежки сопротивление продолжалось еще сутки.

Улица Ниская — ее Струп завоевывал лично, во главе 320 солдат. Евреи упрямо предпочитали смерть плену. По словам Струпа, “с проклятиями и бранью в адрес Германии, фюрера и немецких солдат выбрасывались они из горящих окон и с балконов”.

Мурановская площадь. Группа БОЕ, вооруженная лучше других, пробилась на “арийскую” сторону и объединилась с подоспевшими польскими патриотами. Сто двадцать бойцов с тремя винтовками, двенадцатью револьверами, сотней гранат и даже с пулеметом грозили выплеском восстания за стены гетто, и Струп немедленно уничтожил заразу. В бою с немцами двадцать четыре человека погибли, часть попала в плен, часть сумела разбежаться. Но не раз еще искры еврейского бунта вспыхнут на улицах Варшавы: то “пятерки” БОЕ по ночам покоряют стену, чтобы снаружи гетто прикончить фашистский патруль, то еврей, выявленный в толпе варшавян, отстреливается — такого прежде, до восстания, не бывало.

28 апреля с территории немецких фабрик на Лешно, нестихае-

мо горячей несколько суток, польские коммунисты по согласованию с местным командованием БОЕ вывели в город сорок повстанцев. Они в муках одолели залитую водой канализацию, после чего двое, Регина Фюден и Соломон Барчинский, вызвались вернуться за оставшимися в гетто товарищами. Они канули под землю и пропали навсегда. Боевик Леа Корн тоже пошла обратно в пылающее гетто, чтобы спасти семерых раненых.

Струп, разъярясь утечкой повстанцев, приказал взорвать обнаруженные выходы из гетто и несколько канализационных отсеков. Следующую эвакуируемую группу боевиков у выхода из канала уже ждали немцы. Схватка, стрельба, последний патрон, последний труп...

Так, за днями дни, набралось двенадцать суток, а восстание продолжалось, и штаб командовал, хотя связь между пунктами боев ослабела, и бункеры организованно оборонялись, и на улицах, днем немецких, ночами властвовала БОЕ.

30 апреля повстанцы, среди которых отличились Вайншток, Гольдштейн и Ламберт, подожгли немецкие военные склады. Почуть бы нам в том пламени предвкушение костра, которым ровно два года спустя возгорится труп издохшего фюрера! Праздник — да не нам.

Нам — Красный Первомай, день всемирного братства тружеников. Пойдем, мой слушатель, я покажу наше Первое мая.

Спустимся в бункер к боевикам, они ночью начали отмечать праздник, атакуя гитлеровские патрули. Сейчас у них торжественное собрание. Смотри, как забавно они принарядили свои лохмотья цветами из красных тряпок, у маленького Пини, утонувшего в трофейном кителе, красный лоскут на груди соседствует со значками СС — смешно, да? Только некогда смеяться, надо успеть выловить в радиоприемнике московскую передачу, а потом выслушать доклад Шахно Файнгольда. "Наша борьба несомненно будет иметь огромное историческое значение не только для еврейского народа", — скажет нам старый коммунист, после чего мы споем "Интернационал" и привычные слова "это есть наш последний и решительный бой" откроют здесь тебе свой точный смысл.

Чем завершить наше гуляние? Конечно, боем. Первого мая боевики подожгли вражеские склады и конюшни, убили трех немцев на Налевках, ни один бункер в тот день не сдался Струпу, при погрузке схваченных евреев один из них трижды выстрелил

в полицейского офицера, еще какой-то еврей на глазах у немцев выкрал из канализационного люка заложенную ими взрывчатку.

В стране, которая зовется страной рабочих и крестьян, пролетарский праздник Первого Мая отмечают два дня. На Францисканской улице, в доме номер 30, мы праздновали три дня. Три дня — в дыму и крови.

Я была в числе боевиков, отступивших сюда с других участков гетто. Большой бункер вместил остатки групп Герша Берлинского, Юрека Блонеса, Марка Эдельмана, Юрека Гриншпана, Эноха Гутмана и несколько сотен мирных жителей — нам выпало их защищать.

Немцы начали гранатами, мы ответили пулями, отвлекая немцев от второго выхода из бункера: оттуда за спины нападающих вылезли наши, и Дебора Баранувна метнула гранату. В первой схватке немцы потеряли двоих, но завалили взрывами вход в бункер. Мы выбрались через второй лаз и начали бой снаружи. Немцы отступили, потом явились снова. Они поливали огнем разрушенные дома, развалины огрызались выстрелами. На верхнем этаже сгоревшего здания Абрам Эйгер занял выгодную позицию, его окружили, кричали "Сдавайся!", он отвечал руганью и пулями до последнего дыхания. Геройски дрались Сташек Бриляштейн и подросток Люсек Блонес. Загорелся дом, где засел ветеран Абрам Диамант, но не изменяли ему ни глаз, ни рука, он бил без промаха, пока, раненный, не рухнул в пламенеющие руины.

Первое мая окончилось отступлением немцев. Наутро они вернулись с большими силами. Мы их снова отбросили ценой многих потерь, погиб Юрек Гриншпан, тяжело ранило Эноха Гутмана. А третьего мая они применили газы. Мы забаррикадировали вход камнями — они прорвались. Мы все, Зигмунт Папиер и Дебора Баранувна и четырнадцатилетний Шанан Лент и Ципора Лерер и остальные боевики — все бились до конца, дрались врукопашную, гранатами, ножами, камнями, зубами, обессилевшие стреляли, держа пистолет обеими руками, ярость женщин поразила самого Струпа. Немцы не вывезли отсюда никого. Половина боевиков погибла, остальные перебрались кто в бункер поблизости, кто в центральный бункер БОЕ на Милую 18.

Милая, 18. Малованчик, Кулас, Исер-Сруль и другие аристократы еврейских низов приложили здесь свои вольные руки, соорудив большое подземелье, которое теперь заполнили четыреста человек.

Здесь находились примерно сто бойцов, испытанных прежними боями, — цвет еврейского подполья, здесь разместился штаб восстания во главе с Мордехаем Анелевичем, здесь были ближайшие его друзья и любимая Мира Фухрер, он питался их поддержкой и питал их своей выдержкой.

Повстанцы разделили бункер на части, названные в память о местах смерти "Треблинка", "Травники", "Понятов", "Пяски", "Гетто". Жили дружно, в образцовом порядке, свободные минуты занимала политика, иногда — споры, часто — песни. Коммунисты пели свое, сионисты свое, а вместе пели "Эс брент" ("Горит") — гимн гетто на слова краковского поэта Якуба Гебиртига.

Центральная база. Отсюда тянулись нити к боевым позициям восстания. Тут докладывали связники, тут совещались командиры, сюда шли донесения, отсюда — боевые приказы и письма на "арийскую" сторону, к руководству польского подполья и за границу.

С первых минут восстания Струп охотился за руководством евреев. Не раз в своих ежедневных рапортах он докладывал, что захватил "главарей", но то ли ошибался, то ли врал — бункер штаба никак обнаружить не удавалось, захваченные евреи не помогали, даже попытка использовать группу бездомных детей не получилась: дети бункер не выдавали, пытались убежать и погибли как бойцы.

Струп стирал с лица земли улицу за улицей. А евреи не унимались. "Вскрытие бункеров, — писал Струп 4 мая, — натывается на все большие трудности". Однако генерал не пасовал: огонь и газы неуклонно ужимали территорию восстания. 7 мая немцы взяли последний бункер на улице Лешно, где было сто пятьдесят мирных жителей и сильно поредевшая после четырехдневного боя группа боевиков. У них остались только бутылки с серной кислотой, но они еще надеялись пробиться на "арийскую" сторону, а тут — газ, и дежурная у входа Ита Гейман, отравясь, пустила в себя последнюю пулю, чтобы не стать обузой товарищам, которые и после газирования сопротивлялись ворвавшимся в бункер фашистам, и Роза Розенфельд, героический командир, пробила, скрылась, отстреливаясь, в развалинах домов.

7 мая Струп взял сорок девять бункеров. Еще одна непокоренная улица, Смочая, была сожжена дотла. Польские полицейские доносили: "Гетто похоже на сплошную могилу. Патрули, вооруженные автоматами, осматривают тлеющие груды развалин... Эс-совцы робко выглядывают из тени обломков, опасаясь выстре-

лов... Из дымящихся домов, из бункеров выходят, как привидения, евреи; они уничтожают более слабые немецкие патрули или пробираются в направлении арийского района... Немецкие посты на выходах из улиц, окружающих гетто, обыскивают и проверяют прохожих, зачастую натыкаются на вооруженного еврея, платя жизнью...".

Да, в тот же день 7 мая, обыскивая загазованный бункер, немцы напоролись на пожилого еврея Старовойского, который застрелил гитлеровца и сумел скрыться. Пульс восстания слабел, но бился, и продолжало жить борьбой сердце восстания в подполье на Милой 18, где сто лучших боевиков были готовы стоять насмерть и где вместе с ними ожидали конца триста мирных жителей гетто: больные и бессильные, старики и калеки, осиротевшие дети и дети с мамами...

Мама... Начало жизни, Ладони Добра, Радостное Рабство Любви.
Мама: Щит, Опора, Спасение...

Мама вечно во мне своей кровью, умом, жизнью, сердцем, и пока я дышу, я питаюсь всесильем ее.

Мама, благослови в трудный миг в твою совесть взглянуться, чтобы всякую мглу осветило мне имя Твое...

Имя Матери — Мария.

Мария Ротблат находилась в бункере на Милой 18. В гетто она взвалила на себя заботу о сиротах, и сейчас, вырываясь на миг из бездны хлопот над горькими еврейскими заморышами, она печально и гордо думала о собственном сыне, командире "Лютеке", прославленном с первого победного боя на Налевах и до сих пор неустанно сражавшемся, о Лейбе, двадцатичетырехлетнем мужчине, пахнущем потом и порохом, о ее Лейбеле, мальчике ее, кровинке. Лейб Ротблат, "Лютек", тоже оказался в центральном бункере и его жена, полька Галина, вместе с ним до конца испытывала еврейское счастье, так что Мария Ротблат могла бы наслаждаться семейным единством, если бы не обитали они в подполье, беспросветно обложенном смертью, и если бы не колотилась в материнскую душу потаенная тоска ее боевого сына, никому другому не видимая, только ей, маме.

Мама, жизнь моя пролегла морщинами на лице твоём, просту-

пила сединой в волосах твоих, мама. Радость моя веселила твое сердце, грустью моей печалились твои глаза, и мука моя исходила твоими слезами, мама. Чем отблагодарить тебя?

Скажи, чем отплатить за безмерную нежную силу? Бесконечность бессонниц твоих как смогу отплатить? Умереть за тебя — лишь вернуть жизнь, что ты подарила...

Нет, сполна заплатить — это не умереть, а убить.

Лейб Ротблат застрелил свою мать восьмого мая тысяча девятьсот сорок третьего года.

В тот день гитлеровцы вышли, наконец, на штаб евреев. Бункер окружили, заблокировали все пять выходов: не выскользнуть, не выслать, как повелось, группу немцам в тыл. Чудес быть не могло — оставалось отстреливаться. Это боевики умели: как Струпу ни мечталось взять их живыми, немцы не могли даже приблизиться к бункеру. Тогда был пущен газ — одновременно во все пять входов. Тьма, удушье, хрипы... Последнее совещание боевиков, последнее решение: самоубийство. Начал Лейб Ротблат. Он застрелил мать, потом — себя.

Подождать бы Ротблату ровно два года — увидеть майское утро сорок пятого года, когда придет черед стреляться нацистам (ох, немногие будут стреляться). Но дым уже выворачивает глаза, желудок — у горла, скрежещут бронхи, и смерть раздирает сердце, и мать корчится в муках, в тяжелой тьме бункера вспыхивают зарницы древней Иудейской войны, крепость Мосада, осажденные режут себя, чтобы не достаться римлянам...

Не дано Лейбу Ротблату подождать, не отпущено ему двух лет, ни даже двух часов, пока обнаружится еще один запасной выход и несколько человек, последние, кто оставался жив, успеют выбраться наружу и потерять сознание. Их подберут опоздавшие спасатели из Гвардии Людовой, которых приведет член БОЕ Симха Ратайзер с помощью поляков — рабочих канализационной сети Вацлава Следзневского и Чеслава Войцеховского. Они тридцать пять часов будут нести каналами отравленных Михала Ройзенфельда, Тосю Альтман, Иегуду Венгровера, Менахема Бейгельмана, чтобы дать им возможность позднее, в партизанской войне, погибнуть от рук немецких и польских фашистов.

А Ротблату не дожидаться спасения.

Как не дождался Мордехай Анелевич.

Он родился в 1920 году в Варшаве. Обедневшая мелкобур-

жуазная семья, булыжники серого детства... Отрочество: частная гимназия — и левосионистская "Молодая гвардия", стипендия за школьные успехи — и в семнадцать лет командование отрядом в схватках с погромщиками. Блистание отваги, умение драться руками и словом, дар вести за собой... 1939 год: оккупанты задавили Польшу. Анелевич пытается через Вильно бежать в Палестину, но возвращается в Варшаву, в гетто, где становится членом руководства "Молодой гвардии". Ему все по плечу: сколачивать подпольную боевую организацию, выжить в тайной поездке по оккупированной стране, написать зажигательную листовку, внять доверию друга, сообразить тактику боя в гетто и любить Миру Фухрер и во главе налетчиков в масках отбить у полиции арестованного товарища — и в 22 года взять на себя командование БОЕ, в двадцать два года!

"Мариан", "Ангелок", "Малахи" — подпольные клички. А еще его называли душой БОЕ.

И вот душа вытряхнута из тела БОЕ, и лежит он, застрелившийся, несдавшийся, со всей своей молодостью, смелостью, твердостью, умом и обаянием лежит среди трупов в протравленном немцами подвале, уже бесконечно далеко от разожженного им огня, от верных его бойцов, от любимого его, погибающего его народа. Последним салютом ему взрываются бункера, поминальными свечами полыхают улицы, и сказочной птицей из пепла гетто возносится в будущую жизнь имя его — Мордехай Анелевич, чтобы аукнуться в польских лесах именем еврейского партизанского отряда, чтобы откликнуться после войны названием улицы в родной его Варшаве.

Она, Варшава, не слишком охотно наградит место бывшего гетто еврейскими фамилиями, но все же придется ей, управляемой коммунистами, неподалеку от улицы Анелевича протянуть улицу Фондаминского, руководителя коммунистов гетто.

Незаурядное сочетание талантов Фондаминского — революционера, ученого, инженера — обеспечивало ему возможность укрыться вместе с женой на "арийской" стороне. Фондаминские предпочли вести гетто в бой, воевать и погибнуть в тридцать три года — возраст Христа настиг Эфраима Фондаминского здесь же, на Милой 18. Он тоже не спасся отсюда, как не спаслись Арье Вильнер, Шия Шпанцер, Бер Браудо, Сара Загель, как почти все защитники штабного бункера.

Двадцать суток жгли они себя, воспламеняя гетто. Двадцать

дней раб, с колен выпрямившись в рост, глядел в лицо мощнейшему врагу, и Голиаф содрогался от жалкой пращи Давида. Их короткие жизни стекли в эти двадцать суток, сгустились кроваво и застыли вечной памятью.

“Еврейский народ своим сопротивлением поражает мир ...Героические повстанцы варшавского гетто войдут в историю освободительных войн как пример неустрашимого мужества и отваги”, — чтобы эти слова появились в польской нелегальной газете “Гвардеец” в мае сорок третьего года, им потребовалось двадцать суток. Тем, кто погиб прежде, — и того меньше. А иным путь в легенду пролегал длиннее.

Радостный рапорт начальству об уничтожении штаба БОЕ Струп закончил обещанием “продолжать большую акцию до уничтожения последнего еврея”. Бессмертная программа! Но где он, ПОСЛЕДНИЙ еврей? Сладчайших грез коварность роковая...

Мы жили. Обезглавленное, распыленное среди руин, забитое в черные провалы подвалов, восстание продолжалось. 8 и 9 мая усиленные отряды СС и украинские батальоны продолжали штурмовать гетто, 10-го польская полиция доносит, что евреи выползают из бункеров и открывают огонь. Но — надломилось: отмечен первый случай сдачи отряда повстанцев из 59 человек.

А полсотни боевиков на Францишканской улице, узнав о гибели штаба, бросились искать выхода в новый бой, к партизанам. Две их разведгруппы пропали бесследно, наконец, третьей группе повезло связаться со спасателями, которые каналами возвращались от штабного бункера на Милой, неся на себе немногих уцелевших. Экспедиция свернула в сторону Францишканской, горечь опоздания на Милую, наверно, подхлестывала их. Каналами шириной меньше метра повели они с Францишканской пятьдесят человек. На шее — оружие, на спинах — раненые. Шли...

...шли...

...местами нечистоты по пояс...

...сверху, сбоку — вонючая слизь...

...брели...

...“Каждая минута длилась час, каждый час — день”, — вспоминает потом Герш Берлинский...

...они

шли

тридцать

часов.

Утром десятого мая они вышли на "арийской" стороне из люка на улице Простой. Их встречали бойцы Гвардии Людовой. Сотни варшавян из окон и подъездов наблюдали, как они, грязные, обесиленные, полуослепшие от света, ковыляли к грузовику. Шофер Станислав Тарчинский дал газ, и тридцать четыре боевика, среди них члены штаба БОЕ Берлинский, Эдельман и Ройзенфельд, отправились продолжать войну.

Пятнадцать человек выйти из люка не успели, потому что из-за окон следили за улицей разные глаза и как было не найтись охотнику сообщить немцам об еврейских фокусах на Простой. Немецкие солдаты и отряд латышей примчались немедленно. Они заминировали люк и окружили его. Попытки гвардистов выручить осажденных не удавались. Терпение боевиков иссякло, они вышли сами. Не сдаваться — умирать в бою: но чего стоили последние пули горстки изможденных людей? Фашисты забросали выходящих гранатами. Были убиты Юрец Блонес, Адольф Хохберг, Шламек Шустер, Пнина Зандман — все пятнадцать...

В организации спасения евреев из гетто участвовали связанные БОЕ. Двое, Юрец Золотов и Рысек Мосельман, погибли в этот же день на "арийской" стороне после боя с полицией в момент получения от польских подпольщиков оружия для гетто.

Гетто жаждало воевать, хотя почти все бункеры уже захлебнулись газами. После уличных боев, после борьбы под землей наступал третий и последний акт драмы: схватки среди развалин.

Огромное пепелище, разлом, раззор, развал, остовы домов, обугленные деревья, зола, трупы — мертвое пространство. И ночами, едва немцы покидают гетто, — странная какая-то, призрачная жизнь.

...шевелится глыба в углу двора, открывает нору подвала, оттуда выскакивают оборванцы. Черные лица, щетина, блеск глаз, негромкий говор... В руках — оружие. Боевики. Их еще хватало после десятого мая, только в развалинах Валовой и Свентоерской бродило около пятисот повстанцев...

...базар среди руин, луна, тени, сделки: свечи за пистолет, обьедки на патроны, спички на соль — товар, добытый в бесхозных кладовых....

сарай, земляной пол, коптилки на кирпичах. Всклооченные женщины готовят еду, дети хищно следят за варкой — звереныши, голодные птенцы. Но заглянет чужой — и ему место, площадка горя-

чего варева, слово доброе, а то и улыбка... Люди еще держатся, еще — люди...

...в проеме разбитой стены — трое. Прослеживают улицу. Увидели: подросток с винтовкой. Хромает к проему. Прыжок в обхват того, с оружием. "Отдай винтовку!" — "Нет!" Удар ногой в живот и сзади в спину, жертва рушится, выхватили винтовку, канули в тишину... Нет, не все уже люди...

Люди — воюют. Без штаба, без связи с "арийской" стороной, без постоянных баз. Уцелевшие боевые группы, разрозненные, скитающиеся, действовали каждая на свой страх и риск.

Страх — ничтожен, риск — безмерен, риск смертника: умереть без толка.

11 мая в боях на Гусиной улице погибли пятьдесят три повстанца из групп Шимона Кауфмана и Арона Хаима Каплана, на следующий день — сто тридцать три. То были трудные для немцев дни: нехватало отравляющих газов, приходилось опасно перестреливаться с евреями.

13 мая Струп доносил: "При ликвидации бункера... одна из женщин — как уже часто бывало — молниеносным движением выхватила из-за пазухи гранату и метнула в солдат, тут же спрятавшись в укрытие". Это Сара Розенблюм, она погибла вместе с остальными, когда немцы, безуспешно потеряв часть солдат, взорвали бункер.

Описывая другой бой, за бункер пекарей на Валовой 6, генерал досадовал: "От схваченных евреев получить сведения о положении известных им бункеров невозможно". Наверно, Струпу доложили о Билауэре: на вопрос: "Где евреи?" тот ответил офицеру СС оплеухой и словами: "Вот тебе еврей, убийца!". Билауэра тут же прикончили.

На исходе тринадцатого мая, около полуночи, выпала нам последняя радость: два часа советская авиация бомбила Варшаву. Евреи под грохот бомб пытались прорваться за стены гетто, мало кому удалось, но — ободрились, много ли еврею надо для надежды? "Русские мстят за нас, они теперь будут часто бомбить, конец страданиям, нас выручат", — чего только не говорили в убежищах гетто, забыв, что о налете в помощь восставшим евреям поляки из ППР просили Москву еще 21 апреля и только спустя двадцать два дня прилетели самолеты с бомбами, которые не всегда падали в нужные места, и с листовками, не содержащими ни единого слова об евреях. Но как бы там ни было, две тысячи немцев, гово-

рят, убиты, горели казармы СС, склады, повреждена железная дорога. Спасибо вам, русские, за два часа немецкого страха.

Усугубляя панику, польские подпольщики утром четырнадцатого мая обстреливали с "арийской" стороны немецкое оцепление у стены гетто. Вспыхивали схватки с фашистами и в других местах Варшавы — эхом продолжающейся у евреев стрельбы: там боевики днем и ночью пробивались к стене, наружу из гетто. Но Струп отсекал выход и наверху и под землей — не пожалел генерал газа, в сто восемьдесят три канализационных люка вогнал.

В операциях 14 мая участвовал высокий гость из Берлина, генерал-полковник СС фон Херф. Инспектирование было несчастным: искры восстания залетали высоко. Беспокоился начальник имперского управления безопасности Кальтенбруннер, Гиммлер не раз вызывал Струпа к телефону. Начальник полиции и СС генерал-губернаторства Крюгер требовал от Струпа два отчета в день, а в верховном командовании армии генерал-полковник Иодль, наоборот, злился, что "эта свинья Струп" так многословно расписывает возню с горсткой ничтожных евреев, которых следовало прихлопнуть одним ударом. Полководцу, видно, не шло в ум, что нелепая еврейская заваруха в Варшаве — опаснейший соблазн всем покоренным народам. Вот почему Гитлер 10 мая потребовал к себе Франка с отчетом о положении в гетто. Вот почему, едва пробились в Европу слухи о войне в гетто (даже Германии подпольная "Ди Вельт" седьмого мая сообщила), — нацисты всполошились гасить, заминать: никакого восстания, идет дезинфекция Варшавы, там жутко бушует сыпной тиф — это был первый вариант, затем газеты рейха открыли, что на гетто напали "польские бандиты", а немецкая полиция спешит на помощь евреям... Позднее затянувшиеся бои в гетто объяснялись тем, что в гетто воюют не евреи, а немецкие мародеры. Одновременно пресса предостерегала "против гуманности в отношении евреев", в оккупированную Польшу выехал с соответствующими лекциями один из крупнейших нацистских пропагандистов Адамовский. Губернатор Варшавы со своей стороны в очередной раз призвал население выдавать скрывавшихся в городе евреев — энтузиасты не замедлили ответить приливом охотничьего азарта.

Дальновидный Гиммлер позаботился и об антисемитизме в других странах, правда, оригинальностью не блеснул: "Надлежит немедленно выделить людей, которые бы выискивали в Англии... сообщения об исчезновении ребенка, чтобы потом мы

могли через наши радиостанции соответственно упомянуть о том, что... по-видимому, речь идет об еврейском ритуальном убийстве". Так он секретно написал Кальтенбруннеру 19 мая. Гиммлер поручил спровоцировать процессы "об еврейских ритуальных убийствах" в Венгрии, Румынии, Болгарии, России, Англии и Америке — это могло бы облегчить уничтожение евреев повсюду, и в варшавском гетто тоже.

Конечно, мне, стоящей у взорванной стены, в бледно-красной известково-кирпичной пыли, напротив веселого фотографа и потного автоматчика — мне письма Гиммлера прочесть не было дано, и я не знала, как Берлин обеспокоен варшавскими евреями. Но могла бы догадаться: мы воевали до неприличия долго.

Рвались в гетто наши "коктейли", свистели наши пули, казалось бы, ниоткуда — ведь гетто стало пустыней развалин после того, как Струп пятнадцатого мая взорвал последнюю группу дсмов. "Бывший еврейский район прекратил существование", — торжественно провозгласил генерал и салютом подвигу немцев взорвал большую синагогу Варшавы — знаменитое творение итальянца Маркони в стиле немецкого неоренессанса.

16 мая в двадцать часов пятнадцать минут Струп официально завершил "великую акцию". Он оставил на территории гетто батальон полиции выискивать и добивать повстанцев, сам же приготовился пожирать плоды триумфа. Его ждал в июне сорок третьего года Железный крест 1 класса (а в пятьдесят первом году — польский суд и смертная казнь). Но едва повернулся генерал грудью к наградам, как за спиной у него ожило умерщвленное гетто.

...Меня похоронили в подвале на улице Милой. Мы три часа не подпускали немцев к бункеру. Тогда они взорвали дом, он последний торчал среди развалин, и вот пятнадцатого мая Милая вся стала по колено победителям, под рухнувшими стенами, разможенные, задушенные, лежали еврейские боевики.

Мы все были мертвы, мы идеальными трупами пролежали сутки, а к исходу шестнадцатого мая среди убитых я обнаружилась живой.

Под чьим-то липким скрюченным телом, полузадохнувшаяся, руки зажаты камнями, в уши вдавлена тишина, песок во рту, под щекой — вонючее тряпье, а головы не повернуть — волосы засыпаны. Тьма. Я крикнула — звук взошел и сник. Могила. Я

шевелинулась — чуть-чуть, потом сильнее... Освободила руку, другую... Обрывая волосы, отодрала голову от земли. Чернота сгустилась, поплыла, гудя, воя, мигая искрами... Стихла, застыла, погасла и зыбко пробилась издали струйка света. Постепенно откопавшись, я поползла туда сквозь завалы камней, по трупам, по остриям битых кирпичей. Пыль драла горло, бил горький кашель. Кажется, сочился кровью нос, кажется, рвотой крутило нутро — не помню. Помню: камни, куски дерева и железа, мертвая нога в сапоге, помятая каска, — наконец, глыба у выхода, из-за нее — свежий продух, помню затхлость земли, свои искромсанные ногти, всплески радуг в глазах и свет разрытого отверстия — выкарабкалась...

Отдышалась...

Огляделась.

Каменная бездыханность разрухи, бельмо пустого неба, сумерки, звенящая тишина. И — скрежет шагов.

Они шли от улицы Заменгофа. Каски, высокие сапоги, немецкие мундиры. Я замерла: авось, минуют... Или мимоходом пальнут в труп? А почему они без автоматов? Еще хуже: не убьют, мучать будут... Они подходили, высокие на фоне неба, молодые. Говор... По-еврейски! и я увидела за поясом у одного револьвер, у другого гранату, нашу, самодельную! Я взмахнула рукой. Шолом (привет), ребята! Воюем? Да, сказали они, охотимся за немецкими патрулями, открытым боем конец, но мести нет конца, ночи — наши.

Наутро семнадцатого мая польская полиция доносила: "Еврейские отряды выползают из-под земли и внезапно атакуют немцев".

Пришлось эсэсовцам (суток не протекло!) вернуться в гетто. Вместе с полицией навалились: перекрыли все возможные источники питья, обнаруженные запасы воды отравили, продукты обливали мазутом. Чтобы тем, кто выглянет наверх, — только дымный воздух да крематорий, его здесь же наскоро соорудили. Все предусмотрели, кругом — смерть. И —

20 мая, рапорт полиции: "В гетто стрельба днем и ночью, ...сильные взрывы...".

22—24 мая рапорт полиции за три дня: "Немецкие жандармы и СС несут кровавые потери, и число погибших немцев очень велико".

27 мая, польская подпольная газета "Новый день": "Группа боевиков застрелила двух офицеров".

28 мая, подпольная "Голос Варшавы": "Несмотря на шестинедельный штурм с использованием всех видов оружия, несмотря на то, что сожжен целый район, несмотря на применение газов, горстку защитников сломить не удалось. В отдельных пунктах борьба разгорелась заново".

31 мая, доклад шефа безопасности Крюгера на совещании у Франка: "В Варшаве евреи продолжают нападения и убийства".

1 июня, полиция: "Положение в гетто, по-видимому, ухудшилось" (накануне боевики среди бела дня атаковали немецкий конвой, ведущий на расстрел узников тюрьмы Павьяк; это вынудило немцев ввести в гетто броневики).

8 июня, "Голос Варшавы", статья "Гетто борется": "Горстка защитников еще действует".

15 июня, информация разведки АК: "До сих пор на территории гетто находится значительное количество евреев, вооруженных и готовых защищаться".

28 июня, немка из Варшавы жалуется полицейскому начальству в Берлине: "СС обещало очистить гетто за 3—4 дня, а между тем бои длятся уже 5 недель".

Обидная для СС жалоба — так старались!

Жаловаться следовало на евреев.

На тех, в бункере дома 44 на Милой, их выдал предатель, и, уложив его первой пулей, они потом стреляли в немцев, пока те не пустили в бункер газы.

На группу Шимона Кауфмана, которая 19 мая дала немцам последний на Милой бой.

На Захарию Артштейна, Исаака Блауштейна и Иосифа Фарбера (адъютанта Анелевича), собравших после 10 мая остатки разных повстанческих групп. Они держались в подвалах до конца мая, когда доносчики привели немцев. Боевики дрались недолго, но яростно, некоторые спаслись и позднее уничтожили предателей. Группа Артштейна, стремясь вырваться, добралась в начале июня до границы гетто, где в развалинах дома наткнулась на немцев. Артштейн, бесстрашный и умелый, по испытанному способу оставил часть группы биться в сожженном остове дома, а остальных повел в тыл нападавшим. Но голод отнял силы у боевиков: брошенные гранаты падали слишком близко. Все же полиция потеряла троих и отступила. У Артштейна погибли пятеро. Кажется, и сам он погиб в первых числах июня.

Жаловаться следовало на боевые группы портных, маляров, па-

рикмахеров, пекарей, на сто пятьдесят евреев в большом подземелье на Лешно, которые в середине июня отбивались от украинских и латышских пулеметов, на группы рабочего Гершберга и инженера Даниэля Мошкови́ча, на боевиков грузчика "Моше-большевика", державшихся в районе Мурановской площади до пятого июня, когда большинство их пало в стычке с полицией.

На удальцов Кленского, умиравших июньскими ночами в неумных штурмах стены гетто и в конце концов с польской помощью выбившихся наружу.

На Шимона Меллона, чьи люди еще девятнадцатого мая внезапным ударом одолели немецкий отряд, вооруженный пулеметом, Повстанцы убили двух полицейских, захватили оружие. А в начале июля, когда уже догорали стычки в развалинах, немцы, с песней маршируя по выморенному гетто, опять напоролись на выстрелы евреев Меллона; боевики отступили после боя.

На поразительно живучие группы, которые воевали 3 июля на Гусиной и Налевках, затем, сильно поредев, на развалинах улицы Заменгофа, 5 июля — в убежище на Валовой 11, позднее снова на Гусиной, в бункере дома 13, и еще 7 июля в руинах улицы Налевки.

Жаловаться следовало и на евреев, дравшихся на "арийской" стороне. Группа Арона Брыскина вырвалась из гетто двадцать седьмого мая. Сторож дома, где укрылись боевики, выдал их. В неистовой схватке немцы перебили почти всех. Так же, выданные польскими фашистами, погибли 19 июня бежавшие из гетто десять членов Еврейского Военного Союза во главе с командиром ЕВС Павлом Френкелем. В своем последнем бою они уничтожили четырех гитлеровцев.

Молниеносная смерть от пули, медлительное умирание под завалами домов, голодная смерть в пустыне руин, мука газовой смерти, вонючий захлеб в каналах, удушье подкопа — все смерти пройдя, прошибя, проползя, прорваться к жизни! И умереть...

За границами гетто в отчаянных схватках погибли и боевики Жигмунта Иглы и связной БОЕ Тобия Шейнгут ("Тадек") вместе с укрывшим его поляком Стефаном Покропеком.

Спасаящих, себя подставляющих, — было немного, предающих — куда больше. А в стороне стояли — без числа. Крепко стояли, крепче стены гетто. О ту безучастную каменность разбился Шмуль Зигельбойм.

...

Шмуль Зигельбойм сидел в Лондоне, вдали от Варшавы, в почти безопасной дали от огненных смерчей гетто. Из пролетарских низин поднялся он к руководству еврейской рабочей партии Бунд — путь от мальчика на побегушках до члена польского парламента. После оккупации Польши Зигельбойм работал в еврейском подполье, входил в Юденрат варшавского гетто, побывал заложником под арестом у гитлеровцев. На своем веку он вкусил и польского антисемитизма и немецкого отлаженного зла, и когда привелось ему в 1940 году вырваться в Лондон и оказаться представителем Бунда в эмигрантской польской Раде Народовой, его пронзительные глаза глядели на мир трезво: тоскливо, недоверчиво и твердо. За его спиной были брошенные на произвол невероятной судьбы варшавские евреи, впереди — собственная война за них.

Нота польского правительства союзным и нейтральным странам от третьего мая сорок первого года, брошюра “Дикость, какой не знала История”, документальная “Черная книга” об оккупации Польши — в переводах на разные языки они трубили миру об уничтожении евреев. Мир внимал и ахал от удивления. Но бушевала общая бойня, человечеству было не до евреев, их судьба, как обычно, оказывалась малозначащим эпизодом.

А из кровавого тумана Польши сообщениями подпольщиков АК, письмами бундовцев наплывали вести: в мае сорок второго — о лагере смерти в Хелмно, в сентябре — о массовом вывозе евреев в Трешлинку. СОС летел и через океан: “Варшава-гетто. 13 января 1943 года. Центру, Стем (псевдоним Миколайчика, вице-премьера польского правительства). С просьбой передать в Нью-Йорк, Стефану Визе, Гольдману (руководители американских еврейских организаций). Сообщаем о величайшем злодеянии всех времен, об уничтожении более 3000000 евреев в Польше. Перед лицом угрозы гибели еще живущих 400000 евреев просим: 1. Мести немцам. 2. Заставить немцев прекратить убийства. 3. Оружия для борьбы за нашу жизнь и нашу честь. 4. Связи через представителя в нейтральных странах. 5. Спасения путем обмена 10000 детей. 6. 500000 долларов для целей самообороны и помощи. Братья! Остатки евреев в Польше живут с убеждением, что в напуганнейшие дни нашей истории вы не помогли нам. Отзовитесь. Это наше последнее обращение к вам. Еврейский народный комитет в Польше”.

Но не исполнялись ни первая, ни вторая, ни прочие просьбы. Никто не мстил немцам, убийства продолжались, детей не спасли,

вместо полумиллиона долларов Варшава получила ничтожно мало, да и то слишком поздно, после гибели гетто, а оружия для евреев только и нашлось, что выцедили из себя варшавские ГЛ и АК.

Осенью сорок второго года связной АК Ян Карский (Козелевский) явился в Лондон доложить о положении в Польше. Перед отъездом из Варшавы Карский беседовал с еврейскими подпольщиками, побывал в гетто — живой контейнер ужаса прибыл в Лондон. Свой страшный багаж курьер АК добросовестно, по 14—15 часов в сутки вытряхивал в многочисленные уши. Он встречался с английскими интеллигентами и политиками, с Черчиллем, с писателями — членами ПЕН-клуба, он уламывал Уэллса и Артура Кестлера: вот невероятный материал, опишите, встряхните мир еврейской трагедией... Карский добрался до Соединенных Штатов, просил у Рузвельта спешной помощи для тех, кто еще жив. Карского слушали хорошо: внимательно, сочувственно. Но английским самолетам, висевшим над германскими городами, видимо, никак не хватало горючего, чтобы долететь до Варшавы: ни одна бомбежка в ту пору не затрудняла немцам расправляться с евреями.

Честный поляк Карский изумлялся: слова пылали, но море от них не загоралось. С этим он пришел к Зигельбойму. “Не говорите мне, что здесь происходит, — сказал Зигельбойм. — Сам знаю. Расскажите об евреях. Я еврей и хочу слышать все об евреях в Польше”. Карский повел свою уже почти наизусть вызубренную повесть. В маленькой комнате Министерства внутренних дел, где они сидели, захлопали выстрелы, заплакали дети, засмердело смертью.

Зигельбойм окостенел, он сидел, подавшись вперед, ноги расставлены, руки уперты в колени, взгляд распахнутых темных глаз застыл над собеседником, брови сведены, на каменном лице нервно вздрагивала щека. “Чего они там хотят?” — спросил Зигельбойм. “Они сказали: пускай наши представители в свободных странах идут во все важнейшие учреждения и организации. Пускай не выходят, пока не получают гарантий спасения евреев. Пускай отказываются от еды и питья, пускай на глазах всего мира медленно изводят себя. Пускай умрут. Может быть, это встряхнет совесть мира”. Зигельбойм вскочил, забежал по комнатке: “Невозможно. Меня попросту вышвырнут за двери”.

Они говорили долго. Зигельбойм расспрашивал неистово, требовал подробностей, мелочей, он словно хотел мучиться и умирать

вместе с теми, в гетто, К концу беседы он, кажется, выдохся: щека дрожала непрерывно, глаза рвались из орбит. Прощаясь, сказал: "Я сделаю все, что смогу. Все, что они требуют. Все! Вы мне верите?" Карский устало кивнул.

В конце ноября Зигельбойм потряс заседание польских депутатов-эмигрантов подробным докладом об уничтожении евреев в Польше. Последовала польская нота правительствам стран-союзников, те, в свою очередь, совместной декларацией 17 декабря 1942 года осудили истребление народов и пригрозили покарать убийц. Немцы — от испуга, что ли? — в это время развернули высылку в лагеря смерти венгерских и словацких евреев, а месяцем позже решили прикончить варшавское гетто. Слова оставались словами. "В течение всей войны ищем способов... доставить вам помощь, — сообщал варшавским евреям из Палестины "Комитет спасения евреев в оккупированной Европе". — Всюду натываемся на непреодолимое равнодушие тех, от кого зависит наша возможность спасти вас".

А навстречу:

"Варшава-гетто, 7 февраля 1943. Центру, Стем. Передать Зигельбойму. В январе немцы приступили к ликвидации варшавского гетто. Население оказало вооруженное сопротивление. ...Вывезено 6000. Ликвидация евреев продолжается по всей Польше. В середине февраля варшавское гетто должны уничтожить. Оповестите весь мир. Просите вмешаться папу римского, просите союзников объявить пленных немцев заложниками. Страшно страдаем. ...Только вы можете нас спасти. Ответственность перед историей падет на вас. За Ц. К. /Центральный комитет Бунда/ Янчин /Морис Ожех/ и Березовский /Леон Файнер/".

"Варшава, 20 апреля 1943. в. срочно. Стем. С просьбой передать Зигельбойму и Шварцбарду (депутат парламента от сионистов). 19.1У отряды СС с танками и артиллерией начали уничтожение остатков варшавского гетто. Гетто оказывает вооруженное героическое сопротивление. ...Над жилым районом полыхают пожары. ...кружат самолеты. Исход борьбы заранее предreshen ...Призываем немедленно отреагировать. Потребуйте от Международного Красного Креста, чтобы посетил также гетто и лагеря смерти в Освенциме, Трешлинке, Белжце, Собиборе, Майданеке и другие концлагеря в Польше. Березовский, Боровский (Адольф Берман)".

Вопль в пустоту.

Коррида, думал Зигельбойм. Союзники-торреадоры, бык фашизм-

ма, истерия толпы. Кому дело до распотрошенной лошади на краю арены?..

Сам в глухом одиночестве, он острями нервной боли ощущал изоляцию тех, в Варшаве, их отрезанность, их замкнутость в капкане.

“Варшава, 28 апреля 1943. Стем ...Для Зигельбойма и Шварцбада. Девятый день гетто Варшавы героически борется ...Против 40.000 евреев применяются артиллерия, огнеметы, зажигательные бомбы... Минами подрываются опорные пункты. Гетто в огне... Женщины и дети сгорают заживо ...Боевики яростно воюют. ...Потери немцев — около 1000. убитых и раненых ...Именем миллионов уже замученных евреев, именем ныне сжигаемых и убиваемых, именем героически борющихся и всех нас, к смерти приговоренных, обращаемся ко всему миру:

Пускай уже сейчас, а не в туманном будущем, союзники отомстят кровожадному врагу — способом, понятным для всех как возмездие.

Пускай самые близкие наши друзья, наконец, уяснят себе меру своей ответственности перед лицом беспримерного, творимого над целым народом, гитлеровского злодеяния, трагический эпилог которого сейчас разыгрывается. Пускай богатырский, исключительный в истории порыв смертников гетто подтолкнет, наконец, мир к поступкам, соответствующим значению момента.

Березовский, Боровский”.

Где он, Красный Крест, где папа римский, где союзные державы с их военной мощью? Несколько русских налетов на Варшаву в сорок втором и в мае сорок третьего года не выявили своей связи с гетто даже сброшенными четырнадцатого мая листовками — какое уж тут “понятное для всех возмездие”! Нет, не дотягивались руки союзников ни мстить, ни спасать, ни хотя бы из военных соображений помочь тому, кто бьет по тылам врага. Похоже, никто не хотел с евреями даже общих врагов иметь. Зигельбойму припомнилось, как в начале восстания гетто сорвалась попытка евреев освободить узников тюрьмы Павьяк: многие польские заключенные отказались: “Свободу хотим по закону, от немцев, а не из еврейских рук”. Гордая дурь антисемитов! На евреях прирабатываются жернова для всеобщего обмолота — неужели неясно умникам, вершащим мировую политику? Впрочем, они говорят, что

понимают. Говорят, что осуждают. Говорят, что наказуют. Говорят, говорят, говорят... А слова цены не имеют, думал Зигельбойм.

Слова имеют цену, думал Зигельбойм. Когда орган польских националистов "Варшавский дневник" 17 октября сорок второго года пишет "вечными врагами Польши являются еврейство, масонство и тайная немецкая агентура", когда первомайский номер газеты "Польша победит", посочувствовав евреям, тут же подчеркивает "глубокие общественно-политические разногласия" поляков и евреев — эти слова подпольной польской прессы имеют цену. Их цена — еврейское отчаяние одиночества. Их цена — взлет убийственной ненависти к евреям. Их цена — три реакции поляков на уничтожение евреев: содействие, противодействие и бездействие. Не так ли и все человечество перед лицом Зла расслаивается на злодеев, праведников и умывающих руки? — мог усмехнуться Зигельбойм. — Гигиена эгоизма.

В день начала восстания, 19 апреля, фашиствующий польский орган "Редут" облил клеветой евреев и "жидокоммунию". (Еще будет: "Информационный бюллетень" АК 27 мая похвалит за вооруженную борьбу "граждан гетто, ранее чуждых нам" и отметит, что, только воюя, "евреи очистились перед историей". Еще будет: погибшего еврейского боевика Михала Клепфиша спустя год польский генерал Сосновский посмертно наградит серебряным крестом "За воинскую доблесть" и националисты обвинят генерала в "профанировании высшего польского ордена". И еще будет в августе сорок четвертого варшавское восстание, и выйдут из укрытий воевать вместе с поляками немногие уцелевшие бойцы гетто, и будут их уничтожать националисты из числа польских повстанцев. Один отряд АК освободит из лагеря на Гусиной улице триста сорок восемь евреев, а другой отряд АК станет этих евреев мучить и убивать).

Зигельбойм мог прочесть также нелегальную газету "Польша жива" от первого мая. Там восстание в гетто называлось "инцидентом" и говорилось: "нам эти дела совершенно чужды". Замечательные слова! Чего после них стоил последний крик евреев Лондону: "Героическая борьба гетто имеет еще несколько опорных пунктов ...Потрясающие зверства немцев. Множество евреев сгорело живьем. Тысячи расстрелянных... Немцы жгут поочередно блоки домов... Вырвавшихся из гетто хватают и расстреливают на месте. Боевая Организация Евреев попрежнему в гетто. Эпопея его героизма приближается к концу ...А мирсвободы и справедливос-

ти молчит в бездействии. Поразительно ...Телеграфируйте немедленно, что сделали. Ждем финансовой помощи для остатков спасающихся”.

“Телеграфируйте”... Телеграфировать было нечего, да и шли телеграммы туго, спотыкались на пути: например, эта депеша, высланная из гетто 3 мая, была передана полякам в Лондон только 11 мая, а до адресатов дошла 21 мая вместе с радиограммой от 28 апреля. Одно послание БОЕ в Лондон вообще не поступило. Что причиной тому? Технические трудности? А может быть, та самая антиеврейская пропаганда?

Так печально получалось: слова евреев не вели ни к чему. И его, Зигельбойма, слова не вели ни к чему. Колесо еврейской истории набирало обороты под уклон, он не мог не только остановить, даже замедлить его убийственный ход, руки срывались, соскальзывали с обода, смазанного патокой пустой болтовни.

“Пускай умрут”, — сказали те, в гетто, Карскому. Для личной судьбы еврейского депутата Зигельбойма — прекрасный выход: уйти от горечи бессилия, от постыдного неприятия в гетто, от неучастия в общем бою. Но собственный покой для него не соблазн — ему хватит сил жить. А умирать ради “общественного мнения”... Он — стреляная птица, ему ли не понимать: смерть — пустое, никого она не тронет, две строки полицейской хроники... Совесть, справедливость, жалость — старомодные бирюльки салонных импотентов. Тем более сейчас: крохотная смертишка на фоне гигантской, в миллионы трупов, смертищи... Бесплодная демонстрация. Но — вдруг?.. Последний шанс — и выигрыш?!

Стоп, — останавливал себя Зигельбойм, — ходи по земле. Твоим ли трупом переломить еврейскую судьбу?.. А как насчет Давида и Голиафа? — спрашивал он себя и отвечал себе: сказки. Красивые библейские сказки. Утешение слабым.

Утешение? Или — назидание? Не остановить, так хоть стать ухом на пути... Давид Хохберг собой затыкает вход в бункер...

Тринадцатого мая Зигельбойм открыл газ в своей лондонской квартире. Он вернулся в Варшаву,

к своим вернулся,

к себе...

Из последнего письма Шмуля Зигельбойма:

“Господину Президенту Вл. Рачкевичу.

Господину Премьер-Министру Вл. Сикорскому.

Позволяю себе адресовать свои последние слова Вам, а через

Вас Правительству Польши и польскому народу, правительствам и народам всех стран-союзников и совести мира.

...В стенах гетто разыгрывается последний акт трагедии, какой не знала история. Ответственность... падает в первую очередь на самих убийц, но косвенно отягощает она также все человечество, народы и правительства союзных стран, которые до сих пор не предприняли конкретных действий, чтобы воспрепятствовать этому преступлению. Равнодушно взирая на уничтожение миллионов безоружных измученных детей, женщин и мужчин, эти страны стали соучастниками преступников.

...польское правительство в большой степени помогало оказывать влияние на мировое общественное мнение, однако делало оно это недостаточно активно. Оно не предприняло ничего, что соответствовало бы огромности драмы, разыгрывающейся сейчас в Польше. Из примерно 3 с половиной миллионов польских евреев и 700 тысяч евреев, депортированных в Польшу из других стран, в апреле 1943 года жило только 300 тысяч. А истребление непрерывно расширяется.

...Мои товарищи в варшавском гетто погибли с оружием в руках в последнем героическом бою. Мне не было суждено погибнуть так, как они, вместе с ними. Но я принадлежу к ним и к их братским могилам.

...

Я знаю, как мало значит человеческая жизнь в наше время, но ужесли я не мог ничего сделать при жизни, может быть, смертью своей помогу сломить равнодушие тех, кто имеет возможность спасти, хотя бы в последнее мгновение, оставшихся еще в живых польских евреев.

Моя жизнь принадлежит еврейскому народу Польши, и поэтому я ему ее отдаю. Я желаю, чтобы те, кто останется от нескольких миллионов польских евреев, дожили до освобождения в мире свободы и социалистической справедливости вместе с польским народом. Я верю, что поднимется такая Польша и наступит такой мир.

...Посылаю свое "Будьте здоровы" всем и всему, что мне дорого и что я любил. Шмуль Зигельбойм.

Лондон, май 1943" ..

Черняков, Зигельбойм, Ротблат... Три дороги — разные, три финала — схожие. Одна судьба — еврейская.

Не жаль мне Чернякова — Зигельбойма жаль. А Ротблату, чья кончина чернейшая, — завидую. Завидую его пути через улицу Налевки. "Оборона Налевки войдет в историю наряду с Сарагосой, Альказаром, Вестерплатте, Сталинградом..." — это о нем, Ротблате, писали поляки в подпольной газете "Новый день" 17 мая сорок третьего года.

Вру. Зависть? При моей-то удаче?..

Я дожила до осени, до этой стены, до белого облака в небе, до фотоснимка, который, будет время, всплывет из архива белообрисого Фридриха в сборник документов "Борьба, смерть, память", его издадут в моей родной Варшаве в 1963 году, и оттуда, из этой книги, он расскажет о гетто. Исполняется неисполнимое, неисполненное дневником.

Дневник придумался случайно. Уже в июле, когда в руинах гетто копошились только одиночки вроде меня, которые, если повезет, сбивались в крохотные группки. Без боеприпасов, без продуктов — без сил... Отсрочкой смерти перепадали изредка от польских друзей кусок хлеба или несколько патронов. Братья Шимчак, Василевский, какие-то безымянные подвижники шли, ползли, продирались в гетто — и умирали от фашистских, своих и немецких, рук — умирали за нас. Проникали в гетто с "арийской" стороны и банды охотников до еврейских пожитков или живого еврея, которого можно с выгодой сдать немцам. С этими мы воевали, как и с немцами, но какая война у безоружных и заморенных голодом? С середины июля бои в гетто практически кончились.

Тогда-то, в скитаниях между руинами, я в какой-то дыре обнаружила среди мертвого скарба мятую толстую тетрадь. Рядом, кстати, карандашный огрызок.

И пришло в голову обхитрить смертную тоску, безделье между редкими теперь стычками разменять на белые эти листки. Давным-давно, восьмилетней ученицей, я вела дневник: завтрак, игры с девочками, обиды на маму, мечта о котенке — детский лепет... Почему бы сейчас не писать? Хотя бы о Том, кого нет. Я попробовала. Выходило: голод, трупы, пожары, туннели, бои. Выходило — гетто. Выходило: о тех, кого нет. Для тех, кто будет. Может быть, они чему-то научатся, не даром же мы в конце концов умираем?.. Пошли воспоминания переплескиваться в тетрадь.

Оно и против голодного ожидания помогало и против сырости подвальной — увлечешься, отвлечешься...

Где-то наверху шла удивительная тихая война. Последние повстанцы искали выхода через каналы. Гитлеровцы днем засыпали люки, евреи ночами откапывали их. Сизифов труд, недолгий: сил не было, остатки их уходили на лунатические походы в поисках воды.

...дотлевающая

жизнь...

А у меня в подвале, при свечном огарке, при луне сквозь щели, наполнилась тетрадь ...Пока немцы при очередном прочесывании не обнаружили мою нору. Было здесь трое девушек, две спали, я писала. Утро. Тишина. Тепло ясного сентября в проломе входа в подвал.

Карандаш у меня истерся, короткий остаток не удерживался в пальцах. Я пыталась заточить его осколком камня. Руки дрожали, острое вонзилось в древесину и нехватало сил содрать стружку. Я напряглась, камень сорвался и рассек палец. Закапала кровь. И —

— топот наверху.

Свет в проеме померк. Немецкие голоса. Отстреливаться давно уже нечем... Хорошо бы девочек убили спящими... Я ткнула тупой огрызок карандаша в рану на пальце и кровью, почти наугад в полутьме, черкнула по тетрадному листу: "Идут эсэсовцы. Конец". Тут в подвал полетела граната...

...Они швырнули гранату и получили возможность развлечься фотографией. Ну и ладно, мне тоже нужен хороший снимок.

Они очень стараются для меня. У Отто пятно пота под мышкой расплзается на глазах. Они увлеченно играют своими кружочками, черным и светлым, дулом и объективом. Отто уже не только наводит автомат, он еще и припугивает меня, выкрикивая: "Пуф! Пуф-пуф!".

Чего они ждут? Ужаса, мольбы, истерики? У меня позади десять жизней и трупы таких же веселых подонков, впереди у меня покой — что мне их идиотские угрозы?! И когда, осененный новой режиссерской находкой, Фридрих дурашливо кричит: "Улыбнись! Снимаю!" — помимо его и моей воли уголки моих губ поднимает усмешка. Честное слово, я довольна. Почти счастлива.

"Счастье, как вода в озере, — разлито везде одинаково", — сказал мудрец. Мой разлив — здесь, у стены...

Но, господи, почему нельзя иначе? ..Стихли бы навеки канонады, заржавели бы все револьверы в мире, отстроились заново из руин города, и в парке, разбитом на месте гетто, врытые стоймя пушечные стволы служили бы фонарными столбами. И мне бы с любимым вдвоем окунуться в теплую живую ночь, где свежий ветер и овалы листьев на черных ночных деревьях, и губы в улыбке, и зубы в улыбке, и улыбка в огромных глазах, улыбка, удивление и радость...

...улыбка несостоявшегося счастья.

Не мне — улыбка. Мне — мерцание полуулыбки. Мое везение — мой бой, его упоительно долгая

длительность. Потом никто даже не сможет толком определить дату конца восстания, оно, по словам Б. Марка, постепенно затихало, угасало, снижалось.

С середины июля гитлеровская полиция приступила к взрыву развалин, давая последние искры жизни на пепелищах. Все же в начале августа обнаруживались среди руин стреляющие боевики. Двадцать третьего августа из гетто на "арийскую" сторону вышла горстка повстанцев, вышла с оружием в руках. За ними осталась огромная мертвая пустыня: камни, зола, тишина... Но и ту тишину прорезали выстрелы: кто-то из укрывающихся евреев находил силы поохотиться за неосторожным эсэсовцем, а то гитлеровцы выудят из-под земли и расстреляют несколько еврейских детей, которым взрослые на исходе собственных сил помогли продлить дыхание... До самого сорок четвертого года будет тлеть в подземельях восстание и редкими гейзерами выбрасываться наружу, пока повторный обмолот руин взрывами и зима не сделают свое: в начале сорок четвертого года вооруженных евреев в гетто уже не станет. Разговоры варшавян в том году о недобитых и стреляющих в гетто евреях — только слухи. Впрочем, евреям — и без чудес? Парикмахер Давид Бялогород вышел из руин гетто в августе сорок четвертого. Пещерный человек, он проживет еще два десятка лет.

Он проживет, неистребимый еврей, но это уже будет без меня, потому что остряк-фотограф, наконец, дощелкал пленку до последнего кадра. Его он приберег для самого эффективного сюжета, и вот Отто поднимает автомат на уровень моей груди, переглядывается с Фридрихом, они радостным хором командуют себе "Айн, цвай, драй!" и одновременно жмут: Фридрих — на затвор фотоаппа-

парата, Отто — на спусковой крючок... Все... Меня больше нет. Я ушла в снимок.

Остальное уже без меня.

Без меня напишет будущий наш историк Бернард Марк:

"Многие освободительные войны несли в себе зародыш неизбежного поражения, но ни на одной из них не лежала печать столь глубокого трагизма, как на последнем боевом порыве остатков обитателей варшавского гетто, который разгорелся на могиле их близких без тыла, почти без оружия, без ничтожного шанса на победу, под лозунгом "Если умирать, то с честью, в борьбе".

...

...в истории восстаний до сих пор не были известны бои в подземельях, среди пылающих домов, на крышах и карнизах, в канализационных люках и на объятых огнем лестничных клетках. ...штаб восставших, не имея боевого опыта, внес новый вклад в историю восстаний, разработав тактику борьбы в столь необычных и до сих пор невиданных условиях.

...

...восстание учит, как можно и нужно даже в наиболее трагичном и отчаянном положении найти все же выход путем преодоления страха и покорности, путем активного сопротивления могущественному врагу.

...

От повстанцев гетто Варшавы осталась не только легенда. Остался живой пример настоящего человека, пример для нынешнего и будущих поколений.

Память о них переживет века".

Без меня подытожат наше восстание: уничтожено 70 тысяч евреев, из них убито в боях около 6000. Немцев, убитых и раненых, — 1350. Если бы в том же соотношении шесть миллионов погибших евреев выделили из себя 600 000 : 70 000 x 6 000 — 514 300 бойцов, — то полмиллиона дерущихся евреев могли бы вывести из строя: 514 300 : 6 000 x 1 350 — 115 700 фашистов. Сто двадцать тысяч убийц...

Без меня беженцы из гетто создадут в вышковских лесах партизанский отряд имени Анелевича ("Защитники гетто") под командой Адама Шварцфуса, Мордехая Гроваса и Игнаца Подольского. Отряд будет бить немцев и предателей, подрывать воинские эшелоны, разорять усадьбы гитлеровцев, раздавая добычу польским крестьянам, — и будет притягивать к себе беглецов из ближнего

лагеря советских военнопленных: русских, армян, осетин, узбеков — славный боевой интернационал, служить бы ему обнадеживающим примером на будущее, да к апрелю сорок четвертого извели его (примером же на будущее?) дружные усилия немецких и польских фашистов.

Без меня эхо нашей стрельбы отзовется борьбой смертников концлагерей и гетто в Треблинке, Белостоке, Собиборе, Вильно, Освенциме, Ченстохове, Бендзине, Кракове, Тарнове, Сандомире, Ясле, Бориславе, Понятове, Травниках, Майданеке, эхо раскатится по лесам Польши, Венгрии, Чехословакии, Литвы, Украины, Белоруссии — везде, где партизанили евреи, оно в сентябре сорок четвертого года долетит до восставшей Варшавы последней группой БОЕ под командованием Ицхака Цукермана, которая соберет укрывающихся на "арийской" стороне евреев и будет драться плечом к плечу с поляками до последнего вздоха восстания. Нет, не зря немцы годом раньше построили на территории бывшего гетто газовую камеру, имея в виду вслед за евреями — поляков. Последовательность в общем символическая и в частности закономерная: кровь БОЕ горячим "коктейлем Молотова" подливалась в польский огонь, распалившийся до самого Берлина — там боевики АК взорвали бомбы в сорок третьем году.

Без меня осенью сорок третьего гимном восставшему гетто взорвется из польского подполья книжка католички Марии Канн, и две тысячи пятьсот ее экземпляров прокричат в гневе и ярости: "НА ГЛАЗАХ МИРА, на наших глазах... уничтожен НАРОД. Мы смотрели на это безучастно ...мы привыкаем к мысли, что МОЖНО убивать, можно строить крематории для ЖИВЫХ людей. В детских умах начинает проклевываться представление, что существуют нации различного сорта: "господа", "слуги" и, наконец, "собаки", которых можно безнаказанно убивать. И это самый страшный посев кровавого фюрера и его победа ...Земля перестанет быть бойней. Вернутся мир и покой. А много лет спустя ребенок спросит: "Кого убили, мама? ЧЕЛОВЕКА или еврея?". Вот что страшно сердцу польских матерей".

И без меня издохнет гитлеризм. О, мне бы хоть миг из дней победы! Узнать бы, что за семнадцать дней до конца войны Гиммлеру придет в голову искать спасения через недобитых им евреев: "настало самое лучшее время, чтобы вы, евреи, и мы, нацисты, похоронили топор войны", — скажет миролюбивый рейхсфюрер СС.

А прочие сверхжелезные вожди "сверхлюдей"? В Нюрнберге

сорок шестого года, по уши в страхе возмездия, чего не наговорят они и публично и в частных беседах!

ФРАНК: "...варварство, видимо, характерная расовая черта немцев ...Мы, немцы, мы все грабители. Не забывайте, что немецкая литература началась с "Разбойников" Шиллера".

ШПЕЕР: "Пусть вся эта проклятая нацистская система и все ее руководители, включая и меня, получают то бесчестие и позор, которые они заслуживают".

КАЛЬТЕНБРУННЕР: "Я от души приветствую ту идею, что истребление народов должно быть заклеено международным соглашением как преступление и должно строжайшим образом наказываться".

ГЕРИНГ: "...один немец — это наверняка порядочный человек, два немца — это уже банда, а трое обязательно вызовут войну". И, читая, в газете о боях палестинских евреев с англичанами, объявил вовсе сногшибательно: "Я счел бы за честь воевать вместе с евреями".

Материалы Нюрнбергского процесса и процесса Эйхмана в Иерусалиме, документальные фильмы и книги об еврейских Голгофах и безднах, памятники на местах смерти, скорбные плачи оркестров — все будет создано и разноязычно распространено, невероятная правда об убийстве народа растечется по земному шару доступно всем и, может быть, люди, разглядев в судьбе евреев не частный случай, а черновой набросок всеобщей истории, свернут, наконец, с накатанных магистралей Зла на тернистые тропы Добра.

Поставьте нам памятник на том повороте!

"Последний арьергард нескольких миллионов евреев, замученных и отравленных газом в различных лагерях смерти, героически погибал в вооруженной борьбе со своими убийцами, воздвигая себе нерушимый памятник славы..." — это в 1947 году напишет о нашем восстании Владислав Гомулка, бывший руководитель коммунистического польского подполья. Все-таки настанет черед поклониться евреям!..

...А двадцать лет спустя Гомулка, возглавив Польшу, объявит евреев неполноценными ее гражданами. Какой старый, какой еврейский анекдот!

Не ему ли я улыбаюсь?..

...Джоконда...

ЛИТЕРАТУРА

Михаил Гробман

Над убогим Шомроном висит золотая овца
Светит мирно и тихо сучит обнаженными ножками
И глаза так печально свисают с простого лица
И волнистые слезы бегут голубыми дорожками

А на бедной земле где упала небесная шерсть
Ходят овцы иные и мирно растения кушают
И для каждой овцы уже ножик отточенный есть
И огромный мешок переполненный мертвыми душами

И откуда-то сбоку из тайных сфер
Там где чья-то безмерная длинная воля расстелена
Смотрит старый Абрам себялюбца и единоведа
Смотрит грустно и даже немножко-немножко растерянно.

11 декабря 1984 года

* * *

Благословляющая эти горы ладонь Бога
Давно истлела
Прах ее смешался с арабской золой
С овечьим пометом с пылью
Ее тепловые колебания застыли
И только время от времени
Небесный гром Ф-16
Напоминает нам
Об энергетических феодальных планах Создателя
И тогда
Маленькие зеленые солдатики
Бегут по склонам гор
Громко стреляют

Падают
И их розовые окровавленные души
Поднимаются как воздушные шарик
Улетают навсегда
Навсегда.

25 декабря 1984 года

* * *

Над бедной Самарией круглое голубое прозрачное небо
Словно большой глаз идиота —
И грудные звуки всхлипывания бормотания —
Это многокилометровая душа Господа Бога
Бродит вокруг своей могилы
Читает увядшие ленты —
Равнодушные посвящения проникнутые скорбью —
Горько плачет безвоздушными безмолвными слезами
И вдруг
Опомнившись
Медленно исчезает
За грань до-сотворения-мира.

17 апреля 1985 года

* * *

Какие были прекрасные времена!
Господь Бог в сверкающей одежде астронавта
Выходил из большой тарелки
Крепко жал руку седобородому Моисею
Хлопал его по плечу
И они разговаривали о том
Какая будет завтра погода —
Неизвестно где похоронен Моисей —
Летают тарелки наполненные мертвыми телами Господа Бога —
Эксперимент продолжается.

17 апреля 1985 года

* * *

Утром иду охотиться на людей —
В руках у меня винтовка М-16, карманы полны патронов —
Город так свеж, так чист после ночного дождя —

Вот на третьем этаже муниципального здания чиновник
открыл окно, смотрит на улицу —
Моя пуля так мягко входит в его тело —
Оно повисает на подоконнике руками вниз.

Молодая женщина несет ребенка на груди — агу, агу!
Коляску толкает перед собой —
Одной пули хватило для обоих.

Пожилая женщина идет с кошелкой —
Капуста, помидоры, зеленый лук —
Моя пуля заставляет ее охнуть
Но это ее последнее — ох! — на земле.

Велосипедиста я снимаю не целясь, на ходу —
Как смешно он заваливается на обочину
Хватает воздух ртом и застывает.

Две девочки рассматривают витрину —
Я посылаю в них две параллельные пули —
Слышу веселый звон осыпающегося стекла.

Безногий калека просит милостыню
И он ее получает от меня —
Лучшую милостыню на свете —
Теперь он спокоен и навсегда удовлетворен.

Мужчина выходит из конторы —
Черный чемоданчик на уровне колен —
Шутки ради я стреляю сперва по чемоданчику
А потом между двух глаз умерших еще до того как пуля
коснулась лба —
На сегодня хватит —
Вешаю винтовку на плечо и тихо напевая
Медленно бреду домой.

10 марта 1988 г.

* * *

Обожаю экстремистов всех сортов и пород -
Бледную недоёбаную девочку немецкого происхождения
с калашниковым в руках —
О, этот танцующий в ладонях калашников —
О, наслаждение там, внизу, в потных трусиках от Кауфхофа
Влажное пятно во имя грядущей революции.

Обожаю стареющего онаниста —
Обожаю его мелкие пальчики с обкусанными ногтями —
Как красиво, как уверенно они душат
какого-нибудь чемберленистого Альдо Моро —
Как элегантно они просовывают ножик между ребрами,
туда, в глубину, в потемки чужого тела.

Обожаю бесстрашного руководителя группы —
Медленно вращается его спина вокруг собственной оси
под тихим светом тюремной лампочки —
Дорогой хребет! что случилось с твоими верхними позвонками?

Обожаю породистые ноздри, прозрачные глаза, легкий румянец,
мягкую улыбку при звуке взрыва
на железной дороге —
Трупный пар поднимается к небу —
К студенческому небу тотальной справедливости
и тотальной любви.

Обожаю сутенерские усики палестинского борца за независимость
Обожаю розовую арабскую жопку его младшего товарища по
борьбе
О, это слияние тел
белых как мука Юнеско в лагерях Газы.

Нет конца моим обожаниям и нет начала
в этом чудном мире
созданном Господом Богом
по своему образу и подобию.

24 июля 1988 г.

Тель-Авив

ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

Был, как обморок, переезд,
но душа отошла в тепле,
и теперь я свой русский крест
по еврейской ношу земле.

Изгнанник с каторжным клеймом,
отъехал вдаль я одиноко
за то, что нагло был бельмом
в глазу всевидящего ока.

Еврею не резвиться на Руси
и воду не толочь в российской ступе;
тот волос, на котором он висит,
у русского народа — волос в супе.

В час важнейшего в жизни открытия
мне открылось, гордыню гоня,
что текущие в мире события
превосходно текут без меня.

Бог в игре с людьми так несерьезен,
а порой и на руку не чист,
что похоже — не религиозен,
а возможно — даже атеист.

В мире много идей и затей,
но вовек не случится в истории,
чтоб мужчины рожали детей,
а евреи друг с другом не спорили.

Здесь разум пейсами оброс,
и так они густы,
что мысли светят из волос,
как жопы сквозь кусты.

За российский утерянный рай
пьют евреи, устроив уют,
и забыв про набитый трамвай,
о графинях и тройках поют.

Я не даю друзьям советы,
мир дик, нелеп и бестолков,
и на вопросы есть ответы
лишь у счастливых мудаков.

Забавно, что томит меня и мучает
нехватка в нашей жизни эмигрантской
отравного, зловонного, могучего
дыхания империи гигантской.

Когда идет пора
крушения структур,
в любое время
всюду при развязках
у смертного одра
империй и культур
стоят евреи
в траурных повязках.

Евреи, которые планов полны,
становятся много богаче,
умело торгуя то светом луны,
то запахом легкой удачи.

Ни мыслей нет, ни сил, ни денег.
И ночь. И с куревом беда.
А после смерти душу денет
Господь неведомо куда.

Стократ блажен, кому дано
избегнуть осени, в которой
бормочет старое говно,
что было фауной и флорой.

Я живу, в суете мельтеша,
а за этими корчами спешки
изнутри наблюдает душа,
не скрывая обидной усмешки.

С утра до тьмы Россия на уме,
а ночью — боль участия и долга;
неважно, что родился я в тюрьме,
а важно, что прожил там очень долго.

Нас душило, кромсало и мяло,
нас кидало в успех и в кювет,
и теперь нас осталось так мало,
что, возможно, совсем уже нет.

Да, порочен дух моей любви,
но не в силах прошлое проклясть я,
есть у рабства прелести свои
и свои восторги сладострастья.

Каждый день я толкусь у дверей,
за которыми есть кабинет,
где сидит симпатичный еврей
и дает бесполезный совет.

Земля моих великих праотцов
полна умов нешибкого пошиба,
и я среди галдящих мудрецов
молчу, как фаршированная рыба.

Блажен, кто знает все на свете
и понимает остальное,
свободно веет по планетё
его дыхание стальное.

Я мыслю и порочно и греховно,
однако повторяю вновь и вновь:
еда ничуть не менее духовна,
чем пьянство, вдохновенье и любовь.

Всегда у мысли есть ценитель,
я всюду слышу много лет:
вы выдающийся мыслитель,
но в нашей кассе денег нет.

Когда во рту десятки пломб —
ужели вы не замечали,
как уменьшается апломб
и прибавляется печали?

Катаясь на российской карусели,
наевшись русской мудрости плодов,
евреи так успешно обрусели,
что всюду видят происки жидов.

Духу тяжело, если плоть перегружена,
в теле сочная бурлит суета,
и я чувствую себя после ужина —
как Иона, проглотивший кита.

Я изучил по-сотням судеб
и по бесчисленным калекам,
насколько трудно выйти в люди
и сохраниться человеком.

Покуда мне блаженство по плечу,
пока из этой жизни не исчезну —
с восторгом ощущая, что лечу,
я падаю в финансовую бездну.

Евреи знали унижение
под игом тьмы поработителей,
но потерпевши поражение,
переживали победителей.

Высокое Божье напутствие
века на судьбе нашей выбили:
еврей обречен на сочувствие
немедля вослед его гибели.

Не зря, не зря по всем дорогам
судьба вела меня сюда,
здесь нервы нашей связи с Богом
обнажены, как провода.

И с первых дней прижился тут,
мне здесь тепло, светло и сухо,
и прямо в воздухе растут
плоды беспочвенного духа.

Судьбой обглоданная кость,
заблудший муравей,
чужой свободы робкий гость
я на земле моей.

Когда сюда придет беда,
я здесь приму беду,
и лишь отсюда в никуда
я некогда уйду.

РАССКАЗЫ

Номер

— Вы знаете, вы мне нравитесь, — произнес он добродушно-восторженно. — Честное слово. У вас удивительное лицо. Сегодня все так стандартно молоды, а от вас, от всей вашей фигуры, веет стариной. Признайтесь, как вам удалось сохранить такое лицо?

Я улыбнулась и ничего не сказала.

— Понимаете, — продолжал он, — меня это интересует, можно сказать, чисто профессионально. Вы позволите позвонить вам? Я надеюсь, у вас есть телефон?

— Вы давно из России? — зачем-то спросила я.

— Из России? — он рассмеялся. — С чего вы взяли? Я никогда там не бывал! Так как же насчет телефона? Вы хотите, чтобы я позвонил вам в Россию?

— Вы полагаете, что это возможно?

— Отчего же нет? Разумеется, возможно. Как говорится — все в нашей власти. Лишь назовите номер.

— Но какой? Я трижды переезжала там с квартиры на квартиру, и каждый раз номер телефона менялся.

— Что за разница! Назовите, какой не жалко.

— Самый первый телефон был Д-3-39-28. А второй...

— Достаточно одного.

— Но теперь я живу в Иерусалиме...

— Вы предпочитаете, чтобы я позвонил вам в Иерусалим?

— Не знаю, ей-Богу. Я как-то не представляю себе, каким образом вы разыщете меня в Москве. Но если для вас это не играет роли...

— Для меня ничто не играет роли. Я могу позвонить и в Иерусалим.

— Да, позвоните лучше в Иерусалим.

— Только дайте номер.

— В Иерусалиме у телефонов нет номеров, у них есть имена.

— В самом деле? Любопытно. В таком случае, назовите имя вашего телефона.

— Шмоне-шеи штаим-шалаш шева-теша.

— О нет! Эти "ш-ш-ш..."! — он поморщился. — Это не для меня.

То есть, я бы сказал, это слишком шипяще. Если вы не возражаете, я позвоню вам в Москву.

Голубые лилии

Я карабкалась вверх, ноги скользили на вязкой глине, и, чтобы не съехать обратно, приходилось цепляться руками за торчавшие из земли камни и проволоку. Я задыхалась и останавливалась, но ползла дальше. Я была слишком стара и слаба, а овраг слишком глубокий. Мне не следовало пускаться в дорогу.

В конце концов я все-таки выбралась наверх. Тут можно было распрямиться и оглядеться. Я принялась вытирать руки о подол, но пальцы то и дело попадали в дыры — от платья и пальто остались одни лохмотья. Место было знакомое. Там, где теперь зиял овраг, раньше мостился огромный дом — каменное чудовище на четырех широко раздвинутых лапах, увенчанное маленькой головенкой на длинной шейке — пятиконечной звездочкой на высоком шпиле. А еще раньше тут стояли другие дома. Их я тоже помнила. Они стояли в ряд, как и положено зданиям, составляющим улицу, и когда их вздумали рушить, падали с трудом, цепляясь друг за дружку то крышей, то общей стеной, то толстенным двойным перекрытием. В крайнем доме почему-то долго светилось одно окошко. Целый месяц, если не больше, оно висело на высоте, одинокое светящееся окно посреди темной обреченной улицы, и задерживало план сноса. По Москве поползли домыслы и легенды относительно странной задержки, говорили, например, что это чета строптивых пенсионеров отказывается покинуть насиженное место и перебраться на меньшую площадь на окраине. Но потом свет в окне потух, и крайнего дома тоже не стало. В конце поверженной улицы вырыли громадный котлован и начали возводить в нем высотное здание — громоздкое и неуклюжее. Впоследствии говорили, что его верхние этажи так раскачиваются, что у жителей с непривычки кружится голова.

Я прошла через пустырь — прежде здесь были площадь и сквер. По широкому ущелью Садового кольца несло холодом и сыростью. На углу улицы, в которую я собиралась войти, стояла длинная недвижимая очередь. Люди молчали, и каждый пытался укрыться от ветра за спиной того, что стоял впереди. Я обогнула очередь и увидела знакомый особняк. Правый флигель превратился в развалины, но левый еще стоял. Только пустые окна запали чер-

ными дырами. А ворота исчезли совсем, старинные чугунные ворота, закрывавшие некогда въезд во двор. Деревьев тоже не стало — наверно, были срублены на дрова. Раньше тут было много деревьев, справа от ворот росли вербы, каждую весну они покрывались нежными пушистыми барашками. В центре был разбит цветник, и на нем стояла статуя, называлась "Мысль", но потом, как шутили писатели, она сделалась тут неуместной и ее заменили памятником Льву Толстому. Вдоль въезда полукругом тянулись кусты с блестящими жесткими темными листьями и висели на низеньких столбиках чугунные цепи. Зимой в цветнике лежал снег. Детей здесь не было, а взрослые ходили исключительно по дорожкам, и поэтому только мои следы отпечатывались на белом пушистом покрове. Я приходила сюда с отцом. Осенью во дворе опадали листья, и переспелые яблоки шлепались на землю — молоденькие яблоньки уже давали урожай, но литераторы почему-то не зарились на их плоды, а посторонним сюда не было входа.

Теперь не осталось ни памятника, ни цветника, ни даже асфальта, ведущего к главному зданию. Все безнадежно затянула грязь, крутая липкая грязь. Кучи мокрого мусора громоздились под стенами. Тяжелая дверь с медным кольцом, возле которой в прежние времена стоял швейцар, исчезла. Три доски, кое-как неумело сколоченные ржавыми гвоздями, заменяли теперь дверь. Я вошла в здание.

Мраморная лестница была разбита, и чтобы взбираться наверх, возле стены поверх искалеченных ступеней устроили дощатый настил с поперечными планками. Ниша, где обитала моя любимица, прекрасная Венера, была пуста.

Я прошла по коридору и заглянула в какую-то комнату. На полу грудями были свалены книги, журналы, какие-то растрепанные рукописи, кипы служебной переписки и бухгалтерские ведомости. Пожилая женщина стояла посреди комнаты на коленях и пыталась отыскать что-то среди всего этого хаоса. Увидев меня, она приподнялась и спросила:

— Кого вам нужно?

Я назвала свою фамилию.

Она подумала.

— Пойдите... Да, я, кажется, припоминаю: она что-то писала, какие-то рассказы... Что-то в этом роде... Но она у нас не работает.

— Я знаю, — сказала я. — Но может быть, вы что-нибудь слыша-

ли о ее семье? Я бы хотела узнать... Может быть, вам известно, где ее дети?

Она покачала головой.

— Нет, что вы!.. Наверно, никого и не осталось. Впрочем, мы не в курсе... Видите, что тут творится — людей не хватает, а надо как-то спасать последнее, ведь жалко, того гляди, растащат на растопку. — Она еще продолжала жаловаться, но я уже не слушала ее.

Я прикрыла за собой дверь и побрела по коридору. Придерживаясь за стены, я спустилась по серому дощатому настилу в вестибюль и покинула особняк. Прошла через двор, миновала недвижную очередь и выбралась на площадь. Над руинами зданий метался ветер. Я пересекла пустырь и стала спускаться в овраг. Огибая груды битого кирпича и ржавого железа, я сползала все ниже и ниже, пока не достигла дна. На дне было теплее. Я села на какой-то выступ и постаралась больше не двигаться.

Темнело. Какой-то человек шел по склону оврага. Ветер и холод не смущали его, он двигался не спеша, не сгибаясь и не оскальзываясь, легко вытаскивая ноги из мокрой глины. Я зачем-то решила окликнуть его, но он, как видно, не услышал. Я попыталась приподняться ему навстречу, но не смогла: тело окоченело от холода. Он продолжал свой путь, не замечая меня. Я протянула к нему руки, надеясь задержать его, но он невозмутимо прошагал мимо. Я посмотрела ему вслед. Балахон из грубой бумажной ткани развевался на ветру, непокрытая, давно не стриженная голова была высоко поднята. Может быть, он был глух, но скорее всего, безумен. Когда он окончательно скрылся из виду, я опустила глаза и вдруг заметила возле своих ног голубенький цветок. Бледный, напитанный влагой стебелек увенчивала прозрачная, еще не совсем раскрывшаяся чашечка. Я наклонилась, дотянулась до цветка рукой и сжала его в онемевших пальцах. Откуда он взялся тут — лесной подснежник — на этой холодной и топкой глине? Я еще раз глянула в ту сторону, где скрылась фигура в сером балахоне, но ничего не увидела. Вокруг было пусто.

Только мягкий перламутровый свет тек со склона оврага.

Ворота милосердия

— Если бы не кровь, если бы не эта кровь на моей одежде, я был бы как все, у меня был бы дом, жена, дети...

— Чисты как снег твои одежды...

— Если бы я умел рассказать тебе, что они делали со мной, ты увидел бы кровь. Если бы я сумел рассказать, как били меня кнутом, как жгли мои ноги огнем, как ломали кости моих рук...

— Чисты как снег твои одежды, как снег на вершине Хермона...

— Где ты был, когда я звал тебя?

— Я слышал твой стон...

— Я хотел молиться за них. Я пытался молиться за них... Зачем ты покинул меня?

— Я будил тебя, но ты, видно, слишком устал и не мог проснуться.

— Я умер, но они заставили меня вернуться к жизни. Если бы я мог рассказать тебе, как содрогалось мое тело на плахе...

— Не думай об этом.

— А когда они поверили, что я мертв, и бросили меня возле источника в долине, дети стали плясать возле моего бездыханного тела и тянулись ручонками к моим глазам. И я не мог прикрыть глаз, потому что руки мои были перебиты. Где ты был тогда?

— Забудь об этом, мы идем в Иерусалим.

КНИГОТОВАРИЩЕСТВО "МОСКВА — ИЕРУСАЛИМ"

НОВАЯ КНИГА

"ЗАГАДКИ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ"

256 стр.

Цена 15 долл.

Сборник произведений, опубликованных в разное время на страницах журнала "22", содержит увлекательную повесть о дерзких исторических гипотезах И. Великовского, статьи Дж. Кармайка, Г. Шолема, Н. Голба, Р. Ляст и И. Рубина, посвященные загадочным эпизодам и темным страницам еврейской истории, а также перевод знаменитой работы З. Фрейда "Моисей и монотеизм", где предлагается необычная трактовка происхождения иудаизма.

Заказы и чеки направлять по адресу: "Москва — Иерусалим", п/я 44050, Тель-Авив 61440.

Вместо введения. Предлагаемое ниже писалось в первые годы пребывания в Израиле, когда впечатления от новой действительности были еще остры и свежи. Я писал не для печати, а для себя, чтобы лучше осмыслить окружающее и свое отношение к нему. Однако со временем скопившийся материал стал требовать выхода. Так, с помощью выборки и правки, родились несколько лет назад эти записки. Сейчас, когда редакция "22" любезно согласилась предоставить мне свои страницы для публикации, я сделал выборку из выборки, которая и предлагается вниманию читателя. В этой малой выборке я решил ограничиться только одной из тем, волновавших меня тогда (и поныне), а именно — так называемой "новой ментальностью", господствующей на Западе вообще и в Израиле в частности и успешно распространяющейся сегодня во всем остальном мире, включая Россию. Ментальность эта, как мне представляется, родилась на скрещении вульгаризованных фрейдизма и экзистенциализма с пресловутой "сексуальной революцией". Вот уже полсотни лет, как на эту тему пишут и говорят в высшей степени много, и все же я льщу себя надеждой, что мне удастся сказать о ней что-то свежее.

Александр Воин

Новоментальная статистика. По телевизору сообщили, что за последний год в полицию обратились по поводу изнасилования триста израильтянок. Исследовательница добавила, что обращаются в полицию только 10% пострадавших. Значит, за год изнасилованных было примерно 3000. Примем средний возраст жертвы 20 лет. Двадцать лет назад естественный прирост в Израиля составлял около 40000. Женщин, следовательно, было 20000. По этой грубой прикидке получается, что 15% родившихся в стране женщин стали за это время жертвами изнасилования.

Конечно, тут можно воскликнуть: "Ну, и что? Во-первых, не так уж много, всего только 15%, а во-вторых — это явление, которое существует давно (от этого оно, надо полагать, становится более приемлемым?) не только у нас, но и в других странах, так что нечего впадать в истерику — нужно тихо и по-деловому "метапелить баю" (прорабатывать проблему), что мы, слава Богу, и делаем".

И что же именно делается? Созданы кружки для обучения женщин приемам самообороны против насильников (главнейший из приемов — коленкой в пах). И предлагается ужесточить сроки наказаний. Ну, ужесточат. Через некоторое время выяснится, что не всегда насильник так уж виноват — нередко жертва сама его провоцирует (и, добавлю от себя, его всегда провоцируют обстоятельства, среди которых главное — это "новая ментальность", что однако не будет учтено никаким судом). Оговорить в законе, когда провоцирует, когда нет, — невозможно. Значит, сроки снова надо снизить. И т. д.

Но вернемся к статистике и дорисуем ее в воображении. К 15% изнасилованных нужно добавить еще неведомо какой процент проституток, лесбиянок и прочих извращенков. Получим цифру, существенно превосходящую ту, которую общество в большинстве своем сегодня принимает за "норму". Впрочем, пардон, — а куда отнести тех, кто начинает половую жизнь уже в малолетнем возрасте? Фактически, и это уже стало вполне "привычно", хотя время от времени кого-то еще сажают за растление малолетки, да изредка в прессе возникают какие-то сумбурные дебаты по поводу половой вседозволенности — в школах, например. Начинают обсуждать, какой линии в связи с этим придерживаться воспитателям. Об этом лучше всего было бы спросить у Аси. Она отчаянно страдает от бесплодных попыток увлечь своих малолет-

ток "Ромео и Джульеттой", хотя тем не менее упорно защищает "новую ментальность" и говорит, что я "отстал от времени".

Так вот, если к вышевычисленному проценту добавить еще и малолеток, то уже легче будет посчитать, что остается.

Телефон-герлз. В газете "Маарив" сообщается, что раскрыта сеть "телефон-герлз" и организаторы сети посажены. А за что, собственно? Оказывается, вот за что. Проституция в Израиле не запрещена, но вот организовать ее и получать через эту организацию деньги — запрещено. Примерно так. Иными словами, то, что предприимчивые деляги давали желающим за определенную мзду телефоны девиц, которые потом давали этим же желающим кое-что другое, также за деньги, — это нарушение закона, так как то, что давали девицы за деньги, — это проституция, а то, что деньги получали и устроители-информаторы — это уже организованная проституция.

Но! В этом же номере газеты (как и во всех предыдущих) среди прочих фигурируют объявления такого типа: такой-то ищет девочку для интимного времяпровождения, причем "такой-то" стыдливо добавляет, что "возможна финансовая поддержка". Или еще: студент готов "услужить" пожилых женщин; разумеется, тоже за "финансовую поддержку", но на этот раз уже в его сторону.

Пусть мне кол на голове затешут, если объяснят разницу между деятельностью "Маарива", который получает деньги за публикацию подобных объявлений, в соответствии с которыми потом спят за "финансовую поддержку", и деятельностью свежепосаженных организаторов сети "телефон-герлз".

Из "новоментальных" картинок в Союзе. 1. Эпоха раннего новоментализма. Все уже решительно подчинились новому культу, но еще не все переродились внутренне. Пьянка по случаю Нового года или какого-то другого праздника. Дело доходит до песен. Спели то да се, и вот кто-то заводит бессмертное "эх, раз, еще раз, еще много-много раз..." Когда доходит до припева, один из старательных приверженцев "новой ментальности", надрывая глотку, орет: "Лучше много раз по разу, чем ни разу сорок раз!"

Культ обязывает: все истово подхватывают похабеля, хотя иные с большим усилием скрывают отвращение и унижение; все орут и стараются глаз не опускать, а напротив — понимающе хихикать и многозначительно и сально подмигивать. Лица багровеют от напряжения, улыбки костенеют, а подмигивающие гла-

за выражают уже черт знает что — но никто не отваживается первым остановиться. Новые времена...

2. Три школьницы 7-го класса вышли на панель возле стадиона "Динамо" в Киеве, потому что остались единственными девственницами в классе и подруги их затравили. Свобода, бя!

Философия бегущей собачки. Сегодня встретил в больнице Тель-Ашомер молодого жизнерадостного идиота в военной форме. Он "разряжался по Фрейду". Молотил клейкую и бессмысленную ерунду, обращаясь к людям, совершенно ему незнакомым. Говорил громко, почти на крике, сопровождая несмешную свою муть идиотским жизнерадостным смехом и подмигиваниями. Издевки окружающих на него не действовали. По ходу словоизвержения, без всякой логической связи с предыдущим и последующим, он изрек свое "кредо": "Все, что в тебе есть, надо выбрасывать, это полезно для здоровья". Судя по тому, что он из себя выбрасывал, ничего, кроме навоза, в нем не было. Но не в этом дело.

Конечно, этот молодой неофит самого Фрейда наверняка не читал. Более того — он и имя-то его вряд ли слышал. Но это неважно. В Союзе тоже мало кто читал Маркса, но это не мешало его доктрине определять тамошнюю действительность.

Опасный соблазн фрейдизма состоит в том, что выводы из исследования психики отдельного человека он имеет тенденцию переносить на все общество. В частности, можно заключить, что если для индивидуума полезно "разряжаться" (хотя тоже лишь в определенных границах, по-моему), то и для общества в целом будет полезно, если все начнут "разряжаться". Но в обществе все взаимосвязано. Если бы продукты подобной "разрядки" улетучивались безвредно в пространство, может, для общества и было бы хорошо, но ведь это не так. Есть такие индивидуумы, для которых вся "разрядка" состоит в том, чтобы искалечить кого-нибудь, убить или изнасиловать. Скажем, "паханы" в уголовном мире — как правило, очень здоровые психически люди — постоянно "разряжаются" на ближних и дальних, оставляя на своем пути множество трупов и калек. Или вот советские начальники. Также ведь "разряжаются" на подчиненных. Сунуть бы такого недоделанного "фрейдиста" носом в это наше родимое советское дерьмо! Фашизм тоже "разряжался" — на целых народах. Вся эта история стара, как мир: всю жизнь человечество только и делало, что "разряжалось" с помощью войн, грабежей, насилия

и, доразаряжавшись до полной невозможности существования, спохватывалось и восклицало: "Ребята, давайте жить по-человечески!" Но просветление, если и наступало, то лишь на самое короткое время. Фрейдисты (вульгарные) только и внесли нового, что стали доказывать, будто все виды разрядки можно заменить одной сексуальной и если это сделать, то будто бы наступит всеобщий мир и в человеках благоволение.

Не буду говорить о цене такой подмены. Но достигается ли цель? Действительно ли наступят мир и благоволение, если все будут напропалую "сексуально разряжаться" без удержу и тормозов, крест-накрест и как угодно? Возьмем, для примера, современную Америку, бурно сексуализировавшуюся, так сказать, сексуально освободившуюся Америку. Можно было бы подумать, что наразряжавшись вволю американцы впадут во всеобщую сопливую любовь и начнут танцевать кружком вокруг елки. Не тут-то было! Оказывается, пресытившись сексом (свободно разнообразным, заметьте), многие из них почему-то начинают тяготеть к более сильным эмоциям, связанным с насилием — как в сочетании с сексом, так и без него. За примерами, впрочем, можно вообще не выходить из дома. Посмотри налево, дорогой читатель, посмотри направо, и скажи мне, чего ты вертишься...

И почему это нет социологически-статистических исследований, устанавливающих корреляционную связь между ростом преступности и сексуализацией общества?! О, великая проститутка — общественные науки! Во вчерашней газете некий американский социолог вещает: "Половина мужей изменяет своим женам. 75% не видят в этом ничего плохого. Вывод: супружеские измены — вещь, полезная и здоровая для брака". Подобная, с позволения сказать, "социология" и прочие "научные" подпорки "новой ментальности" напоминают мне историю с "бегающей собачкой". Произошла она во времена моей инженерной практики на заводе детских игрушек и выглядела следующим образом.

"Бегающая собачка", или, точнее, "Собачка бегающая", как она именовалась в номенклатуре выпуска, была обыкновенной детской игрушкой, которая — после того, как ее заводили и отпускали, — ездил на колесиках минут пять, периодически переворачиваясь через спину. Точнее, **должна** была ездить минут пять по требованиям ГОСТа, утвержденного в... сами понимаете, где. В действительности же, к тому моменту, когда я, свежееиспечен-

ный инженер, выпускник киевского политеха, пришел на эту шарашку (вдвнее, был сослан туда по распределению, как пострадавший из-за "пятого пункта"), собачка эта не бегала вовсе. В лучшем случае она лишь слабо дергала лапками и скучно смотрела на замученный техперсонал своими мертвыми, но все же нахальными глазами. Позже я узнал ее историю. Оказывается, из-за нее слетели два директора. Один из них сгорел весьма экстравагантным для советской действительности образом. Он почему-то решил, что он не только руководящий технический деятель с дипломом инженера, но и действительно инженер, и заявил в горкоме, когда его назначили на место предыдущего, что он лично займется собачкой и, если через две недели она не побежит, просит снять его. Ну, и сняли родимого. Ко времени моего прихода был уже третий "собачий" директор, который подобных глупостей в горкоме не произносил и потому продолжал еще занимать свой пост, хотя собачка по-прежнему не бегала. Когда-то, когда ее только начали производить, она бегала все 5 минут. Замшелые любители старины утверждали, что иногда даже 6, но молодежь этому не верила. Потом она стала бегать 4, 3, 2 минуты. Упруго-эластичный советский ГОСТ все это выдерживал, но когда она совсем остановилась, посыпались рекламации, и к моменту моего прихода все 100% продукции возвращались на завод, а снять ее с производства или хотя бы снизить выпуск вышестоящие инстанции не разрешали. Летели рекламации, летели выговора, навстречу им улетали месячные и квартальные премии. Персонал сатанел.

Ничего этого мне не рассказали, а сам я, по своей розовой неопытности и академическому презрению к детским игрушкам, долго ни о чем не догадывался. Мне просто сказали: "Вот тебе изделие, которое ты должен вести. Есть неполадки. Разберись и устрани. В случае сопротивления цехового начальства и ОТК тебе гарантирована полная поддержка дирекции".

Поскольку я наяву спал и видел, как я сметаю с этого завода, и мне было глубоко наплевать на директорскую поддержку, я просто не обратил внимания на это несколько неожиданное для начинающего инженера обещание. Иначе уже по одному этому я мог бы догадаться о значимости предмета. Вместо этого, к счастью для завода, я принялся за дело. Я взял комплект чертежей собачки и проверил их. Чертежи были сделаны где-то на стороне и уже на заводе в них было внесено довольно много изменений. Выяс-

нилась любопытная вещь: исходные чертежи были абсолютно правильными, все же изменения — хаотичными и не увязанными с остальными размерами. Я сделал то, что и должен был сделать начинающий инженер — вымарал все исправления и велел все детали изготавливать по исходным чертежам, те же, что изготовлены по исправленным, — выбросить. Как и предвидела мудрая дирекция, в штамповочном цехе поднялся вой, потому что у них полетел план, да еще нужно было переделывать много штампов. Хромой Сеня Каликант — начальник цеха, — стуча костылем и брызгая на меня слюной, кричал: "Все равно твоя собачка не будет бегать!" Я не считал своей ни собачку, ни весь завод вместе с Сеней Каликантом. Это мое равнодушие плюс поддержка дирекции сломили сопротивление. Месячные запасы неправильных деталей были выброшены, штампы переделаны, а когда все было приведено в соответствие с исходными чертежами, свершилось чудо: собачка побежала — и сразу на все 5 минут.

Что же случилось с собачкой до этого? Почему были внесены в чертежи все эти нелепые изменения?

Оказывается, дело было вот как. Штампы изнашиваются, и размеры деталей с этих штампов отличаются от исходных. Когда появились эти измененные детали, собачка стала хандрить. Тогда собрались мудрецы и старейшины и стали судить и рядить. Обратиться к исходным чертежам и проверить соответствие деталей было ниже их достоинства. Кто-то заметил, что две шестеренки в одном из зацеплений механизма зажаты (это были как раз шестеренки с изношенных штампов), и если их освободить (а сделал он это, распилив посадочные отверстия для осей), то собачка снова побежит. Ну, не 5 минут, но 4 с половиной тоже ничего. Предложение приняли — увеличили расстояние между посадочными осями и внесли это изменение в чертежи. Через некоторое время поизносились другие штампы — опять в чертежах появились соответствующие изменения, и опять время бега собачки немного уменьшилось. Потом по плану наступило время ремонтировать некоторые из штампов и среди них те, по причине изношенности которых были сделаны изменения. С новых штампов пошли правильные детали, но теперь они уже не соответствовали изменениям, сделанным в других деталях. И что? Вернулись к исходным чертежам? Дудки, опять где-то перенесли отверстия, где-то подогнули щеки механизма — и так до тех пор, пока собачка не откинула ноги совсем.

Вернемся к "новой ментальности". Ее "философская" база, как уже было сказано, вульгаризованные фрейдизм и экзистенциализм и, в частности, соответственно понимаемое утверждение о непознаваемости мира и жизни. Но как там они ни "непознаваемы", а отказаться насовсем не только от "производства", то есть от самой жизни, но и от "чертежа", то есть "научно-обоснованных" представлений о том, что в этой жизни делать, чтобы она была поприятнее, чтобы собачка бегала, адепты этой "философии" все-таки не могут, да и не хотят. А посему они начинают вносить исправления в "чертеж" — по месту, по ситуации, там, где жмет сейчас. Ну, скажем, "статистически известно", что соблюдение супружеской верности скверно действует на нервную систему современных мужей. Вносим исправление в чертеж — объявляем, что мужья, соблюдающие верность, — идиоты. Освобождаем там, где жмет, и кому-то (допустим даже — большинству) сразу становится легче. То, что система подобных исправлений может привести только к полной остановке собачки, известно мне. А тебе, читатель?

Великий автор чертежа — Моисей. И жалкие производственники — творцы "новой ментальности".

Фрейд — Юнг — Барзель. Профессор Барзель говорит, что то ли "по Юнгу", то ли "по Фрейду" историю надлежит разделять на две эпохи: культурную и мифологическую. Создание Танаха относится-де к последней. В культурную эпоху стало "неприлично" говорить о всяких там "темных сторонах жизни" и соответствующих страстях, поэтому писать об этом стали завуалированно. Скажем, Шекспир вуалирует истинные побуждения Гамлета, представляя дело так, будто тот хочет убить дядю за убийство отца, то есть из благородных побуждений. В действительности же Гамлет хочет его убить за то, что дядя спит с его матерью — в то время, как Гамлет сам хочет с ней спать. А вот в блаженную мифологическую эпоху люди обо всех этих своих и чужих побуждениях писали откровенно — ну, там, "Эдип", "Электра". И в Танахе не помню уж кто имел свою маму прямо на крыше дома на глазах у изумленной публики. В итоге получается, что Гамлет — вместе с Шекспиром — закомплексованные маньяки, скрывающие под маской благородства свои кровосмесительные наклонности, в то время, как "новая ментальность" всех нас раскрепостила и теперь мы можем эти свои извращения не скрывать, потому что "все люди такие".

Что касается Танаха, то он был дан дикому еврейскому племени, жившему среди других народов во времена, когда Содом и Гоморра были нормой. Мужественная книга рисует эти времена вполне откровенно, но задача ее — вовсе не в том, чтобы “раскрепостить” скотское в человеке, а в том, чтобы указать ему путь в сторону облагораживания своей природы (что и осуществилось, хотя далеко не полностью, в культурную эпоху благодаря прежде всего тому же Танаху, но также и христианству, и Возрождению, и всей доновоментальной европейской культуре). А новоменталисты сегодня стараются повернуть нас от этой культуры не к Танаху, а к дотанаховской дикости, и не в соответствии с духом и целью Танаха, а против них.

“Гомосексуализм как двигатель внутренней торговли”. Не только обойти — просто деться некуда в нашей действительности от этой темы. Она является постоянным предметом обсуждения в печати и затмевается разве что такими событиями, как выборы, бомбежка иракского реактора или победа “Маккаби” на европейском баскетбольном чемпионате. Куда ни пойдешь: в театр ли, в кино — непременно нарвешься на что-нибудь, связанное с гомосексуалами. Да что там — самый первый спектакль, который я видел в Израиле — по Гоголю! — был обработан с введением в него гомосексуального элемента. “А иначе, — объяснила мне одна из актрис, — публика не воспримет...”

Вот и на прошлой неделе, не успел я переварить сообщение о книге Шохамы, в которой он защищает “гомосексов” с позиций “высокой научности”, как по телевизору сообщили, что вечером будет передача, посвященная гомосексуализму. Ну, не стал смотреть. Не один же гомосексуализм есть в мире. Но прихожу на следующий день в свой вычислительный центр, и одна из сотрудниц спрашивает: “Смотрели вчера передачу? Жутко интересно!” — “И что, — спрашиваю, — защищали?” — “Ну, конечно!” — говорит, даже с удивлением: как я мог усомниться...

Ладно. Прихожу домой, включаю радио — опять о “гомиках”. На сей раз под видом передачи о животных. “О жизни кроликов в Австралии”. Оказывается, если кроликов поместить в суровые условия — ну, скажем, в тесные клетки — то они не чувствуют себя там так же хорошо, как на свободе, и у них развиваются всякие явления вроде нервозности, агрессивности и гомосексуализма. Ладно, факт есть факт, но ведь из факта делаются выводы. Какие же? А такие, что животные в соответствующих обстоятельствах

вах ведут себя, как человек, и даже не животные ведут себя, как человек, а человек ведет себя в соответствующих обстоятельствах, как животные. Ну, если понимать эту фразу в переносном смысле, то прямо-таки хорошо сказано. Действительно, человек ведет себя зачастую не только в соответствующих, но и в произвольных обстоятельствах, как животные, еще точнее — как свинья. Но даже в переносном смысле это не совсем точно и является оскорблением для животных. Тем более, что в передаче сказано в прямом и к тому же пояснено. А именно: гомосексуализм, мол, является порождением определенных обстоятельств и природы человека, общей с природой животных, а потому всякие морали тут ни к чему.

То обстоятельство, что природа человека содержит в себе природу животного только как составную часть, не сводима к ней, поскольку у человека есть высокоразвитые сознание и душа, определяющие не в меньшей, а даже в большей мере его поведение, чем его животная основа, — это "почему-то" забывается. А ведь это подтверждается и поведением человека в условиях, подобных клетке, то есть в лагере и в тюрьме. Я не могу провести статистического анализа, но знаю, что гомосексуализм (и прочие явления, противные человеческому духу, так что не об одном гомосексуализме тут надо говорить) существовал в лагерях и тюрьмах всегда. Однако есть сильные основания полагать, что с распространением "новой ментальности" это в процентном отношении сильно возросло. Подтверждение этому я встретил в книге одного из "сидельцев" — кажется, Марголина. Он пишет, что в былые времена, если бежали две группы: одна из мужского, другая из женского лагеря — и встречались в тайге, то существовала традиция: мужчины заботились о женщинах, оставляя им на стоянках пищу и дрова. А теперь, говорит, не то: если бежавшие мужчины обнаружат женскую группу, то поймают, сначала изнасилуют, а потом убьют и съедят. Это уже, говорит, не люди, а крысы.

Другое подтверждение — тот труднооспариваемый факт, что люди с духом и душой в любых условиях не теряли человеческого облика, а теряли его те, у кого душа и до того была грязная или мелкая.

Так что нельзя видеть в гомосексуализме и его распространении сегодня результат только изменившихся внешних условий и животной природы человека. Это прежде всего — результат изменившейся ментальности общества.

Наука на службе "новой ментальности". Маленькая заметка в сегодняшней газете. В Америке какая-то группа медиков "научно доказала", что все гомосексуалисты — врожденные. Тут же упоминается, что другая группа незадолго до этого доказала (и опять "научно", конечно) — что "от условий". Как видим, научные доказательства могут сколько угодно противоречить друг другу. Главное, чему они не должны противоречить, — это господствующей в обществе ментальности. Именно поэтому каждая группа громче другой норовит крикнуть, что гомосексуалисты не виноваты. Причем, последняя перещеголяла первую, потому что не только "не виноваты", но и поделаться ничем нельзя — "врожденное". (Если верить первой группе, то ведь с обстоятельствами хотя бы можно бороться). Кстати, в основу доказательства у наших "ученых" легли результаты опроса самих гомосексуалистов. Ну, какой же гомосекс станет с пеной у рта доказывать, что он — просто свинья, когда ему дается возможность сказать, что он жертва обстоятельств, а еще лучше — "врожденный"?! Вот вам и путь к легитимации, которой одинаково жаждут и гомосексуалист, и ученый, его "изучающий", каждый по своей причине (но, может, и по общей). Да, идет наступление "новой ментальности" на людей, и пользуется она при этом всеми средствами купленных и растленных печати, искусства, науки. Куда там фантазиям Хаксли в его "Новом бравом мире"!.. С легкой руки всех этих "ученых" бисексуальность человеческой природы стала уже чем-то вроде и не требующим доказательства, а выступающие против — консерваторами и ретроградами, пытающимися загнать "нормальную" природу человека в "узкие рамки ханжеской морали".

Я не врач, не дипломированный психолог, поэтому я доверяю своему здравому смыслу.

Возьмем наиболее распространенный в Союзе тип гомосексуалиста. Он стал таким в лагере, просто из-за отсутствия женщин, и выйдя на волю, возвращается к нормальной половой жизни. У него что: бисексуальность? природная склонность?

Или вот — самый распространенный западный тип, вроде Роя Стюарта, Элтона Джонса и прочих. Это человек, которому все равно, с кем и как, лишь бы как-то развлечься. А развлечь ему себя от пустоты душевной все трудней. Вот он и согласен на все. Разве это бисексуальность? Нет, обычная душевная пустота, и отсутствие всяких чувств, и признание лишь ощущений, и отри-

цание моральных ограничений, то есть вседозволенность. И мода. И "новая ментальность".

Если вычесть эти группы, то останется небольшое число таких, которые "в принципе" отказываются от отношений с женщинами. Я уверен, что и эта группа поступает так не из-за "бисексуальности", а под влиянием господствующей в обществе ментальности. Одни, кем-то совращенные и запуганные, под ее давлением просто ломаются, становясь "стопроцентными гомосексуалистами", а другие, в стремлении прослыть оригинальными, послушно следуют за общественной "модой". Одного, я уверен, не существует — той "неизбежности", которой наши "ученые" все это оправдывают.

Все течет, все меняется... Прочел статейку о вреде цензуры. Основная мысль: зачем цензура, если в наш век все быстро меняется, включая каноны морали.

Все действительно чертовски быстро меняется, только вот куда? Автор статьи не задается вопросом: хорош ли, плох ли этот процесс для общества и человечества — плыви, Вася, по течению. О том, что, плывя по течению, он усиливает само течение, автор тоже как-то не думает.

Его логика примерно такова. Идет некий процесс, в котором мы вроде бы никак не участвуем, максимум — можем только приспособливаться. Идет он единственно возможным образом в единственной возможную сторону, и все тут. Да так ли, паря?! Ведь если ссылаться на историю, то почему только на последние сто лет? Вот ведь были и Рим эпохи упадка, и Содом и Гоморра, то есть не лучше, чем сейчас, а потом мораль все же устрожилась. Значит, процесс не всегда шел в одну сторону. Значит, он может идти и в противоположную. Да и в наши дни он не так уж однозначно идет только туда, куда тебе кажется. Есть, например, и встречное изменение морали в Америке, которой надоели секс и насилие.

Нет, не получится у тебя опираться на историю. И процесс, хоть и имеет великую инерцию, не все же по одной по ней идет. Вот ты, например, своей статьей этому процессу способствуешь, а я, даст Бог, поспособствую противоположному процессу.

Эсходус 1988 года

В городе, откуда я приехал, уже много месяцев идет забастовка. Мостовые в очередной раз размостили, только теперь построили не монументы, а баррикады. Верховный Совет заболел коллективной манией величий и принимает себя за буржуазный парламент. Для описания новой реальности приходится пользоваться словами, которые раньше употребляли только журналисты — международники...

Зато у нас на Ближнем Востоке — тишь да благодать. Происшествия и скандалы существуют только в газетах и на радио, а так все в порядке: по улицам ходят туда-сюда евреи в надежде раздобыть побольше шекелей — чудесных серебристых монеток, которые так приятно держать на ладони.

Правда, врачи бастуют еще со времен Второго Храма. Тем не менее, какая-то часть больных выздоравливает. У нас забастовка, но вы не беспокойтесь — мы вас обследуем. У нас забастовка, но вы не беспокойтесь — вот вам рецепт. Обливайтесь холодной водой и уж будьте нам здоровы!

А в Доме Бродецкого и других лагерях беженцев живут люди, которым нечего терять и которые готовы по первому кличу разнести в щепки Сохнут и всякий прочий "савланут". Правда, баррикады не предвидятся: булыжники давно растащены арабами, а жестянки из-под кока-колы — слишком ненадежный материал.

...Воспоминания о любимом городе омрачает фигура начальника жэка. Об этой стороне борьбы за выезд никто не говорит, это неизвестная война, бой после победы. Ведь если ОВИР вас отпустил, ниоткуда не следует, что вас отпускает ЖЭК. Запросто могут потребовать очистить помещение, а потом, через месяц, может быть... Об этом не знает ни американский президент, ни любящие нас еврейские организации. Поэтому остается только кричать на месте как можно громче. Правда, вместо Израиля вы рискуете попасть в психушку, однако — забастовки, забастовки...

Израиль — страна своя. Израиль — страна экзотическая. Экзотическая в основном тем, что своя — другой такой нет. В июльскую жару своя рубашка липнет к телу, и вокруг висят белые здания, построенные арабами с территорий на американские деньги. Не беспокойтесь — вы у себя дома.

Русские еженедельники бомбардируют читателей статьями, где доказывается, что отдавать арабов вместе с землей, как того хотят левые, — чистое безумие, а нужно отдавать их без земли, то есть на вывод, как предлагал неустрашимый бруклинский раввин. Вопрос губернских дам к Чичикову превращается в одну из ключевых проблем израильской жизни. Кроме того, имеется определенный истерически-обличительный тон, когда слезный вопль прямо по Жванецкому "Зачем убил кассира?" без нажима перерастает в "Кахана к власти"... А еще неведомый переводчик мемуаров Виктора

Суворова ("Круг", № 579), похоже, в багаже привез родной ОВИР и в комментарии к переводу задает риторические вопросы: "Сколько граждан Израйля ездят в СССР (и другие страны, относящиеся к Израйлю с неприкрытой враждебностью) БЕЗ ДОСТАТОЧНЫХ ОСНОВАНИЙ? Что делают у нас многочисленные гости и посетители из СССР и их сателлитов?" Ответаем: так называемые родственники из СССР суть ни что иное, как агенты врага, прибывшие с тайным заданием пустить нас по миру... В том же номере, в статье "Фома верующий", находим следующее кредо: "Я верю, что арабы хотят уничтожить Израиль и меня лично, верю, что их ненависть к нам горит, как атомное пламя, что все увертки ООП и заверения Египта — ложь и маскировка.

Верю, что план у арабов такой: сперва вернуть Израиль в границы "до Шестидневной войны", а потом прикончить".

Это называется — вера в человечество...

...Странное дело: Израиль — страшилище по Цезарю Солодарю — обнаруживает много общих черт с Израилем — утопией по Меиру Кахане: религиозная диктатура, ненависть и насилие по отношению к арабам, милитаризм... Мне не дает покоя жуткая догадка, что и наша массовая алия, и массовая нешира — плод недоразумения. В начале семидесятых годов советские евреи устремились в страну суперменов — победителей, край идеалов, идеологии и дисциплины, а к концу десятилетия шарахнулись от этого образа. Реальный Израиль здесь ни-при чем... Незадолго до отъезда я посетил в Москве одну еврейскую молодую чету и сказал, куда еду. Реакция, на мой взгляд, была достаточно характерной: муж протянул; "Уж такое-о не-симпатичное место...", а жена принялась рассказывать о своем приятеле, недавно уехавшем религиозном еврее, который давал ей читать какое-то произведение про Израиль, но оно произвело на нее жуткое советское впечатление.

Уж не "Экзодус" ли давали читать моей московской знакомой, гениальный роман еврейского Майн Рида и безотказное средство для обращения советских граждан в сионизм? Точно так же, говорят, "Я верю" Шнайдера и Розенштейна неплохо обращает в иудаизм. Странная публика русские евреи...

То ли дело мы — подкованные, хотя и малочисленные репатрианты конца восьмидесятых годов! Уж мы и "Маарив" читали (не молитву, газету), и "решет-бет" слушали... В результате мы представляли себе Израиль даже несколько хуже, чем он есть. Ехали сюда в основном за чувством сопричастности. И действительно, если там мы просто возмущались безобразиями, то здесь к возмущению примешивается приятный эмоциональный компонент — это "наши" безобразия, и гневаемся мы, как Полноправные Граждане.

Чувство родного бардака на фоне супермаркетов и Средиземного моря — разве этого недостаточно для переезда?

...Подумать только — всего год назад сидел я на религиозной даче в большом причерноморском городе. Обитатели ее до Девятого ава не купались в море из-за траура, после Девятого ава — из соображений скромности. На субботнюю трапезу там приглашали начальника ЖЭКа, так как он был еще и евреем. На этой даче я познакомился с человеком из провинции, который говорил, что любит такие книжки, как ЭСХОДУС, как ЭНТЕББЕ... Простые книжки.

Сейчас мы все — и я, и он, и хозяин дачи — топчем эту многострадальную землю.

...Липкая средиземноморская жара. Три с половиной миллиона евреев безуспешно борются с огромными тараканами, созданными фантазией Корнея Чуковского. На центральной автостанции в Тель-Авиве араб со щеточкой пытается объять необъятное и собрать с тротуара мусор. Миф о Сизифе в израильском исполнении. Среди пустынных и безлюдных холмов бродит призрак, забрасывает камнями автобусы и скрывается из виду. Для священной травли этого призрака используются магические процедуры — от территориальных жертвоприношений до изгнания бесов, именуемого благозвучным французским словом. Политики здешние подобны шаманам — лицом к изумленной толпе они заклинают потусторонний арабский мир. Однако, диалог с духами получается плохо, и божества отвергают жертву. Во всем мире партии, борющиеся за власть, предлагают что-то своему народу. Только у нас — чужому.

В жертвы колдовства намечены не только арабы, но и евреи. Те, что не приехали и, видно, уже не придут. Предполагается перехватывать их, белых, в чистом поле, вязать и привозить сюда. Увидят аэропорт, увидят пальмы — и раскроются их глаза, и возлюбят эту страну. Это один из редчайших случаев, когда в израильском обществе существует какое-то согласие...

Говорят, что насилия в таком решении нет. Не сами ли они рвались к тель-авивской тете? Вся беда, однако, в том, что на советском языке "уехать в Израиль" — фразеологизм, наподобие русского "собаку съел" или английского hotdog, обозначающего сосиску. В Советском Союзе даже пятидесятники "уезжают в Израиль". И я понимаю возмущение людей, когда вместо заказанного блюда им приносят нечто иное...

Что же касается сумасшедших, воспринимающих все буквально и готовых проглотить живую горячую собаку, то им как раз и место в этом бедламe!

Прежде, чем закончить, хочу поделиться одним наблюдением. По названию страны обычно можно определить, чего именно ей не хватает. Например, если рядом со словом "республика" стоит эпитет "народная", ясно, "демократическая" — с демократией, видимо, не все в порядке. Например, Демократическая Кампучия. Израиль, кажется, единственная в мире страна, пишущая на своей вывеске — "государство"...

Тексты в известном роде

Про Цукермана

Моисей-Лейб родился в 1789 году в местечке Нижний Вижиц. В возрасте пятнадцати лет привезен в Петербург учиться естественным наукам. Быстро увлекся вольномыслием и отошел от веры отцов. Как-то в горячем споре на вопрос "Зачем нужна сия формула?" отвечал: "Для производства сахара". На следующее утро обнаружил, что все тело его обсыпано белым порошком

отменного сладкого вкуса. Так происходило отныне каждое утро, почему и была ему присвоена фамилия Цукерман. После того, как покаялся, явление прошло. Впоследствии покрылся перьями, что, однако, прощалось ему за превосходный французский.

Цукерман отплыл в Антарктиду вместе с Крузенштерном и Лисянским, где положил начало антарктическим евреям, считающим себя пингвинами.

Перестройка

Город Таллин полагать Тель-Авивом как созвучный и лежащий на берегу моря.

Тарту считать Иерусалимом, а тамошний университет — Еврейским университетом в Иерусалиме. Национальным государством эстонцев признать Финляндию.

Суд

Дело Фей Аглаи Константиновны, обвиняемой в том, что на пляже "Аркадия" публично нарушила заповедь "почитай отца своего и мать свою".

Установлено, что Фей Аглая Константиновна, в нетрезвом виде выступая на пляже "Аркадия" перед грузчиками города Одессы, на минуту забыла Творца и Вседержителя Нашего и позволила себе нелестно отозваться о деятельности отца на посту главного архитектора города.

Присяжные оправдали ее.

Этой ночью

Этой ночью я спал, но душа моя летала над Святым городом.

Помолилась у Стены, погуляла на Храмовой горе, побывала в монастыре Креста, где беседовала с Руставели о первоначальном тексте его поэмы. Потом залетела к Марку Драчинскому и взяла почитать последний номер "22".

Марик, ты ничего не заметил?

Позднее пробуждение

1

Дуб — дерево. Цветок — растение. Евреи — не нация. Наша культура — русская. Национализм — плох. Россия — наше отечество. Ассимиляция — неизбежна.

Ни одного глагола. Статика. Спячка.

Как вырваться из этого?

Кто о чем, я — о себе.

Пяти лет плакал, узнав, что существует еврейский язык, а я его не понимаю. Родители утешали, говоря, что это нужно только в стране под названием Еврейя, а нам без надобности.

Десяти лет входил в Иерусалим во главе арабских армий.

В пятнадцать раздобыл старую карту Берлина и выучил еврейские буквы по рекламе кошерных ресторанов. Читал то, что выходило на идиш — пробирался наощупь, зная немецкий. Ходил заниматься к старику по прозвищу Еврей Маркович, который меня хвалил: "На такого мальчика никаких денег не жалко!"

По-прежнему считал, что евреи — не нация, а сионизм — очень плохо. Так писали в "Советиш геймланд".

Вокруг уезжали в Израиль — сперва какие-то неизвестные чудаки, потом друзья друзей, просто друзья... У отца была секретность, и он считал, что в каждом городе нужны старожилы.

Однако уехали даже мы — в Армению, чудный край, где евреев берут в аспирантуру и улыбаются, услышав это слово.

Оказалось, на свете имеется два народа, гениальных и несчастных, рассеянных по миру и создавших человеческую культуру. А вы помните, — спрашивали меня — как ваша армия во главе с Моше Даяном вошла в Иерусалим? А вы можете сделать доклад о вашей национальной поэзии? А вы знаете, как это сказать на иврите?

Не можете. Не знаете. Странно...

И правда — странно.

...В 1976 году ко мне попала фотокопия учебника иврита. Учил, готовясь к экзамену по политэкономии. Так запивают горькое лекарство. Когда закончил, отец отобрал листочки и сжег в подвале.

...Долго блуждал я в одиночестве по синагогам, библиотекам и ивритским спряжениям, пока в конце 1983 года не разыскали меня ереванские сионисты. Пошла новая жизнь — кассеты, пурим-шпили, пластинки и головная боль от размышлений над книгами. Когда созрел для отказа, начали выпускать.

...18 января 1988 года наш самолет приземлился в аэропорту имени Бен-Гуриона. Пригревало зимнее солнце, и мир был окрашен в цвета сионистской невинности — голубой и белый.

С добрым утром!

2

Легко писать о человеке, которого неплохо знаешь. Труднее подниматься до обобщений. Тем более, что был я на отшибе и о потоке судил по брызгам.

И все-таки осмелюсь. Сравнение же позаимствую из области и вовсе для меня темной.

...Представляется, что все началось с Первичного Взрыва, в котором нерасчленимы были стремление вырваться и желание почувствовать себя гордым евреем. Шестиконечные звезды и ханукальные свечи, плантации и пустыня, амазонки и чудо-богатыри — Страна Героев звала к себе голосом крови. Вся дальнейшая история еврейского движения — история распада

первобытной этой слитности, когда "отъезд" и "самосознание" разлетались по углам расширяющейся Вселенной.

Скоро, очень скоро дала течь любовная лодка на рифах абсорбции. Выращивание "уехать в Израиль" как-то незаметно лишилось обстоятельства — начали говорить просто "уехать". Новая еврейская мечта — лимузины на фоне особняка — оказалась куда лучше защищена, как бы покрыта броней, которую не в силах пробить даже пули нью-йоркских гангстеров.

А одновременно у отъезжающих евреев (особенно у задержавшихся) возникло желание посмотреть вглубь, разобраться в себе. Сперва довольствовались русским переводом Библии, но потом начали проникать и за решетку квадратных букв. Появились учителя иврита, учителя Торы... А затем все едущие вдруг оказались в положении рассеянного с улицы Бассейной, и прохожие подходили к открытым окнам и спрашивали: "А что за остановка сейчас на вашем духовном пути?"

...Очередная перемена декораций. Оттепель, текуч ручьи. Когда схлынула волна выезжающих отказников, видна стала картина несколько ясная, настолько и грустная. Евреи едут в Америку, а другие евреи ходят в кружки, клубы, на семинары. Отъезд — сам по себе, еврейская жизнь — сама по себе. Почти как на Западе — развитая общинная жизнь и каплющая алия. Только без западной экономики и западных гарантий свободы...

3

Есть какое-то знание, которым обладаем мы здесь и обладали даже там (иначе не сдвинулись бы с места), но которого лишены едущие в Америку и участвующие в перестройке.

Когда пытаюсь я выразить словами это особое Еврейское Знание, получается нечто жалкое:

Эйлат — израильский порт на Красном море...

Сефардские общины жили на Балканах...

На пасху едят мацу и горькую зелень...

Раши был средневековый комментатор...

Вспоминается моя харьковская знакомая, что приехала сюда на два месяца и жаловалась перед возвращением в холодный и голодный город: "Ну что я им расскажу? Что в Израиле много сортов колбасы?"

Что мы можем сказать советским евреям?

Бегите, а то вас перережут? — В Израиле тоже не очень безопасно... Ассимилируетесь, потеряете себя? — А мы только этого и хотим... Все-таки все мы евреи, черт возьми? — Евреи не нация...

В годы тяжелые и напряженные дремали мы на белом камне, а теперь, поздно проснувшись, в спешке и страхе пытаемся разбудить тех, кто еще спит.

Только слаб наш голос и с трудом доносится.

Мы на одном берегу, они — на другом...

Недействительные стихи

1

Молодой человек у Яффских ворот
мыслит себе эту страну без евреев
мой вид не укладывается в его модель действительности
но ложится вверх ногами на сетчатку горящего глаза

2

По решению организации объединенных наций
объявляются недействительными попытки Израиля
изменить демографический состав Иерусалима
если вам дорога реальность
не покупайте квартиру в Иерусалиме
рискуете оказаться недействительным

3

Одни пашут землю
другие доказывают теоремы
третьи получают отказы
я не умею пахать землю
не знаю теорем достойных доказательства
и сразу получил разрешение

4

Предполагаемое место жительства за границей
(из анкеты на получение гостевой визы)
предполагаемые предки современных евреев
(из газеты "Комсомольская правда")
человек предполагает

5

В новых районах Иерусалима
дома водят хоровод вокруг холмов
как евреи в московской квартире или синагоге
сидят за стеной
милиция на углу
сто миллионов арабов на свете
ай-яй-яй ам Исразль хай
ай-яй-яй хава нагила

6

А в какой-то момент я заметил
что могу сказать о себе только
чем не являюсь
Я снял с полки энциклопедию
перечел статью о еврейской теологии,
Боже мой Боже мой

7

Души наши
незаконно оккупировали тела
что причиняет страдания и тем и другим
но тела знают
что в один прекрасный день души покинут их
и наступит мир.

8

Фиктивная девушка
вступила в фиктивный брак с фиктивным евреем
и уехала к фиктивным родственникам на фиктивную родину
настоящим московским друзьям
она пишет письма в настоящем времени
о настоящем рае штате Калифорния

9

А все-таки мы упрямая вещь

Требуются инженеры с широким конструкторско-техническим опытом в области советских транспортных систем связи (в том числе железнодорожных, автострадных, речных), для подготовки научных обзоров развития данных систем в СССР. Гонорары. Квалифицированным лицам направлять резюме по адресу:

Delphic Associates, Inc.
7700 Leesburg Pike, 250
Falls Church, VA 22043

ЕВРЕИ В СССР

Сергей Лезов,
Сергей Тищенко

МОСКОВСКАЯ ДИСКУССИЯ

От редакции: В марте 1988 г. в московском Доме ученых состоялась первая в СССР официальная дискуссия по проблемам антисюионизма и антисемитизма. Дискуссия явилась следствием открытого письма, направленного в ЦК и ряд газет группой русских интеллигентов во главе с С. Лезовым и С. Тищенко еще в октябре 1987 г.: идея проведения встречи авторов письма со "специалистами по антисемитизму" была предложена инструктором отдела пропаганды ЦК В. Тумаркиным во время беседы с Лезовым и Тищенко в ЦК. На встрече в Доме ученых присутствовали шесть из девяти авторов "Письма", а также некоторые их друзья и друзья друзей; в качестве "специалистов" выступали заведующий лабораторией по изучению Израиля в Институте востоковедения АН СССР В. Носенко и некоторые его сотрудники; проф. Л. Дадияни — сотрудник института Социологических исследований и автор ряда антисюионистских публикаций; А. Шумихин — сотрудник Института США и Канады; В. Магидсон из советского Антисюионистского комитета и некоторые другие лица — в общей сложности около сорока человек. Дискуссия продолжалась почти шесть часов, и ее материалы поступили в Израиль через "каналы Самиздата". Они были опубликованы (по-английски) в "Бюллетене центра исследований восточно-европейского еврейства" при Иерусалимском университете (руков. — проф. Альтшуллер) под редакцией М. Цигельман-Дымерской, которая любезно предоставила их нашему журналу для публикации на русском языке.. Ниже мы предлагаем сокращенное изложение дискуссии и некоторые наиболее примечательные выступления ее участников.

Первым взял слово Носенко, который заявил, что разделяет пафос "Письма": его авторы "правильно ставят вопрос об антисемитизме, который поднимает голову". Мы не можем, однако, согласиться, -- продолжал он, — с приведенным в "Письме" определением сионизма и с тем, что борьба с ним тоже есть антисемитизм. Неприемлемо и выражение "официальный антисемитизм". По Носенко, имеет место "масса ненаучных работ (по антисюиониз-

му), выходявших с конца 60-х гг.; они, конечно, способствуют разжиганию антисемитизма; в частности, Евсеев неправильно определяет сионизм как разновидность фашизма"; но этим работам противостоит "научная критика сионизма".

Лезов, зачитавший текст "Письма", предложил ограничиться обсуждением двух основных тем: соотношение между официальным и общественным антисемитизмом и антисиионизм как новейшая форма антисемитизма (иными словами — образ сионизма в советской литературе и средствах массовой информации).

Дадиани заявил, что "Лезов объективно помогает антисемитам, когда валит в одну кучу нас (т. е. "научных критиков сионизма") и "Память" с Евсеевым"; по Дадиани, сионизм есть реакционная идеология еврейской буржуазии и потому его научная критика не есть антисемитизм.

Сотрудница лаборатории Носенко Т. Карасова сказала, что задача лаборатории "бороться и против сионизма, и против антисемитизма".

Магидсон выразил раздражение и недовольство "Письмом". По его мнению, общество "Память" опасно не столько своим экстремизмом, сколько самим фактом объединения на национальной почве: во всяком таком объединении есть опасность национализма. Поэтому, несмотря на существование в обществе антисемитизма, "когда мы говорим о "еврейском вопросе", мы делаем то же, что делает "Память", что делали нацисты, выделяя какую-то категорию людей по национальному признаку". В действительности имеют место "искажения ленинской национальной политики", поэтому "говорить сейчас о борьбе с антисемитизмом — непродуктивно", идея митинга протеста против него — вредна.

Сотрудник института этнографии АН СССР Руденский возразил Магидсону: если еврейский вопрос нельзя обсуждать отдельно, потому что он — часть общего национального вопроса, то и национальный вопрос обсуждать нельзя, потому что он — часть общего социального вопроса; что же тогда "можно" обсуждать?

А. Шумихин: Нас пригласили сюда в качестве экспертов, чтобы мы дали научную, методологическую оценку определенных точек зрения, выраженных в "Письме". Тогда мы должны вести научную дискуссию. Но вот слова "Письма" — о "жалком и страшном положении евреев в Советском Союзе". Ведь это откровенная ставка на эмоции, на сантименты и даже на то, что кто-то где-то подхватит и скажет: вот она, какая ужасная реальность... Если спросить представителей еврейского национального сознания в нашей стране, то девяносто процентов никогда не согласится с такой оценкой... Давайте заниматься этими вещами серьезно и разбираться в понятиях. (Вот хотя бы) относительно антисемитизма и сионизма. Очень многие, в том числе отцы-основатели сионизма, говорили, что еврей существует только благодаря антисемитизму, что именно антисемитизм делает еврея евреем. (Не случайно) работы Бегуна или Евсеева на-ура воспринимают люди, предрасположенные к антисемитизму, и одновременно — сионисты... В нашем

лице вы могли бы найти людей, которые могут помочь вам разобраться в (этих) вопросах.

Носенко: Действительно, давайте подумаем, что каждый может сделать на своём месте — не абстрактные предложения, не письма в ЦК, а каждый на своём месте — для решения поставленных здесь вопросов.

Сотрудник Института этнографии **М. Членов:** Сотрудники ЦК предложили авторам "Письма" провести дискуссию со специалистами. Выяснилось, что специалистов (по антисемитизму) у нас нет. (С другой стороны), большинство из присутствующих не являются и специалистами в области антисиионизма. Но есть, как мне кажется, один вопрос, который целесообразно обсуждать здесь и сейчас — это проблема антисиионистской пропаганды в Советском Союзе. В условиях гласности для этого вопроса, к сожалению, до сих пор никакой гласности нет. (А ведь) антисиионистская пропаганда — явление не только научное, но и общественное.

Прежде всего, надо обратить внимание на массовость антисиионистской пропаганды. Один из моих знакомых сделал подсчет материалов, посвященных евреям и Израилю, включая сюда и иудаизм, с 1981 по 1986 годы. Он насчитал 48447 названий, что дает нам примерно 23 сообщения в сутки или, примерно, одно сообщение каждый час. Количество этой информации, на мой взгляд, не соответствует той роли, которую ближневосточный кризис играет в жизни советского государства. Тот же мой знакомый попытался одновременно дать такую же подборку по событиям в Южной Африке, по ирано-иракскому конфликту, в Афганистане. Цифры здесь получились неизмеримо скромнее. Таким образом, причину этого изобилия информации по данной теме следует искать не в сущности сиионизма или его характере, а в некоторых внутренних проблемах нашей собственной страны. Далее — каждый автор, пишущий о сиионизме, считает необходимым оговориться, что он пишет именно о сиионизме, а не о евреях. Но при этом все эти работы отмечены недоброжелательным отношением к своему объекту. И это тревожное явление. Ученый не должен подходить с предубеждением к объекту изучения. Плохо, когда он хочет только бороться и критиковать там, где ему нужно изучать и исследовать.

В целом, в течение нескольких десятилетий антисиионистская пропаганда формировала массовое сознание. И тон в ней задавали вещи экстремистские, явно антисемитские. Они же получали и наибольшие тиражи. Книжечка Корнеева была издана в библиотеке "Огонька". Я находил ее в самых разных местах — от Чукотки и

Алтая до Средней Азии и Кавказа. Книга Романенко была издана 50-тысячным тиражом и разошлась весьма быстро. Но я нигде в тех местах не находил работ уважаемого Л. Дадияни или его коллег.

Вторая вещь, на которую я хотел бы обратить внимание, — это отсутствие всякой другой информации. Действительно, нельзя заставить полюбить сионизм, полюбить евреев. Но если бы было хоть что-либо кроме антисиионистской пропаганды! Кое-как существует гебраистика, наука о еврейских древностях, представленная недавно умершим Амусиным и еще двумя-тремя людьми; но нет иудаики, нет науки о евреях, еврейское наследие попросту замалчивается, перед еврейской тематикой — глухая стена, и единственным источником знаний обо всем еврейском остается антисиионистская литература. В таких условиях ее влияние становится вдвое, вдесятеро сильнее. И поскольку ей ничего не противостоит, она продолжает питать антисемитские настроения. Более того — я полагаю, что она сыграла не последнюю роль и в еврейской эмиграции, поскольку способствовала подрыву доверия к советской внешней и внутренней политике. А для самих советских евреев такое колоссально преувеличенное внимание к антисиионизму — при полном отсутствии чего-либо противоположного — является попросту оскорбительным. Поэтому мне думается, что основная проблема здесь — это исправление чудовищного дисбаланса в данном вопросе. Необходимо принять все меры, чтобы поток антисиионистской литературы перестал быть почвой, на которой сейчас бурно растет антисемитизм.

Шумихин: Исчезнет ли антисемитизм, если этот поток прекратится?

Членов: Конечно, нет. За тридцать с лишним лет одна только антисиионистская пропаганда что сделала! А ведь было и многое другое, что возвращало это зло. Но я не призываю к прекращению критики сионизма вообще, к прекращению исследований этого явления, а только лишь к прекращению дисбаланса между огромным потоком антисиионистской литературы и нулем...

Голос из зала: ...сиионистской.

Членов: Да, в том числе. Почему же не издавать и просиионистские статьи? Ведь есть немало людей, которые симпатизируют сионизму. Но в данном случае я имел в виду нуль работ по иудаике, нуль работ, которые были бы объективны по отношению к евреям и их наследию, жизни и культуре, их проблемам. И по антисемитизму. Последняя работа по антисемитизму — это, по-моему, Лурье, 1929 года.

Голос из зала: Нужны работы и против антисемитизма, и против сионизма, — но вам это почему-то не нравится...

Членов: Почему бы, в таком случае, не бороться против гриппа и рок-н-

ролла? Это разные явления. Такая постановка вопроса напоминает критику "Памяти". До недавнего времени нельзя было писать о "Памяти", не лягнув одновременно мифических "сионистов". Нет, что нам нужно, на мой взгляд, — это попросту создать возможность широко и гласно высказывать разные взгляды. А что получается на практике? Газета "Московский комсомолец" пошла на необычный по смелости шаг, поймав на улице еврейскую девочку и спросив у нее: "А что ты, дорогая Голда, думаешь по этому поводу?" Так вот, сидящий рядом со мной Виктор Моисеевич Магидсон немедленно, уже в следующем номере, дал ответ и этой девочке, и заодно — газете и всем, кому вздумается такие вещи делать, чтобы им было неповадно.

Шумихин: Как вы тогда отнесетесь к публикации письма, скажем, татарского мальчика, который не попал в институт и предлагает ввести квоту на прием евреев, исходя из их реальной доли в населении? И не откроет ли это ящик Пандоры? Тогда мы должны открывать и другие двери...

Членов: Хочу в этой связи сослаться на дискуссию, которая была в нашем институте этнографии осенью прошлого года. Директор высказал тогда такую мысль: проблема национальных отношений настолько деликатна, что обсуждать ее открыто — нецелесообразно. Это та самая "деликатность", из-за которой в нашем институте положили под сукно серьезное исследование по Карабаху, законченное за полтора месяца до событий там, в значительной мере предвиденных автором.

Моя позиция сводится к следующему: гласное обсуждение всех проблем. Татарский мальчик предлагает квоту? Он поднял действительно важную проблему, вопрос, который заслуживает общественного обсуждения. Давайте опубликуем его письмо и обсудим правовой механизм, который позволит строить реальную национальную политику, а не подменять ее пустыми фразами.

Носенко: Подведем резюме. Я так понял: антисиионистская пропаганда должна продолжаться, но ставиться на строго научную основу. Вот если бы авторы письма еще это написали, тогда было бы совсем хорошо.

И. Крупник, сотрудник института этнографии: Мне хочется прежде всего сказать спасибо людям, написавшим письмо. Эти люди впервые громко сказали, что антисемитизм в советском обществе существует и что им за это стыдно.

Теперь посмотрим на какое научное и эмоциональное "поле" дискуссий мы вступаем. До 1917 года Россия жила в условиях ограничительного антиеврейского законодательства. Это была не просто серия дискриминационных мер против евреев, это была направленная национальная политика, с очень мощной пропагандой, ориентированной на народные массы. Поэтому с полным основанием можно сказать, что советская власть унаследовала страну, во многом зараженную антиеврейскими предрассудками. Потом была гражданская война, которая, как известно, сопровождалась страшными еврейскими погромами. А ведь перед этим

была еще первая мировая война с погромами в Западном крае, с обвинениями евреев в шпионаже в пользу Германии, с массовыми депортациями... Почти целое десятилетие погромов и насилий — как оно отразилось на окружающем населении, какие чувства к еврейскому народу сформировало?

Будем считать, что после 1920–22 гг. антиеврейская пропаганда в стране полностью прекратилась. Увы, затем наступает 1941 год с оккупацией значительной части страны, где жило большинство евреев. И дело не только в том, что немцы физически уничтожали евреев — они вели активнейшую антиеврейскую пропаганду, возбуждая в населении самые черные антисемитские чувства. Дальше наступает 1948 год с борьбой против “безродных космополитов”, потом — 1953 год с “врачами-убийцами”, “агентами Джойнта” и вспышкой откровенной официальной юдофобии. И наконец с конца 60-х годов начинается весь мощный поток антиссионистской пропаганды, о которой мы сегодня столько уже говорили.

Итак, за почти 90 лет истории страны в XX веке — лишь короткий 20-летний отрезок с относительно благоприятным отношением к евреям и еврейскому вопросу. Но ведь за остальные 70 лет выросло не одно поколение людей, привыкшее слышать о евреях только жестокие и недобрые слова. Не надо закрывать глаза: антисемитизм обращен не только против евреев — другой стороной он адресован всем окружающим.

Вот, был задан вопрос: если сейчас прекратится антиссионистская пропаганда, исчезнет ли антисемитизм? Конечно, не исчезнет (хотя, возможно, уменьшится). Потому что отцы и деды, сыновья и внуки воспитывались под воздействием и других форм антиеврейской пропаганды. А ведь антисемитизм в России намного старше XX века, это опыт многих поколений...

Посмотрите, как складывается в массовом сознании образ еврейского народа. Здесь уже называлась цифра общего числа публикаций об Израиле, сионизме, “преступлениях израильских агрессоров” и тому подобное — 48 тысяч за пять лет. А вот я, как ученый, подсчитал советские публикации на русском языке по проблемам еврейской истории и культуры. В среднем за те же пять лет — 20–25 публикаций в год, в основном тезисы и краткие сообщения, да еще в специальных изданиях, смехотворно низкими тиражами. Вдумайтесь в две эти цифры!

Как этнограф, как специалист по национальным культурам,

хочу сказать: все, что публикуется на еврейскую тему, даже если это описание ситуации в далеком и маленьком ближневосточном государстве, для советских евреев и для людей, которые их окружают, является важнейшим элементом формирования национального облика, национальных стереотипов. Очень хотелось бы поэтому, чтобы люди, распоряжающиеся печатным словом, помнили об этой ответственности.

Тут возник риторический вопрос: если прекратится антисемитизм, что будет с евреями? Мол, есть мнение, будто еврея делают евреем антисемиты. Знаете, Андрей Юрьевич (Шумихин), нет! Скажу вам, как носитель еврейского национального сознания, мнением которого вы интересовались: меня делают евреем отнюдь не преследования антисемитов, а чувство причастности к своему народу, к своему историческому и национальному наследию, приверженность к своей национальной культуре. По-видимому, те же чувства делают вас русским, а не китайцем или американцем. Но у меня, с одной стороны, два десятка малотиражных, еле доступных изданий, которые помогают мне как-то обратиться к своей национальной культуре, а с другой — 10 тысяч антисемитских публикаций в год, лавина, которая обрушивается на меня, на моих близких, а также на моих недоброжелателей.

Мы взяли только два элемента формирования национального облика — антисемитскую литературу и крошечную струйку публикаций по еврейской истории и культуре. Но есть и другие элементы — например, Катастрофа еврейского народа во второй мировой войне, история еврейского сопротивления во время Катастрофы. Где у нас литература, которая знакомила бы советских людей с этими событиями?

Голос из зала: Корнеев...

Крупник: Да, Корнеев, который пишет, что сионисты мало того, что сами себя истребляли, они сейчас злонамеренно искажают историю, распуская слухи о якобы массовом уничтожении евреев. Чудовищно? Но ведь именно это и есть общедоступная для советских людей литература. Ежегодно весь мир в апреле отмечает день восстания в Варшавском гетто — и только Советский Союз не отмечает, не публикует ничего на эту тему. И это молчание — тоже штрих к нашему образу — образу людей, которые не имеют права на сохранение своей истории. Почему армяне смогли построить в Ереване памятник жертвам геноцида 1915 года и отмечают день геноцида открыто, каждый год, во всем мире и в нашей стране?

Для них этот день и эта память — важнейшие элементы национального “поля”. Нам же, как и окружающим нас людям, не дают права знать о нашей трагедии и нашем героизме. До сих пор не издана “Черная книга” Гроссмана и Эренбурга об уничтожении советских евреев на оккупированной части страны. Это даже уже не дисбаланс. Дисбаланс — это когда на одной стороне 10 тысяч публикаций, а на другой — 20. Но здесь — просто пустые клетки.

Здесь упрекали в “эмоциях”. Национальные отношения не могут рассматриваться без эмоций. Факт этот неизбежный, и с ним приходится считаться. Широко распространенное в нашей пропаганде уравнение “борьба против антисемитизма и сионизма” именно с эмоциональной точки зрения не выдерживает никакой критики. Но не выдерживает оно ее и чисто логически, потому что борьба с сионизмом, как бы ее ни понимали, — это идеологическая борьба, борьба с идеями или следствиями реализации неправильных идей. Антисемитизм же — выражение неприятия или даже открытой расовой ненависти. Ставить эти понятия на одну доску просто кощунственно. Все равно как сказать: мы будем бороться с дискриминацией негров в Соединенных Штатах и одновременно — с учением Мартина Лютера Kinga.

Теперь конструктивные предложения. Первое: опубликовать вступительное слово Носенко с признанием важности широкой борьбы с антисемитизмом и его проявлениями в нашем обществе. Второе: я хотел бы, если средства массовой информации захотят опубликовать отчет о нашей сегодняшней встрече, чтобы это было сделано подробно и корректно. Третье: давайте не только обсуждать, печатать и говорить — давайте создадим действующую комиссию по борьбе с антисемитизмом. Поскольку антисионистский комитет у нас есть, давайте теперь начнем так же организованно бороться и с антисемитизмом в нашей стране...

Дадияни: Но ведь антисионистский комитет, при всех своих недостатках, против антисемитизма тоже борется. Надо сделать так, чтобы он больше боролся...

Крупник: Мне казалось, что весь пафос моего выступления как раз в том, что эти две “борьбы” совместить невозможно. Не может быть комитета по борьбе с сионизмом и антисемитизмом.

Дадияни: Игорь Ильич, это единственный момент, с которым я не согласен в вашем очень интересном и правильном выступлении. Не согласен категорически. А все остальное — подписываюсь полностью. Я не согласен, что бороться против сионизма и антисемитизма — все равно, что бороться с гриппом и рок-н-роллом. А я бы сказал: бороться против гриппа и ангины. Или лучше: против СПИДа и против сифилиса. Другое дело, что в зависи-

мости от конкретной ситуации бороться надо против одного из "измов". О том, что в еврейском вопросе эти два "изма" существуют, сомневаться не приходится. Если, скажем, один Бегун, минский, это законченный антисемит, то другой Бегун, московский, который уехал, — это все-таки сионист и эмиссар...

(бурная неодобрительная реакция аудитории)

Дадияни: Я, дорогие друзья, в сложном положении. По поводу одной и той же моей статьи одни заявляют, что я — агент сионизма, а другие — что я законченный антисемит. Так что мне еще труднее, чем вам, друзья мои.

Крупник: Хочу высказать вам, Лионель Яковлевич, свое сочувствие. Я уверен, что если бы здесь сидели представители "Памяти", они бы действительно заявили, что вы платный агент мирового сионизма. Но ведь они — тоже ваши читатели. Следовательно, эту часть читателей ваша и подобная продукция возбуждает, толкает к их чудовищным словам и действиям. Кто должен об этом подумать? Давайте, наконец, реально представим себе русского потребителя антисюнистской пропаганды, давайте представим потребителя нерусского, давайте введем в систему расчетов ощущения еврейского потребителя этой же литературы. Будем решать проблему как этнографы. И мне кажется, что если так подойти, то нам (точнее, вам) многое придется увидеть в другом свете.

Шумихин: Вы очень сильно говорили о собственных национальных чувствах. Но возьмите еврейскую культуру в тех странах, где достаточно широко и свободно проводится дискуссия, где нет такого "дисбаланса", скажем, во Франции, Англии, США. Там ведь тоже существует такая принципиальная проблема: сионизм и еврейская национальная культура. Основная идея политического сионизма: создание еврейского государства — она же является антитезой развитию еврейской национальной культуры в диаспоре! Поэтому мой вопрос: как можно, обсуждая проблемы еврейской культуры, не заниматься проблемами сионизма? И здесь сионизм безусловно требует критики. А ваш настойчивый тезис: давайте будем заниматься антисемитизмом и не будем заниматься сионизмом — как раз критики не выдерживает.

Крупник: Можно ли рассматривать еврейскую культуру, не касаясь проблемы сионизма? Современную, видимо, нет, а традиционную, древнюю, историческое наследие в целом — очевидно, можно.

Шумихин: Как тогда определить древнего еврея? Как человека со свитком Торы? Но ведь Тора — не просто предмет материальной культуры, это символ развернутого учения. Вы предлагаете, по существу, не углубляться в содержание этого учения. Я очень опасаюсь такого "очищения" культуры. Сионизм — как раз и есть неотъемлемая часть еврейской культуры, причем возникающая не сто лет назад, а, извините, тысячелетия назад...

(бурная реакция зала)

Руденский: Я разделяю пафос выступлений моих коллег Членова и Крупника. Что же касается вакуума информации по еврейскому вопросу, то можно привести один забавный пример: в крупнейших библиотеках страны даже поваренные книги еврейской кухни находятся в отделах специального хранения.

Уже говорилось о том, как у нас освещается (то есть как не освещается)

все, что связано с геноцидом евреев в годы второй мировой войны, с еврейским сопротивлением. Это позорно. Но ведь молчание начинается не со второй мировой войны. Вспомните школьные учебники истории. В "Истории древнего мира" нет вообще упоминания о древних евреях...

Голос из зала: Один раз говорится — в перечне народов, которые первыми приняли христианство!

(смех в зале)

Руденский: Теперь я хотел бы поднять еще одну тему, которая, может быть, покажется спорной. Антисемитская пропаганда и вообще все, что у нас пишется по национальному вопросу, в том числе и по еврейскому, так или иначе связано с интерпретацией того, что об этом писали классики марксизма-ленинизма. И вот в этой связи я хотел сказать несколько слов.

Прежде всего представители антисемитского крыла в антисемитской пропаганде прибегают просто к бессовестным передержкам и прямой фальсификации того, что писали классики. Но мне кажется, что вопрос можно поставить несколько шире. На то, что оставили классики в связи с еврейским вопросом, сейчас нужно посмотреть "без гнева и пристрастия" и очень дифференцированно. Это касается, в частности, ранней работы Маркса "К еврейскому вопросу". В печально известной книге Романенко ее изложению посвящена, кажется, первая глава. Я был бы рад уличить Романенко в фальсификации и передержках, но здесь, к сожалению, не могу — он текстуально точен.

Дадияни: Но ведь у Маркса это работа не по еврейскому вопросу, а о вызревании предпосылок социализма в буржуазном обществе. Только терминология может ввести в заблуждение...

Руденский: Возможно. Я, к сожалению, не могу постичь столь глубокой интерпретации. Все-таки там это написано простым немецким языком и переведено на русский. И такие высказывания, как "бог евреев — ростовщичество" и подобные...

Дадияни: У Маркса там раскавыченные цитаты из Бруно Бауэра...

Руденский: И все-таки, со всеми оговорками, эта работа все равно имеет антиеврейский характер. Я бы мог даже объяснить это своеобразной ментальностью Маркса, которая связана с тем, что его семья отошла от иудаизма. Но так или иначе — мы обязаны сказать, что эти высказывания Маркса имеют антиеврейский характер и не являются для нас истиной в последней инстанции. Вообще, в отношении Маркса и Энгельса к национальному вопросу были такие аспекты, которые у нас замалчивают или соответствующим образом комментируют — например, их мнение о перспективах развития славянских народов Восточной Европы. Но все, что касается еврейского вопроса, не комментируется никак; в лучшем случае делаются попытки доказать, что все это имеет некий таинственный метафорический, а не антиеврейский смысл.

Теперь о том, что связано с ленинским наследием. Это те ленинские места, на которые любят ссылаться идеологи антисемитского направления, те места, где Ленин говорит, что евреи не являются нацией, даже национальностью. Мне кажется, что на том основании, что Ленин в свое время, в борьбе с Бундом, с лозунгом "национально-культурной автономии", который он считал в тех условиях реакционным, утверждал, что евреи не представляют

собой национальность, — на этом основании нам за ним следовать никак не стоит. Нужно заняться объективным анализом, который, на мой взгляд, эту точку зрения совершенно опровергает.

Носенко: Если есть еще выступления — давайте с конкретными предложениями.

Гусейнов: У меня как раз конкретное предложение. Я сотрудник института мировой литературы. Моя специальность — классическая филология. Ничего общего с профессией сидящих в президиуме она не имеет. Тем не менее, присоединившись к словам благодарности в адрес авторов "Письма", мне хотелось бы напомнить несколько вещей.

Я азербайджанец. Мой отец — азербайджанский писатель. И последние десять дней я сплю два-три часа в сутки, потому что испытываю жгучий стыд за моих соотечественников и за то, что происходит в Сумгаите. Моя мать — одесская еврейка, и в нашей семье погибло 26 человек во время войны. Моя мать воспитывалась в детдоме. Говорить об этом через сорок с небольшим лет без эмоций я не могу.

Мне кажется, что сегодняшнее собрание должно и может найти какую-то форму продолжения на более высоком организационном уровне. Необходимо создать рабочую группу для выяснения этих вопросов. Нужен журнал, периодическое издание, посвященное проблемам национальных отношений и, в частности, еврейской культуре. Необходимо заручиться в этом вопросе поддержкой Центрального комитета. Мы все-таки не должны забывать, что перестройка перестройкой, но все наши средства массовой информации на 90 (или 99) процентов выполняют указания, идущие сверху.

И наконец, историческая справка. Некоторые, видимо, забыли, что в 1968 году почти все еврейское население Польши было выслано из страны. Я мог бы многое сказать о тех последствиях, которые это имело для Польши. Точно так же планировалась в свое время депортация евреев у нас. Но самый печальный, самый грустный опыт — это опыт Германии. У меня дома на книжной полке стоят тома еврейского словаря, вышедшего в Берлине в 1933 году, и "Энциклопедии Юдаики", опубликованной тогда же. Я пытался понять, как увязать эти две вещи: роскошные издания — и массовые еврейские погромы, массовое уничтожение евреев. Значит, вопрос не только в том, чтобы дать возможность евреям у нас в стране издавать историческую литературу, журналы, справочники, открыть еврейский музей. Даже если бы все это было, даже если бы у нас были 48 тысяч публикаций по еврейской культуре — это тоже не поменяло бы дела. Климат создается средствами массовой пропаганды. Я перечитал немецкие газеты и журналы за восемь лет, начиная с 1925 года. И я убедился, что эти газеты и журналы создавали (как это ни печально говорить) облик еврея, очень похожий на тот, который можно получить, читая "Вечернюю Москву".

То, что средства массовой коммуникации и пропаганды находятся в одних руках, — это может быть и очень хорошо, и очень плохо. Это может быть очень хорошо, когда надо всех предупредить о надвигающемся цунами. И это может быть очень плохо, когда всем внушается мысль, что еврей — он еврей и есть, хотя несмотря на это, может быть, и неплохой человек. Позавчера я пытался снять дачу. И услышал от хозяйки вопрос: "А что, ваша жена еврейка?". Это говорит человек из академической среды, док-

тор наук, это говорит человек, который читает не только "Правду", "Известия" и "Вечернюю Москву". Этот человек говорит: "Да, мы знаем про все эти события в Карабахе, но это же все инспирировано масоном Аганбегяном, он ведь жидомасон..." Дорогие товарищи, вот ваш читатель. Это не нейтральный потребитель, которому, в общем, все равно: сегодня ему хорошо расскажут о евреях — очень хорошо, завтра плохо — и он может начать плохо о них думать. Нет! Читатель этот уже подготовлен, он уже знает, что еврей — это в большинстве случаев очень плохо. И это было всегда, на протяжении многих десятилетий.

Мне кажется, нам нужно осознать, что ситуация гораздо острее и драматичнее, чем ее иногда пытаются представить. То, что происходит в области национальных отношений в последнее время, это только цветочки. Если мы не будем действовать активно, очень активно — появятся и ягодки. Даже люди, очень далекие от национальных проблем, от проблем антисемитизма, чувствуют, что ситуация очень остра и может очень быстро измениться — независимо от того, успешно или неудачно будут идти наши экономические и политические преобразования. Именно национальные отношения и, в частности, проблема антисемитизма — это те маленькие трещины на сосуде нашего общества, из-за которых — при неправильном поведении — весь сосуд может развалиться.

Долганов, журналист "Советской культуры": Говорить, будто вся пресса управляется партийными инстанциями, как утверждает Гуссейнов, — это сущий абсурд. Это значит исповедывать теорию "заговора", которой придерживается общество "Память". Другое дело, что есть статьи, которые нам советуют напечатать, — это для нас, профессионалов, не секрет. Но говорить, будто сейчас пресса управляется, — это абсурд. Журналисты сами, сознательно, отбирают темы. Сейчас, например, в редакцию "Советской культуры" приходят тысячи писем с призывом "Бей жинов — спасай Россию!" И поскольку мы отвечаем за общественное мнение, мы сознательно не касаемся этих писем. Тут Гуссейнов говорит, что надо публиковать материалы по истории евреев, еврейской культуре. Хотите, я скажу, что будет, если опубликовать еврейскую историю? Такие публикации лишь усугубят ситуацию, вызовут еще большую ненависть к евреям. Что касается цифры "48 тысяч антиеврейских публикаций", то она мне напоминает соответствующие игры с цифрами, которыми занимаются кликуши из "Памяти". Тот же Васильев мог бы в ответ Членову привести свои цифры: евреев в стране 0,3 процента населения, а они занимают 30 процентов в российской культуре...

(Разговор переходит в многоголосую перепалку между залом и журналистами)

Дадзани: Я скажу два-три слова, потому что я должен уезжать. Мы с Носенко больших постов не занимаем, но мы, конечно, постараемся что-нибудь сделать. Мы расскажем в отделе пропаганды и в подотделе межнациональных отношений об этом нашем собрании, расскажем адекватно, честно, можете быть в этом уверены. Тут говорилось, что нужно организовать какую-то институцию. Мы скажем и об этом. Проблема очень важна, я с самого начала пытался, что называется, взять быка за рога, чем и вызвал ваше недовольство. Но неверными звуками не портьте песню, друзья

мои. Когда некоторые из вас говорят: "Давайте предоставим слово и сионистам" — к чему же это приведет?!

Членов: К нормальному обсуждению этих проблем.

Дадияни: Ничего подобного. Приведет к триумфу Евсеева. Понимаете? (шум протеста)

Дадияни (перекрикивая): Вы говорите о гласности... Это все абстракции, которые, к сожалению, не ведут нас к победе... Поверьте мне. Постарайтесь понять логику людей, которые, в отличие от вас, бывали биты. Хотите помочь нам в нашей борьбе, так помогайте, друзья мои. А пока, объективно, повторяю, вы помогаете Евсееву и Романенко. Вопрос исключительно сложный. Плохой тактикой можно самую правильную стратегию и правильную научную идеологию поставить под удар.

Шумихин: Это первая встреча, достаточно короткая. Я считаю, что узнал для себя много полезного. В чисто научном плане я получил пищу для размышлений. И именно за это я тоже хочу выразить признательность авторам "Письма". Не за их максимализм, не за разрешение, как им кажется, всех сразу вопросов — но за их смелость в постановке вопроса, за активную гражданскую позицию.

Второй момент — очень, наверно, важный. Ошибочным, вредным, неправильным было бы сейчас требовать от кого-то (мы слишком привыкли обращаться к каким-то невидимым силам, которые, как нам кажется, всем руководят — и прессой, и нами самими) каких-то быстрых, адекватных решений. Это происходит из того нашего стереотипа мышления, когда мы себя рассматриваем, с одной стороны, царями зверей, а с другой — вроде как бы винтиками. Нам кажется, что достаточно кому-то где-то произнести каких-то два-три нужных слова — и сразу все начнет меняться: кто-то откроет публикации по еврейской культуре, кто-то прекратит публикацию ненужных, вредных изданий. Реальная жизнь гораздо сложнее. Речь идет о долгосрочных процессах. Тут говорилось, что в течение многих лет формировались определенные стереотипы. Нужно заставить определенным терпением и работать. Может быть, нам следовало бы открыть систему дискуссионных клубов и чтений по этой тематике. Не обязательно сразу требовать широчайшей гласности — пропечататься в "Правде", в "Известиях". Нет, хотя бы для себя попробовать выяснить какие-то зерна истины...

Карасова: Хочу сказать по этому поводу. Я читаю популярные лекции (по сионизму), и всякий раз, когда зал слышит малейшую попытку объективного изложения вопроса, поиска этого самого "зерна истины", не обходится без того, чтобы кто-нибудь не встал и не выкрикнул известных слов. И делается это очень организованно. Но ни разу за меня, маленькую женщину, не заступился никто. Ни разу никто из зала не встал и не попробовал аргументированно противопоставить свою точку зрения. В лучшем случае меня отводят потом в сторону "лица еврейской национальности" и шепотом излагают свое мнение... То же самое со статьями. Антисемитских откликов на наши статьи гораздо больше, антисемиты гораздо активнее...

Носенко: А еще они не отказываются от конкретных каждодневных шагов, а не только ставят великие глобальные цели, как иногда это очень

любим делать мы... Товарищи, чтобы уже сразу подвести итог, прежде чем я дам слово Сергею Владимировичу Лезову, я должен сказать, что нам было поручено поговорить с авторами "Письма", с их товарищами, поговорить по конкретным вопросам. Вопрос не ставится о создании семинара, рабочей группы...

Голос из зала: Кем поручено?

Носенко: Тумаркиным, какой здесь секрет. Сергей Владимирович, я хотел бы, чтобы вы дали оценку: мы сегодня говорили не тему или не на тему?

Лезов филолог, сотрудник Института научной информации по общественным наукам АН СССР : Поводом для нашей встречи послужило письмо, за основные положения которого ответственен я. И мне хочется сказать следующее. Я русский человек по национальной и культурной принадлежности, я советский человек по своему социальному опыту. Меня могли бы не волновать ни проблема сионизма, ни проблема еврейской культуры, обсуждению которых сегодня была отведена значительная часть времени. В начале нашей встречи я уже говорил, что с точки зрения "Письма" главными являются не эти проблемы, а проблема антисемитизма. И сейчас я хочу изложить — конечно, предельно схематично — свое понимание современного антисемитизма в нашей стране.

Рассмотрим вначале место антисемитизма в официальной идеологии. Как известно, для нее характерны тотальность и дуализм. Под тотальностью я имею в виду ее притязание дать ответы на все вопросы человеческого бытия. Под дуализмом — четкое определение светлого и темного полюсов, поляризацию социальной реальности по признаку "свои — чужие", "друзья — враги". Так, в новой программе КПСС можно прочесть: "Цитадель международной реакции — империализм США. Именно от него прежде всего исходит угроза войны. Претендуя на мировое господство..." и так далее. Легко заметить, что в этой идеологии присутствует не только образ врага (о его функциях мы уже говорили сегодня, рассматривая в качестве примера идеологию национал-социализма), в ней присутствует и идея заговора...

Меня могут спросить, при чем здесь евреи и антисемитизм. В предыдущих выступлениях официальная антиссионистская пропаганда анализировалась как общественное явление, обусловленное наличием в стране еврейского населения. В действительности,

антисионистская пропаганда достигла такого размаха еще и (а может быть, прежде всего) потому, что она удовлетворяет определенные политические потребности и интересы. С некоторых пор официальная идеология отводит евреям (космополитам, сионистам) роль агентов главного врага, то есть американского или мирового империализма. Дадиани с соавторами так и пишут: "Сионизм и его составная часть — правящие круги Израиля — выступают в качестве сдюзника-агента империализма в борьбе против всех революционных сил современности".

Понятно, что дуалистическая идеология нуждается в достаточно наглядном образе "темного полюса". Но почему именно евреи оказались, еще в конце 40-х годов, выбраны на эту роль? И почему эта роль навязывается им по сей день?

Отчасти ответ на этот вопрос был дан в ходе сегодняшней дискуссии, когда мы услышали обзор истории русских евреев в XX веке. Ясно, что причина заключается в исторических судьбах еврейского народа. В криминологии есть такое понятие "виктимность", означающее способность или предрасположенность человека становиться жертвой преступления. Так вот, исторические судьбы евреев в европейском мире сложились так, что они стали высоко виктимной социальной группой. Я не буду подробно останавливаться на этих судьбах: относящиеся сюда факты общеизвестны. Важно другое обстоятельство: со времени борьбы с космополитизмом зарубежные (пусть потенциальные) связи советских евреев придавали достоверность предназначенной им роли агентов империализма. В какой-то мере это положение сохраняется и сейчас. Существование государства Израиль и другие внешнеполитические обстоятельства придали антисемитизму, существующему в рамках официальной идеологии, новый облик: из (преимущественно) антикосмополитизма он трансформировался в современный советский антисионизм.

Вторая тема — соотношение официального антисемитизма и нарастающего общественного антисемитизма, против которого в первую очередь и хотели протестовать инициаторы несостоявшегося митинга, намеченного на 13 сентября.

Мы все видим, что официальная идеология переживает период распада. С этим связано и утверждение "Письма" о том, что "политическая ситуация нестабильна" и что в этой нестабильности может скрываться опасность для евреев.

В самом деле, распадающаяся на наших глазах идеология производна по отношению к политической культуре общества. Это культура, которой чужды либеральные ценности. Идеология может уйти или измениться, но основы политической культуры общества останутся неизменными. У нас отсутствует прочная либерально-демократическая традиция, которая, на мой взгляд, могла бы стать спасительной для нашего больного общественного организма.

Поскольку наша политическая культура нелиберальна, а принципы тотальности и мировоззренческого дуализма относятся к ее глубинным основам, то всерьез конкурировать с умирающей официальной идеологией в состоянии лишь идеологии, основанные на тех же принципах. И наш сегодняшний разговор о русском национализме подтверждает, что его идеология построена примерно по тем же правилам, что и официальная.

В обеих идеологиях присутствует тотальность, отвечающая потребности в простом и всеохватывающем истолковании социального опыта. Идеологии русского национализма свойствен и дуализм. Вероятно, дуализм (в латентной форме) не чужд всякому мировоззрению, основанному на национальных ценностях (деление реальности по признаку "свое — чужое"). Что же касается новейшей русской национальной идеологии, то на каждой из своих последующих стадий она становится агрессивней и, соответственно, дуалистичнее, чем на предыдущей. Александр Солженицын, Владимир Осипов периода журнала "Вече", Игорь Шафаревич, Геннадий Шиманов, наконец — общество "Память": развитие в этом ряду именно в сторону усиления агрессивности. Вероятно, такова закономерность национально ориентированного мировоззрения, оказавшегося в известной (условно говоря, "неблагоприятной") исторической ситуации. В самом деле, между гуманистическим, демократическим национализмом Солженицына и национал-социализмом "Памяти" — "дистанция огромного размера", но сейчас мы уже не можем не видеть преимущества в этом ряду.

Я думаю, что и в синхронном плане можно тоже обнаружить содержательную связь между культурно и религиозно ориентированным национальным сознанием (представленным, например, академиком Лихачевым) и популистской агитацией "Памяти". Связь существует, хотя сторонники "Памяти" (и это понятно) ненавидят Лихачева, а у того истеричный визг и отвратительный

язык обращений "Памяти" может, вероятно, вызывать прежде всего чувство брезгливости.

Как известно, новейший национализм считает темным полюсом, источником всех зол мировое сионистский заговор. Пожалуй, теперь уже не столько "еврейский" или "жидо-масонский", сколько именно "сионистский". Именно "сионизм" стал ключевым словом для обозначения врага в идеологии русского национализма на советской почве. И здесь, товарищи антисиионисты, вы должны вспомнить все, что говорилось сегодня о взаимосвязи между официальным и общественным антисемитизмом, о их взаимопроникновении. Эта взаимосвязь материализовалась в фигуре вашего коллеги по "антисиионистскому цеху" кандидата философских наук Евгения Семеновича Евсеева. Он представитель официального антисиионистского эстеблишмента, он же на наших глазах вступает на общественное поприще в качестве (научной) опоры борьбы с русофобией и сионизмом, как его понимает новейший русский национализм.

Теперь я могу объяснить, в чем вижу разницу между Дадияни и Евсеевым с Романенко. У Дадияни и других "антисиионистов с человеческим лицом" сионисты — агенты империализма, а Евсеев с Романенко оперируют другим понятием сионизма, у них сионизм — не "реакционное националистическое движение еврейской буржуазии", у них "сионизм" тождествен заговору евреев с целью достичь мирового господства. Они пользуются понятием сионизма, существующем в современном мифотворческом национализме.

Получается, что и там, и здесь — ментальность "заговора". И там, и здесь евреи (космополиты, сионисты) — враги. Но в одном случае евреи — агенты главного врага, а в другом случае — сам главный враг. Мне кажется, что с точки зрения мировоззрения, не сформированного принципами тотальности и дуализма и не окрашенного мифическими чертами — скажем, с точки зрения либерально-демократического мировоззрения — эта разница не столь существенна.

Итак, к чему мы пришли? Антисемитизм, как компонент официальной идеологии, обеспечивающий конкретного и "достоверного" врага, был в свое время функционален и обладал интегрирующей силой в рамках советского общества (тем более, что главный враг тоже был нагляден: "американский империализм" ассоциировался с весьма понятной для старшего поколения угрозой войны). По мере распада официальной идеологии функциональное

становилось дисфункциональным, интегрирующее — дезинтегрирующим. В самом деле, идеолог русского неоязычества Валерий Емельянов еще в конце 70-х годов обвинил в “сионизме” самого Брежнева, а сейчас сторонники Васильева обвиняют в сговоре с мировым сионизмом не только всю советскую прессу, но и адресата нашего “Письма” члена Политбюро ЦК КПСС Александра Яковлева. Когда в обращениях “Памяти” говорится, что буржуазные демократии попались в сети сионистского заговора — это еще куда ни шло, но агенты сионизма в Политбюро — это уже свидетельство того, что распавшаяся идея стала дисфункциональной. Ведь до сих пор в Политбюро бывали только агенты империалистических спецслужб.

Вот так — опять же в самом общем виде — я представляю себе массовую альтернативную идеологию и ее взаимодействие с официальной. Спасибо за внимание.

Носенко: Очень жаль, что заканчивается наша сегодняшняя встреча на выступлении Сергея Владимировича Лезова. Мы собрались сюда обсуждать действительно острые, наболевшие у многих вещи, те ущемления, которые существовали и до сих пор еще существуют в еврейском вопросе. Но не для того, чтобы выслушивать заявления о существовании официальной тотальной идеологии. И это, боюсь, перечеркивает пафос всей нашей встречи.

Долганов: Это где же вы в Программе КПСС вычитали, что евреи являются вот этими самыми агентами, которых надо давить, агентами империализма?

Лезов: Вы передергиваете...

Долганов: Что я передергиваю, я слово в слово повторяю ваше выступление...

(шум в зале)

Шумихин: Я постоянно возвращаюсь к той же навязчивой идее — что я здесь делаю? Вся первая половина или большая часть нашей работы, мне кажется, была конструктивной. Но последнее заявление... Оно требует принципиального ответа. Оно прозвучало здесь, как своего рода подытоживание...

Лезов: Это мое личное мнение, за которое я и отвечаю.

Шумихин: Пусть личное мнение. Из вашего выступления явствует, что у вас речь идет не о еврейском вопросе и даже не об антисемитизме. Речь идет о тоталитарной идеологии, установившейся в Советском Союзе, и о другой тоталитарной идеологии, идущей ей на смену. Это уже проблема существования целого... Вот по этой теме я лично не готов и не желаю вести дальнейшую дискуссию!

Лезов: Андрей Юрьевич, вы разве не согласны с тем, что проблема антисемитизма — это политическая проблема советского общества? И что это — один из признаков болезненного состояния нашего общества?

Шумихин: Нет, не согласен!

Магидсон: А почему проблема антисемитизма имеет место в Соединенных Штатах?

(бурная реакция аудитории, смех, попытки возражать)

Носенко: Мы вернулись опять к тому, с чего начали. А не хотелось бы. Все-таки в нашей сегодняшней встрече было, пожалуй, больше положительных, чем отрицательных моментов. Отрицательные появились только в конце. Мы благодарны всем вам за встречу, поскольку высказанные вами соображения были для нас интересными, как для исследователей, они заставили нас по-другому, в других ракурсах, увидеть те темы, которыми мы занимаемся. Если наши выступления, наше участие были полезны также и вам, мы довольны. Все.

Дискуссия в Московском доме ученых имеет все особенности увлекательного драматического действия. Поначалу все развивается чинно и добродетельно. Как бы ни были страшны своими разоблачениями выступления Членова, Крупника и других, официальные советские "антисемитские теоретики" выслушивают их вполне спокойно и даже доброжелательно: да-да, имеют место достойные сожаления перегибы, конечно, нужно помочь, вмешаться, исправить... И вдруг, после выступления Лезова — буря! "На таком уровне мы отказываемся обсуждать..." В чем дело? Что за уровень такой затронул Лезов, что смутил даже выдававших виды советских чиновников от идеологии?

Лезов действительно произнес замечательную речь (настолько замечательную, что мы даже извлекли ее из полного текста "Дискуссии" и опубликовали отдельно в № 64, как своеобразный комментарий к "Русофобии" И. Шафаревича, а теперь, как видит читатель, "вернули" на ее законное место). Он первым открыто и глубоко заговорил о внутреннем тождестве официальной "коммунистической" идеологии и той антисемитской идеологии, что неминуемо идет ей на смену. Неминуемо — именно потому что она ей тождественна по сути. А вывел из себя "официальных теоретиков" не только тот факт, что кто-то осмелился покуситься на господствующую идеологию (они, пожалуй, и сами в нее уже не верят), но еще и та, невысказанная Лезовым в открытую, мысль, что именно в условиях господства этой идеологии и смогла только зародиться и упрочиться ее потенциальная приемница. Иными словами: мифологическая и манихейская советская идеология неизбежно должна была породить и породила свое отрицание и своего наследника — столь же мифологическую и манихейскую (то есть разделяющую мир на Абсолютное Добро и Абсолютное Зло) идеологию антисемитизма. Только в первой абсолютным Злом были "эксплуататорские классы" и "внешние враги", а во второй — евреи и вся ими созданная иудео-христианская цивилизация.

Если же говорить на чисто практическом уровне, то средой и укрытием, где сформировалась эта новая идеология, стал как раз тот "официальный

антисионизм", которым столько лет занимались гг. Шумихины и Носенко. Каково бы ни было их собственное отношение к евреям и сионизму, это они породили Евсеева и Романенко, вооружили их соответствующей терминологией и дали им печатную трибуну.

Сейчас Носенко бьет тревогу: нужно объединить силы в борьбе с Евсеевыми. Этот призыв несколько запоздал: Евсеевы давно уже объединили свои силы с определенными эшелонами власти сверху и определенными кругами в народе снизу. Именно этот альянс — самое зловещее, что есть сейчас в ситуации советских евреев. Ибо его возникновение переводит абстрактный вопрос о том, какая идеология сменит существующую, в вопрос чисто практический и предельно насущный, во всяком случае — для советских евреев: произойдет ли на самом деле такая "смена караула" и что это им сулит?

Много лет подряд некоторые советские еврейские активисты говорили — устно и в печати, — что советским евреям угрожает опасность физического уничтожения. Этих Кассандр увещевали: это преувеличение, физическое уничтожение евреям еще не грозит. И тогда это, действительно, было преувеличением. Как ни парадоксально, это было преувеличением тогда, во времена жесткого контроля власти над обществом, а перестало им быть и стало реальностью — сейчас, в ситуации относительной свободы. История показывает, что евреи не всегда чуяли опасность. Но нынешний напор на ворота эмиграции, — явное свидетельство, что на этот раз они ее, видимо, почуяли и считают весьма реальной.

Не так давно в Израиль прибыл один из многолетних отказников и активистов еврейского движения в СССР Владимир Кислик. Перед отлетом он дал интервью другому активисту, редактору "Бюллетеня", издаваемого в Москве неформальным "Обществом дружбы и культурных связей с Израилем", и секретарю этого Общества Виктору Корецкому. Два места в этом интервью особенно привлекают внимание. В первом идет речь о чисто демографических перспективах советского еврейства, и тут Кислик приводит цифры, которые многим дадут, на наш взгляд, пищу для размышления. Он говорит:

"Я об этом писал еще в 1977 году. Была у меня статья "Политика советских властей в области еврейской эмиграции". Там я писал, что перспектива в этой стране — ассимиляция физическая. Культурная ассимиляция уже произошла. Это свершившийся факт. Сейчас интенсивно идет ассимиляция физическая. И я думаю, что евреи исчезнут в этой стране через 2, 3, 4 поколения. Каким образом? Большая часть исчезнет физически, растворится. Путем смешанных браков. Году в 1975-м я видел цифру: в СССР возрастная группа от 0 до 30 лет составляет 35% населения. Среди евреев в этой группе — 12%! То есть, евреев рождается в три раза меньше, чем любых других... И из этих цифр очень здорово видно, какова скорость исчезновения. Есть и другие цифры. Если евреев по переписи 1969 года было, если не ошибаюсь, 2,4 млн., то в

1979 году — 1,8 млн. человек. Видно, что убыль гораздо больше, чем выезд. Выезд за это время составил около 300 тысяч человек. А где еще 300 тысяч?”

Картина сама по себе достаточно мрачная. Но интервьюер настырен: ассимиляция, говорит он, это, в конце концов, процесс постепенный, эволюционный; а допускаете ли вы возможность катастрофического развития событий? — спрашивает он. Кислик отвечает:

“Вполне допускаю. Тут возможны два пути: возникновение каких-то взрывных тенденций снизу и сверху. Снизу — это когда власти не смогут справиться... Многие вещи сейчас не совсем понятны. Понятна сейчас политика руководства: оно пытается, лавируя, совершить революцию эволюционным путем. Поэтому оно все время будет идти такими вот шатаниями — вперед, назад, снова вперед, лишь бы справиться с ситуацией, удержать власть. Но движения — особенно национальные — могут выйти из-под контроля. И тогда... Я думаю, что, конечно, возникновение взрывной ситуации снизу гораздо более страшно, чем если они опять попытаются справиться. А справиться — это, опять-таки, задавить всех и вся. Тут и возможна такая штука: либо они не справятся, и тогда начнется резня, а резня, естественно, начнется с евреев. И в том, и в другом случае начнется с евреев... Я думаю, что “Память” и всякие другие группы и группочки — их “спонсором”, покровителем, являются спецслужбы. Они готовят их именно для таких ситуаций.. Для того, чтобы спустить пар, это традиционно. Их натравят на евреев. Народ увидит реального врага, бросится на него, попотрошит маленько, а потом их попотрошат... Если и тут они не справятся с ситуацией, то тут уже вся эта масса пойдет крушить направо и налево, тут уже пойдут (в ход) все — и евреи, и неевреи, и она не успокоится, пока не прольет море крови... А потом ее снова загонят в стойло”.

Интервьюер и тут не унимается: а если сохранится контроль верхов, — спрашивает он, — как они будут действовать, если захотят жестче контролировать ситуацию? Ответ Кислика явно продиктован многовековым историческим опытом:

“Евреев в любом случае будут использовать как козлов отпущения”.

Так говорит сегодня внутренний голос рядовому советскому еврею. Такой сценарий, судя по всему, он себе рисует в воображении и потому — массами течет в ОВИРЫ. Но ведь и внутренний голос, если верить извест-

ному анекдоту, может обмануть. Поэтому особенно важен вопрос: а действительно ли существуют сегодня какие-то реальные н о в ы е факторы, которые заставляют считать, что разговоры об угрозе физического уничтожения советского еврейства в конце 1980-х годов чем-то отличаются от аналогичных разговоров конца 1970-х? Или, возвращаясь от сценария Лезова к сценарию Кислика: верно ли, что существует не только антисемитская идеология, претендующая на готовый опустеть престол, но и ситуация, когда массы захотят этого претендента признать?

В этом плане представляются весьма любопытными наблюдения самого Виктора Корецкого, сформулированные им в присланной в "22" статье "Зловещие перспективы". Если Лезов искал — и находил — параллели между официальной и антисемитской идеологией, то Корецкий ищет — и находит (на наш взгляд, убедительные и глубокие) параллели между практической ситуацией в Германии 1930-х годов, когда там нацистская идеология действительно "овладела умами", и ситуацией в Советском Союзе сегодня, в канун 1990-х годов, в разгар идущей борьбы за умы. Он показывает, что — да, существуют такие не всем заметные, но крайне важные "новые факторы", которые действительно открывают антисемитской идеологии путь к "овладению массами" и тем самым к превращению в "материальную силу". Выводы Корецкого, в сущности, дополняют анализ Лезова: с одной стороны, есть готовая идеология, с другой — готовая ее принять масса. В свете этих выводов "сценарий Кислика" (распространенный, кстати, не только среди нынешних советских евреев в России, но и среди бывших советских евреев в Израиле) представляется уже совсем не фантастичным. Итак, вот что пишет Виктор Корецкий:

Зловещие параллели

Даже стороннему наблюдателю заметно, что эмиграция евреев из СССР снова принимает массовый характер. Кое-кто еще говорит на академически строгий манер о "быстро растущей актуальности проблемы эмиграции для советских евреев", но люди попроще называют вещи своими именами — "повальное и даже паническое бегство".

Останемся в рамках академического обсуждения. Вопрос все равно остается с нами: чем обусловлен быстрый рост этой самой "актуальности... эмиграции"? Какие такие грозные перспективы рисует им их воображение? И насколько реальны эти опасения?

Даже при самом беглом взгляде на нынешнюю ситуацию в СССР, действительно, нельзя отделаться от некоторых тревожных исторических параллелей. Я имею в виду параллели между сегодняшним положением советских евреев и положением их германских соплеменников в начале 1930-х годов.

Приходу нацистов к власти предшествовал глубочайший экономический кризис в Германии, сопровождавшийся массовой безработицей и чудовищной инфляцией. Число безработных превысило 5 млн. человек, массовые банкротства, ударившие, в основном, по мелким предпринимателям, но затронувшие и многих крупных, привели к сокращению производства вдвое.

Именно безработные и разорившиеся мелкие буржуа стали тем контингентом, среди которого нацистская пропаганда стала вербовать первых сторонников. Уже в 1930 году за нацистскую партию голосовали 6,4 млн избирателей, в 1932 году — 13,7 млн. Окончательный успех нацистов предопределила конфронтация между социал-демократами и коммунистами и страх перед ними обоими германских правых кругов.

Известно, что в так называемые "застойные годы" советская экономика, даже по официальным оценкам, тоже оказалась "на грани кризиса". Сегодня наличие этого кризиса и сопровождающая его инфляция и снижение уровня производства товаров уже ни для кого не являются секретом.

Меньше обращают внимания на то, что предпринятая для исправления ситуации, перестройка угрожает экономическому статусу больших групп советского населения. Сокращение административного аппарата угрожает 18-миллионному слою "управленцев", включая высокопоставленных представителей партийно-государственной элиты. Внедрение хозрасчетных методов в промышленности и сельском хозяйстве (если их удастся внедрить) должно привести к сокращению значительной части неквалифицированных и низкоквалифицированных кадров. Аналогичный процесс идет в сфере обслуживания и подбирается к торговле. Под угрозой сокращения стоит и армия.

Самым важным во всем этом процессе является вырисовывающееся сегодня появление огромной армии фактических безработных, в которой основную часть будет составлять люмпен-контингент. Именно этот контингент оказался в свое время в Германии наиболее восприимчив к нацистской пропаганде, которая перекладывала вину за собственные неудачи на "других" (прежде всего — на евреев) и обещала быстрое процветание путем устранения злокозненной деятельности этих "других" — вместе с ними самими.

Сегодня в Советском Союзе тоже быстро нарастает масса людей, которые в силу своего ухудшившегося экономического состоя-

ния и особенностей психологии будут готовы воспринять и исповедывать нацизм.

Одновременно многие экономисты предсказывают, что при сохранении нынешних половинчатых, нерешительных, "аппаратных" методов перестройки стране не только не удастся выйти из нынешнего кризиса, но к началу-середине 1990-х годов ее ждет новый — топливно-энергетический и сырьевой — кризис, который, без сомнения, приведет к дальнейшему снижению жизненного уровня всех слоев населения.

Поэтому экономическую ситуацию в СССР в канун 1990-х годов следует признать даже более тяжелой, чем в Германии начала 1930-х годов. В таких условиях достаточно малейшей серьезной искры, чтобы вызвать пожар национальной розни, которая может быстро перейти в межнациональную резню. Первые намеки на такое развитие событий уже сегодня приходят почти со всех советских окраин.

Этот беглый очерк экономических перспектив следует дополнить "очерком нравов", то есть попыткой социологического анализа.

Известно, что в Германии начала XX века не было массового антисемитизма. Евреи составляли менее 1% населения страны, были глубоко ассимилированы и трудно отличимы от немцев. В то же время в Германии существовал и развивался "интеллектуальный антисемитизм" — издавались многочисленные книги и газеты антисемитского характера и была даже создана специальная антисемитская партия (позже сошедшая на-нет, когда ее лозунги были перехвачены традиционными правыми кругами).

В этих условиях понадобилось всего несколько лет, чтобы превратить самый "просвещенный" народ этой демократической страны в стадо скотов, залившее кровью всю Европу. Этому превращению немало способствовал и сам германский истеблишмент до-нацистского периода, который видел главного врага в тогдашних левых силах и, подавляя их, расчистил путь нацизму.

В сегодняшней России положение и в этом смысле опять-таки представляется намного более мрачным. В отличие от Германии, в России существуют многовековые традиции массового, народного антисемитизма, многократно уже соединявшегося с государственной политикой. Слово "погром" перешло из русского языка в европейские раньше, чем слова "спутник" или "перестройка". В то же время период "застоя" ознаменовался бурным расцветом

интеллектуального антисемитизма, сходного с упомянутым немецким (но в данном случае, под стыдливой вывеской "антисемитизма"). Откровенно нацистские и расистские "труды" таких "теоретиков антисиионизма", как В. Бегун, А. Романенко, Ю. Иванов и В. Евсеев, до последнего времени издавались сотысячными тиражами и широко популяризировались в официальной публицистике. Сегодня этот "интеллектуальный антисемитизм" не только не сошел на-нет, но, напротив, продолжает распространяться, свидетельством чего является, с одной стороны, самиздатская брошюра члена-корреспондента Академии Наук СССР И. Шафаревича "Русофобия", а с другой — переход на откровенно антисемитские позиции таких массовых изданий, как журналы "Наш современник" и "Молодая гвардия" (общий тираж которых составляет свыше 1 млн. экземпляров).

"Интеллектуальный антисемитизм" в СССР сопровождается, как и некогда в Германии, выходом на общественную арену достаточно массовых и хорошо структурированных, а в то же время открыто антисемитских и пронацистских группировок. Их быстрое появление на этой арене было бы невозможно, если бы они не вызрели куда раньше — в период тотального контроля власти над общественной жизнью страны. А это означает, что власть уже тогда смотрела сквозь пальцы — а быть может, и способствовала — их зарождению и формированию. Сейчас, ощутив угрозу своей монополии, определенные круги партийно-государственного аппарата, по всей видимости, готовы вступить в союз с этими темными силами и при случае опереться на них.

И если "христианская мораль" германского истеблишмента несколько не помешала его союзу с люмпенами и нацистами, с его полным аморализмом и циничностью, то для советского бюрократа в этом вообще нет препятствий.

И если сегодня стихийные вспышки межнациональной розни происходят, в основном, на этнических окраинах, то завтрашняя массовая истерия, инспирированная союзом властей и черносотенцев, может быть направлена только по одному адресу — как и в Германии начала 1930-х годов, по еврейскому. Ибо именно еврейскому народу этот зловеющий альянс советских "Верхов" и "низов" отводит роль козла отпущения за чужие грехи.

Остается сказать о параллелях в третьем аспекте — психологическом.

Не так давно в "Новом мире" была опубликована переписка

Короленко с Луначарским, относящаяся еще к 1920-м годам. Высокопоставленный адресат, советский нарком просвещения, пытается "объяснить", как стали возможными описываемые Короленко погромы, говорит о том, что русский народ, в силу своих исторических особенностей, обусловивших культурную отсталость и моральную незрелость, не готов к постбуржуазным формам существования. Русский этнос, в отличие от европейских, не прошел через важнейшие народообразующие процессы Реформации и Просвещения. Поэтому его христианство поверхностно, поэтому так легко отбрасываются и забываются этой русской толпой христианские нормы морали под влиянием сиюминутных и самых низменных инстинктов.

Что изменилось за 70 прошедших лет, в течение которых "самый передовой в мире" строй усердно создавал "нового, советского человека"?

Если что и изменилось, то только к худшему. Лучшие представители народа были уничтожены в лагерях и чистках, погибли на войне, ушли в эмиграцию. Жесточайшая диктатура, отменившая "религиозную" мораль и нравственность и заменившая их "классовой", привела к чудовищному падению нравов, к открытому цинизму и скрытому страху, к расцвету всеобщей коррупции и столь же всеобщего алкоголизма. Иными словами, нравственные препятствия установлению нацистского режима сегодня и здесь куда слабее, чем тогда и там.

Необходимо учесть еще один важный фактор — психологический стресс. В Германии 1930-х годов среди обывательской массы необыкновенно сильна была жажда сильной и твердой власти, которая вернула бы "порядок", благосостояние и стабильность. Современный российский обыватель находится в аналогичном психологическом состоянии. После десятилетий относительно спокойной жизни, сопровождавшейся хоть и относительной, но все какой-то уверенностью в завтрашнем дне, он сегодня стоит перед лицом растущего политического разброда, тревожных социальных сдвигов, углубляющегося экономического кризиса, а главное — необходимости что-то самому решать, брать на себя ответственность за судьбы страны. В этих условиях очень многие — и вполне закономерно — жаждут возвращения к "порядку любой ценой". Миф о "добрых сталинских временах" не уходит из массового сознания, несмотря на весь шквал обрушившихся на общество рассказов о сталинских преступлениях — а может быть, именно благодаря им:

ведь в сознании, наверняка, существует некий "болевого порог", за которым рассказы об ужасах уже перестают восприниматься... Но и кроме того, массовое обывательское сознание всегда было и остается во многом мифологичным, то есть склонным к поиску простых ответов и готовых решений. А что может быть проще, чем объяснить все опасности происками "жидо-масонов", а все надежды на избавление возложить на "сильную власть"?

Психологический стресс, переживаемый сегодня миллионами советских обывателей, делает их весьма восприимчивыми к мифам неонацистской и неорасистской пропаганды.

Нынешнее быстрое ухудшение национально-политической обстановки в стране, отягощенное применением традиционных, неэффективных мер противодействия, заставляет ожидать роста вероятности катастрофического ухудшения ситуации русских евреев.

В этих условиях важнейшей задачей еврейских активистов должно было бы стать всяческое содействие более быстрому осознанию советскими евреями указанного зловещего параллелизма и его возможных последствий.

Я убежден, что, как и в Германии и Европе 1930-х годов, только сионизм может предложить сегодняшнему советскому еврею сколь-нибудь разумный выход из ситуации, в которой он оказался. Я убежден, что евреи должны окончательно покинуть Россию. Пусть четвертую русскую революцию делает сам русский народ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО "МОСКВА-ИЕРУСАЛИМ"

Новая книга

О. КУСТАРЕВ. "ВАЛЬС" (повести и рассказы)

200 стр.

Цена 14 долл.

В книге собрана художественная проза автора, обладающего насмешливым и точным взглядом, который позволяет ему запечатлеть особенности современной советской жизни.

Заказы и чеки принимаются по адресу: "Москва-Иерусалим", п/я 7045, Рамат-Ган, Израиль.

РУССКИЙ ВОПРОС

Многие явления нашей эпохи нельзя понять, если не принимать во внимание тот факт, что человечество пропустило очередную мировую войну, — Третью Мировую Войну. Не просто избежало ее и отсрочило, а именно пропустило. Главные потенциальные противники технически и профессионально (с военной точки зрения) были подготовлены к ней. Но они не были готовы к ней идеологически, психологически, морально. Человечество еще не успело избавиться от ужаса реальных последствий прошлой войны и уже успело заразиться ужасом возможных последствий предполагавшейся новой войны. И последняя не произошла. Она как бы рассосалась и исчерпала свои потенциалы в "провинциальных" войнах, в "холодной войне", в политической и дипломатической суете.

Угроза новой мировой войны не исчезла. Но война, которая теперь угрожает человечеству, есть уже другая война, а не отсроченная реализация пропущенной. Это есть потенциальная Четвертая Мировая Война. Ситуация здесь подобна ситуации с отменой спектакля в театре. Спектакль не был отсрочен или заменен другим. Он был по каким-то причинам отменен, хотя и был подготовлен. Новый спектакль не имеет ничего обще-

Александр Зиновьев

**ПРОПУЩЕННАЯ
МИРОВАЯ ВОЙНА
И
КРИЗИС КОММУНИЗМА**

го с отмеченным. И еще нет уверенности в том, что он состоится, хотя подготовка к нему идет полным ходом.

Имеется множество признаков того, что война была пропущена, а не отсрочена. Назову два из них. К пропущенной мировой войне было подготовлено определенное оружие. Оно не было использовано. Для будущей войны оно уже не годится. Оно уже устарело. И поэтому оно уничтожается и заменяется другим. Весь грандиозный мировой спектакль с разоружением скрывает уже начавшийся процесс перевооружения армий для будущей потенциальной мировой войны.

Другим показателем того, что Третья Мировая Война была пропущена, является тенденция к перегруппировке мировых сил. В период подготовки к Третьей Войне в мире доминировало разделение на два лагеря, — на лагерь капитализма и лагерь коммунизма (или на Запад и Восток). Теперь это деление стало терять смысл. Различие социальных систем Запада и Востока стало терять прежнее значение. В странах Запада возникли грандиозные иллюзии, будто коммунистические страны способны эволюционировать в направлении западной демократии и будто с ними можно иметь дело на тех же основаниях, что и с западными странами. Правящие и деловые круги западных стран сделали практические шаги в соответствии с этими иллюзиями. Более того, сами эти иллюзии были изобретены в значительной мере для того, чтобы оправдать эти шаги. Возникли условия для образования социально смешанных блоков. Различие социальных систем отошло на задний план. Даже сам Римский Папа освятил это единение исторически непримиримых социальных систем. Усилия Запада расколоть коммунистический мир и усилия Востока расколоть мир капиталистический совпали с исторической тенденцией, о которой я упомянул выше.

Таким образом, мы живем в уникальную послевоенно-предвоенную эпоху. Хотя Третья Война была лишь потенциальной, она закончилась. Но она была лишь потенциальной. Она не решила тех проблем, которые по идее должны были бы быть решены, и не устранила оснований для новой войны. И мир сразу же из потенциального послевоенного состояния перешел в потенциальное предвоенное. Такое состояние породило своеобразное глобальное сумасшествие.

Самым значительным следствием того факта, что Третья Мировая Война была пропущена, и чрезмерно затянувшегося мирного

времени явился глубокий и всесторонний кризис в Советском Союзе и других коммунистических странах. Лидеры и идеологи этих стран утверждают, что кризис явился результатом ошибок прошлого руководства в Советском Союзе — брежневского и даже сталинского. Я утверждаю, что дело тут не в ошибках руководства. Вообще нелепо рассматривать большие исторические эпохи и события с точки зрения неких ошибок. Сталинское и брежневское руководство действовало в силу исторических обстоятельств и сделало ошибок ничуть не больше горбачевского. Кризис возник как закономерный результат действия объективных механизмов самой коммунистической социальной системы. Объективные законы коммунистического социального строя имели достаточно мирного времени, чтобы проявить свою неумолимую силу. Кризис явился результатом именно тех качеств коммунистической организации общества, какие еще недавно рассматривались как наивысшие добродетели и как преимущества перед капитализмом, а именно — результатом социализации средств производства в масштабах всего общества, ликвидации классов частных предпринимателей, плановой экономики, централизованного управления и т. д.

Я утверждаю, далее, что рассматриваемый кризис является первым в истории специфически коммунистическим кризисом. Он охватил все сферы общества, включая экономику, систему власти и управления, идеологию, культуру, массовую психологию, национальные и межгосударственные (внутри коммунистического лагеря) отношения. Я бы назвал этот кризис социальным в отличие от кризисов экономических и политических, какие наблюдались в некоммунистических странах. Но дело не в названиях. Важно установить, в чем заключается сущность этого кризиса.

Надо различать внешние проявления социального кризиса и его глубинную сущность. С этой целью я хочу обратить внимание прежде всего на такие его черты. Общеизвестно, что реальный коммунизм вместо обещанного идеологами экономического процветания обнаружил неспособность конкурировать с капитализмом именно в сфере экономики и сильнейшую тенденцию к экономическому застою. В Советском Союзе даже ввели выражение “застойные годы”, называя так брежневский период и сваливая вину за застой на Брежнева. Общеизвестно также, что экономические трудности в Советском Союзе и других коммунистических странах достигли размеров, сопоставимых с трудностями в годы после

Второй Мировой Войны. Но экономические трудности еще не кризис. Коммунистическая страна может жить с такими трудностями, не впадая в состояние кризиса. Эти трудности относительны. Они органически присущи коммунистической системе. И неспособность коммунизма конкурировать с капитализмом в среде экономики есть нормальное свойство коммунизма, подобно тому, как в неспособности рыб конкурировать с птицами в отношении полетов нет ничего кризисного и ненормального. Социальный кризис вообще не есть кризис экономический. Он охватывает и сферу экономики и усиливает экологические трудности. Но — как следствие. И суть его не в этом.

Сущность переживаемого коммунистическими странами социального кризиса заключается прежде всего в том, что нарушилось соответствие между системой власти и управления обществом, с одной стороны, и управляемым обществом, с другой. Коммунистическое общество есть царство чиновников всякого рода. Это есть общество чиновников прежде всего, подобно тому, как капиталистическое общество есть прежде всего общество частных предпринимателей, а феодальное — земельных собственников. Отношения между начальниками и подчиненными образуют базис этого общества (а не экономические отношения, как это имеет место в обществе капиталистическом). Поэтому огромное число учреждений и людей, занятых в системе власти и управления, является абсолютно необходимым качеством реального коммунистического общества. Эта система власти и управления имеет здесь необычайно сложную структуру и сложные функции. Она подчиняется своим особым объективным законам функционирования и структурирования. Она приобретает здесь огромную силу и разрастается не по недосмотру высшего начальства, не вследствие ошибок или злых намерений вождей, а совершенно естественно. Коммунизм без такой системы так же немыслим, как капитализм без частных предпринимателей, без денег, без прибыли, без конкуренции, без банков. Переживаемый социальный кризис заключается прежде всего в том, что нарушено нормальное соотношение между управляющим аппаратом общества и управляемым обществом. Первый потерял контроль над вторым в том смысле, что в обществе возникли бесчисленные явления, выходящие за рамки возможностей и принципов системы власти и управления. Переживаемый кризис, далее, заключается в том, что разрегулировалась сама система управления. Нарушились нормаль-

ные соотношения между ее частями, и в первую очередь — между ее высшими органами и ее подразделениями на более низких уровнях вплоть до низших. Высшие органы власти утратили должный контроль над всей системой власти и управления. В результате наметилась сильная тенденция к хаосу в самом социальном базисе общества и в его управляющей системе. И лишь в последнюю очередь кризис проявился в чрезмерном бюрократизме и коррупции. Последние не являются признаками кризиса. Они суть постоянные и неизбежные спутники коммунизма. Лишь разрастание их за пределы неких допустимых норм явилось одним из внешних проявлений кризиса.

Переживаемый кризис есть в первую очередь кризис социальный, т. е. кризис самих базисных социальных отношений коммунизма, а именно — отношений начальствования и подчинения как фундамента всего общественного здания. И лишь во вторую очередь это есть кризис коммунистической экономики.

Коммунистическая экономика в принципе есть единое целое в масштабах страны или по крайней мере ее отдельных частей. По идее она должна быть подконтрольна централизованному государственному управлению. В капиталистическом обществе государственное управление приспосабливается к относительно свободно складывающейся экономике. В коммунистическом же обществе, наоборот, экономика должна приспосабливаться к государственному управлению. Экономика создается с таким расчетом, чтобы она функционировала в рамках государственного контроля и как определенная часть единого социального организма. Здесь активность отдельных предприятий определяется и ограничивается интересами целого и принципами социальной эффективности, а не принципами эффективности экономической, как в обществе капиталистическом. Для них здесь нет необходимости быть рентабельными экономически, достаточно быть социально оправданными. Они должны удовлетворять в первую очередь внеэкономическим требованиям. Их судьба зависит от решений управляющих органов. С чисто экономической точки зрения все сто процентов коммунистических предприятий, взятых по отдельности, являются нерентабельными. И все же они существуют. Какие из них считать экономически нерентабельными и ликвидировать, это решают управляющие органы, а не принципы выживания вроде тех, по каким существуют предприятия в обществе капиталистическом. Современный кризис в Советском Союзе с экономи-

ческой точки зрения заключается в том, что нарушено нормальное соотношение между экономикой и системой управления, а также в том, что нарушены нормальные соотношения между различными частями экономики. Эта дезорганизация экономической системы усилила и сделала более очевидными такие дефекты коммунистической экономики, как сравнительно низкая производительность труда, тенденция к застою и инфляции, дефицит предметов потребления и т. п. Кризис, повторяю и подчеркиваю, лишь усилил все те явления, которые кажутся нелепыми с точки зрения западной экономики, а не породил их.

Как я уже сказал выше, кризис охватил все основные сферы советского общества, включая идеологию. Основная задача идеологии — стандартизация и организация сознания масс населения, управление массами путем формирования определенного типа менталитета людей. В настоящее время советская идеология потеряла способность выполнять эту роль достаточно эффективно. Даже сам Горбачев признал это (я имею в виду его заявления во время визита в Китай). Другая задача идеологии — быть руководством к действию для высшего руководства страны. И эту роль она перестала выполнять фактически. На смену бывшего идеологического порядка пришел идеологический цинизм, хаос и растерянность. Коммунистическое общество есть общество идеологическое. И идеологический кризис в нем не менее опасен для существования социального строя, чем кризис системы управления и экономики.

Современный кризис в Советском Союзе явился результатом действия объективных законов самого социального строя страны. Но это — лишь одна сторона дела. Другая сторона — взаимоотношения между Востоком и Западом. С этой точки зрения коммунистический кризис явился результатом не только внутренних причин, но и причин международных. Благодаря тому, что Третья Мировая Война была пропущена, Запад не был разгромлен, а, наоборот, стал сильнее и приобрел новые перспективы. Если бы не было Запада или если бы он был ослаблен и даже разгромлен в пропущенной потенциальной войне, состояние советской экономики превозносилось бы как верх совершенства, советская система власти превозносилась бы как верх демократии, а условия жизни советских людей — как земной рай. Но, повторяю, Запад сохранился и усилился. Он стал мерой и образцом для всего серьезного, что стало происходить и делаться в коммунистических странах. Усилилось наступление Запада на коммунистический мир в форме

борьбы за демократию. Оно охватило не только сферу пропаганды, но и практической активности. Я имею в виду экономические и политические санкции, стимулирование демократических движений, дискредитацию политических режимов и т. д. Развитие в странах Запада и их давление на коммунистические страны оказались настолько сильными, что руководители последних впали в состояние растерянности, отказались от открытого применения специфически коммунистических методов решения своих проблем и встали на путь своего рода западнизации руководимых ими стран. Вследствие давления со стороны Запада и влияния его на умонастроения масс населения кризис в Советском Союзе и других коммунистических странах углубился, а процесс переживания и попытки преодоления его приняли западнообразные формы. Это породило чрезвычайно сложную и противоречивую ситуацию в коммунистических странах, а на Западе — грандиозные иллюзии и надежды на то, что коммунистический "режим" рухнет в силу внутренней эволюции.

Возникает вопрос: возможно ли преодолеть рассматриваемый кризис с помощью западнообразных методов? На мой взгляд эти методы являются чужеродными коммунистическому социальному строю. Пока этот строй сохраняется, любая западнизация коммунистической страны может быть лишь поверхностной, кажущейся и кратковременной. Некоторые успехи возможны. Но чем больше они сейчас, тем более серьезные трудности возникнут в будущем. Западнизация здесь возможна лишь как политика власти, а не как устойчивый и привычный образ жизни населения в самом базисе общества. Теперь даже восторженные поклонники Горбачева сомневаются в успехе его экономической политики. Но та же участь постигнет и горбачевскую политику демократизации системы власти. Надо различать демократию и политику демократизации. Современная демократия есть устойчивая форма жизни масс населения, соответствующая лишь определенному социальному строю, а именно — капиталистическому. Она не есть нечто универсальное, пригодное для любых времен и народов. Ее нельзя навязать населению страны сверху или извне на достаточно долгое время, если в стране нет подходящих для нее условий. Политика же демократизации есть мера властей недемократической страны в ответ на атаку демократии со стороны Запада и с целью решить какие-то специфические и совсем недемократические проблемы. Классическим примером на этот счет может слу-

жить спектакль с недавними выборами в Верховный Совет СССР и с его заседаниями, а также замена многих "консерваторов" в партийном аппарате сторонниками Горбачева. На Западе это произвело впечатление стремления советского общества усвоить западную демократию. Но тот, кто знаком с реальной структурой советской системы власти, знает, что эта система не изменится существенным образом, если даже все сто процентов партийных и государственных чиновников заменить сторонниками "перестройки", если выбирать их даже из десятков кандидатов, если даже допустить десятки "партий".

Переживаемый советским обществом кризис может быть преодолен лишь с помощью методов, адекватных коммунистическому социальному строю. Горбачев как опытный партийный работник понимает, что решающую роль в этом должно сыграть создание аппарата сверхвласти наподобие сталинского, который позволил бы взять под контроль партийный аппарат и всю систему власти и управления. И упомянутая политика демократизации есть очередной шаг на этом пути. Она маскирует подлинное намерение Горбачева: создать аппарат личной диктатуры, стоящий над партийным аппаратом (как это и было в сталинские годы).

Некоторые западные эксперты (например, Бжезинский) рассматривают нынешний кризис коммунистического мира как полный крах коммунистического социального строя, как начало посткоммунистической эры. Это мнение абсурдно. Кризис общества еще не есть его крах. Кризисные ситуации суть закономерные явления в эволюции социальных организмов. Феодальное и капиталистическое общество переживали кризисы много раз. Нынешний кризис коммунистического общества есть кризис развития, а не упадка и разрушения. Те, кто усматривает в нем крах, выдают желаемое за действительное. А советское руководство использует умонастроения на Западе в своих интересах и подогревает их. Оно даже преувеличивает трудности в своей стране, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение на Западе, получить как можно больше помощи со стороны Запада и сдержать перевооружение западных армий. Пройдет пять или самое большее десять лет, и кризис в Советском Союзе будет преодолен. Пена западнизации будет смыта в считанные дни. И мир будет вновь иметь дело не с крахом коммунизма, а с коммунизмом, готовым к новым атакам на капитализм. Посткоммунистическая эра есть лишь утопическая западная мечта.

РУССКАЯ ИДЕЯ

**О книге И. Р. Шафаревича
"Руссофобия"**

Эта заметка посвящена новой книге Игоря Шафаревича "Руссофобия", недавно опубликованной по-русски на Западе. Говорить о "Руссофобии" не значит, конечно, соглашаться с выводами и с самим методом рассуждений автора. Но в одном я с ним совершенно согласен: чем больше света пролить на обсуждаемые им вопросы — тем лучше.

Несколько предварительных слов о самом авторе. Игорь Ростиславович Шафаревич — выдающийся советский математик, член-корреспондент Академии Наук СССР. Широкой публике он известен в качестве давнего и убежденного диссидента и правозащитника. Еще в 1971 году Шафаревич вошел в Комитет прав человека СССР — первую независимую общественную организацию страны. Три статьи Шафаревич участвовал в знаменитом коллективном сборнике "Из-под глыб", подготовленном под редакцией Александра Солженицына. А в 1977 году сперва по-русски, а затем и в переводе на многие иностранные языки выходит его главная историческая работа — книга "Социализм как явление мировой истории". В книге сформулирована и разработана крайне интересная концепция социализма как социально-исторически реализуемого инстинкта смерти и проводится мысль о том, что бессознательная, а то и осознанная цель социализма — уничтожение человечества и жизни на земле. Безусловно, этой книгой — как бы ни относиться к ее выводам и оценкам — Шафаревич обеспечил себе место в истории русской общественной мысли.

Перу Шафаревича принадлежит еще ряд статей, в разное время опубликованных в русской эмигрантской прессе; недавно его имя стало появляться и под советскими печатными материалами: он публиковался в журнале "Искусство кино" и в еженедельнике "Московские новости". И вот — новая его книга. Впрочем, судя по ряду деталей, книга не такая уж новая. Писалась она, по-види-

мому, в конце семидесятых годов; во всяком случае — еще до перестройки. В ней есть несколько ощутимо устаревших частностей — например, мысль о том, что тоталитаризм продолжает свое победоносное шествие, тогда как демократия по всей земле отступает, демонстрируя тем самым свою как бы изжитость и нежизнеспособность. Думаю, что сейчас никто бы так не написал. Но это, повторяю, частности. Попробую, хотя бы конспективно, изложить главные мысли книги.

Поводом для написания "Русофобии", как говорит об этом сам автор, послужила явным образом обозначившаяся в последнее время, (судя по цитируемой литературе, 70-е годы, эпоха расцвета Самиздата и Тамиздата) тенденция: при анализе нынешнего советского кризиса видеть причины его (а также и всех прочих русских бед) — в самой русской истории, в складе русского национального характера и в русских духовных традициях. Революционный террор, например, и само господство тоталитарных методов управления в России объясняют не столько насильственно навязанными социалистическими порядками, сколько все той же национальной традицией: Иван Грозный, Петр Первый и Иосиф Сталин — явления одного рода. Такие трактовки, говорит Шафаревич, настолько не согласуются с фактами и с требованиями элементарной логики исследования, что невольно закрадывается мысль, что их авторы видели свою задачу не в научной разработке вопросов русской истории, а в достижении заранее поставленной пропагандистско-идеологической цели. И если психологическим импульсом подобной деятельности, по всей видимости, является нелюбовь к России, русофобия, то целью ее будет, скорее всего, — способствовать уничтожению России, как целостного национального и духовно-культурного образования.

Одним из средств такого уничтожения, продолжает Шафаревич, является пропаганда чуждых для России идеалов и способов устройства общественно-политической жизни, особенно и главным образом — идеала политической демократии. Не входя сейчас в подробности этой критики демократии (а такие подробности подчас весьма любопытны), отметим один весьма остроумный ход: если противники России, говорит Шафаревич, абсолютно убеждены в полной ее неспособности самостоятельно выработать и осуществить демократические идеалы, то насильственное навязывание ей таковых (к которому стремятся упомянутые противники) будет ничем иным, как именно расчленением ее живого тела. В

пределе здесь следует говорить об оккупации страны чуждыми ей носителями иных, внероссийских идеологий и ценностных систем, — как и проговариваются иногда сами так называемые “русофобы” (например, Александр Янов, сказавший, что переустройство России — это совместная задача международного интеллектуального сообщества, и задачи ему здесь предстоит столь же трудные, как и мозговому тресту генерала Мак-Артура, вырабатывавшему конституцию для побежденной Японии).

В связи с несомненным для Шафаревича существованием антирусской партии, действующей уже в международном масштабе (ибо деятельность эмигрантских или самиздатских публицистов этого направления Шафаревич считает оказавшей глубокое влияние на международные средства информации и даже на политику ряда могущественных западных государств), — в связи с этой деятельностью автор “Русофобии” ставит и более широкий исторический вопрос. Он говорит, что наша эпоха — уже не первая, когда обозначается целенаправленная деятельность идейных и организационных групп, направленная на разложение и, в перспективе, уничтожение устоявшихся органических общественно-культурных образований. Такой группой были, например, так называемые просветители накануне французской революции, младогегельянцы в Германии XIX века или русская интеллигенция перед первой революцией 1905 года. Подобного рода идейные формирования Шафаревич предлагает называть “малым народом” — в противоположность “большому народу”, то есть традиционной, “органической”, национально-культурной общности той или иной страны. Противоположность малого и большого народа — это противоположность “механического” и “органического”, двух взглядов на историю, один из которых говорит об органичном, веками длящемся росте изначальных культурно-духовных принципов, а другой исходит из возможности построения “оптимального” общественного устройства на основе того или иного умственного-теоретического “проекта”.

Нынешняя русофобия, по Шафаревичу, нынешние группы ее пропагандистов — это всего лишь частный вариант более общего феномена — “малого народа”, оторванных от живой почвы интеллигентских утопистов. Более же детальный анализ приводит Шафаревича к выводу о том, что ядро нынешнего русофобского “малого народа” составляют евреи. Более того, еврейская русофобия, пишет Шафаревич, не ограничивается одной лишь нынешней публи-

цистической деятельностью тех или иных эмигрантов или самиздатчиков — она уже самым оглушительным образом реализовалась в событиях социалистической революции и гражданской войны, которую Шафаревич склонен видеть в значительной мере как войну евреев против русского народа. Размах антинациональной революции в России и ее конечный успех объясняется не в малой степени тем, говорит Шафаревич, что в революционную ситуацию (существовавшую в России объективно, как готов он признать) была подключена, естественным образом подключилась колоссальная энергия выходившего из гетто поколения евреев: “Малый народ” русской радикальной интеллигенции, с ее утопическими идеями, и “малый народ” вот этих выходцев из гетто, соединясь, и стали той силой, которая увела Россию с ее истинных исторических путей и привела к нынешнему кризису.

“Создание оружия духовной защиты от малого народа — вопрос национального самосохранения, — заканчивает свою книгу Шафаревич. — Такая задача посильна лишь всему народу. Но есть более скромная задача, которую мы можем решать только индивидуально: сказать правду, произнести, наконец, боязливо умалчиваемые слова. Я не мог бы спокойно умереть, не попытавшись этого сделать”.

Изложив по необходимости кратко, но по возможности точно содержание книги Шафаревича, перейдем теперь к ее оценке. Что сразу же необходимо сказать, с чего, как я считаю, нужно начинать любой разговор об этой книге: нельзя ставить ее в ряд сочинений, трактующих опасность так называемого жидомасонского заговора. Антисемитизм Шафаревича (который он, кстати, будет оспаривать и уже оспаривает в самой книге, говоря, что в ней нет оценок, есть только анализ, он не пишет о том, что хорошо и что плохо, а о том, что есть и чего нет), — итак, некоторые антисемитские, скажем так, импликации книги — это не ее предпосылка, а вывод из нее. По крайней мере, сам Шафаревич такой вывод делает, говоря о том, что участие евреев в русской революции и обусловило не в последнюю очередь разрушительный характер таковой. Еще раз повторяю и подчеркиваю: абстрагируемся от темы антисемитизма, не будем с ходу выносить такой вердикт — и уже на его основе заявлять: ну, тогда и говорить не о чем — что можно услышать от антисемита?! Будем говорить не о выводах Шафаревича, а о его предпосылках.

Мне кажется, что сами его предпосылки неверны — и поэтому

все построение покривилось, того и глядишь — рухнет. Но давайте по порядку: что прежде всего бросается в глаза, как явное расхождение с фактами? Самое первое: Шафаревич непомерно преувеличивает роль и значение — я бы сказал, значимость — тех эмигрантских и самиздатских авторов, с которыми он полемизирует. Ни Янов, ни Померанц, ни покойный Амальрик (при всех их возможных достоинствах) не могут претендовать на роль концептуально мыслящих теоретиков, тем более идеологов, определяющих политику Запада в отношении России. Шафаревич их ставит на уровень, скажем, Бжезинского, действительно что-то если не решающего, то подсказывающего: но выводить на этот уровень Янова — это несомненная аберрация в восприятии; подобные ошибки делал благородный, но, увы, безумный, Дон-Кихот.

И второе об авторах, по мнению Шафаревича, теоретически обосновывающих "русофобию". У них есть одно, так сказать, негативное достоинство, которым по определению не обладает Шафаревич и которое позволяет им видеть то, чего он сам не видит: это, скажем так, прохладное отношение к России, неослепленность любовью, способствующая зоркости взгляда (как говорил Бердяев, ненависть тоже может быть методов гнозиса). Безусловно, чисто научная аргументация в построениях того же Янова подчас приближается к нулю; но зато у него (у них) есть нечто иное: интуиция, подсказывающая, что в русском сознании как таковом наличествуют опасные тенденции, что это сознание — не современное, не секуляризованное, наполненное опасными предрассудками. Приведу один, на мой взгляд, очень выразительный пример того, как сам Шафаревич не видит такой опасности, а наоборот, усматривает вершину там, где на самом деле — яма.

На стр. 21-й своей книги он пишет: "...Тезис о том, что революция в России была предопределена всем течением русской истории, надо было бы проверить на вопросе о происхождении русского социализма, так как без этого ингредиента столь радикальное изменение всего общественного и духовного уклада жизни было бы невозможно... Социализм... по-видимому, не имел никаких корней в русской традиции вплоть до XIX века. В России не было авторов типа Мора и Кампанеллы. Радикальное сектантство, которое в Западной Европе было питательной почвой социалистических идей, в России играло гораздо меньшую роль и лишь в исключительно редких случаях в еретических учениях встречаются взгляды, которые можно было бы считать предшественниками социалисти-

ческих концепций (например, пожелание общности имущества). Тем более это относится к попыткам воплотить такие взгляды в жизнь: ничего хоть отдаленно напоминающего "Мюнстерскую коммуну" в России не было. Другой источник, в котором можно было бы искать зародыши социалистических идей, — народные социальные утопии — тоже не дает ничего, на что могла бы опереться социалистическая традиция. Они поражают своей мягкостью, отсутствием воинственной агрессивности. Это осуждение зла, противопоставление правды — кривде, мечты о "царстве правды", призывы к братству всех людей во Христе, провозглашение любви — высшим законом мира".

Одну фактическую неточность можно здесь сразу же заметить: академик Алексеев в свое время проделал исследование, выяснившее существование славянских источников "Утопии" Мора. Но не будем за это цепляться, — тем более, что понятия "славянство" и "Россия" не тождественны. Важно другое: перечисляя высокие достоинства русского народного сознания, Шафаревич не замечает, что они в другом повороте могут оказаться недостатками, а то и пороками. Укреплению тоталитарного социализма в России способствовала не в малой степени именно эта социальная мечтательность, порывающаяся осуществить на земле самые высокие, небесные, так сказать, идеалы. Вот в этом смысле мы и говорим о несекуляризованности русского сознания как об источнике опасности: это не светское, не прагматическое, не трезвое (в два слова) сознание. Оно способно попадать в ловушки. Такой ловушкой и стал в наше время для России социализм.

Как мы уже отмечали, Шафаревич говорит о демократии как о чуждом, неорганичном русскому народу политическом идеале и проповедь такого идеала для России считает чем-то вроде подрывной деятельности. На каком основании? — вправе мы задать вопрос. Ответ не совсем ясен, но можно понять Шафаревича в том смысле, что демократическое устройство общества разлагает его качественную определенность, его необходимые иерархические структуры. Это очень старый аргумент романтических консерваторов, от Константина Леонтьева до Томаса Манна периода "Размышлений аполитичного" или Бердяева периода "Философии неравенства". Тут опять-таки надо подумать: где причина и где следствие? Демократическое нивелирование общества — это объективный процесс, порожденный не внедрением в жизнь демократического

“проекта”, а условиями развития самого общества, например технической революцией, начавшейся отнюдь не вчера. А в наше время этот процесс зашел уже так далеко, что привел к созданию так называемого массового общества, в котором, скажем, наследник английской короны — фигура куда как менее значительная, чем обозреватель ежедневной газеты. А на мнения и оценки последнего влияют настроения ливерпульского водителя такси. Понятия об иерархии, о социальных качествах сместились в современном мире, — люди стали социально взаимозаменяемы; подчеркиваю — социально, а не метафизически, ибо в духовно-индивидуальных глубинах двух одинаковых людей не найти. Но в таком обществе демократия может быть единственным способом социальной организации, потому что альтернатива тут открывается только одна — тоталитаризм. Или манипулируемая вождями масса, или избираемый и сменяемый массой лидеры, — иного не дано. Еще Токвиль говорил, что в эпоху демократии правление может быть только свободным или деспотическим; под “демократией” тут Токвиль имел в виду не способ политического устройства, а именно массовость общества, его социальную однородность.

Говоря о книге Шафаревича, очень важно понять, что парадоксальные — скажем так — выводы, к которым он приходит, связаны в первую очередь вот с этим ретроспективно-утопическим представлением — о возможности найти в современной жизни какие-то “органические” начала и на них строить общество. Шафаревич негодует на Померанца, сказавшего, что в странах с избыточным крестьянским населением — голодают, а не голодают — там, где нет крестьян. Он обижается потому, что крестьянин — это “органическое” качество, которое нельзя разрушать, если вы не хотите, чтобы из жизни окончательно ушли какие-то живые краски. Но ведь прав-то Померанц: американский фермер, который кормит полмира (в том числе и Советский Союз), — это не крестьянин в смысле Шафаревича. Спрашивается, что сейчас нужнее России: хлеб в избытке или этнографическая красота?

Вообще понятие органического строения общества, столь любезное Шафаревичу, — это опасное понятие именно в его социальном применении. Общество нельзя понимать по аналогии с природой. Это природа органична. А в человеческом обществе действуют какие-то иные факторы. Шафаревич правильно говорит, что нельзя смотреть на общество как на механизм, который можно сконструировать, собрать или разобрать по замыслу механика. Это

верно, но верно и другое: свести социальные закономерности к природным тоже невозможно. Русский философ Борис Николаевич Чичерин говорил, что в обществе существует, должен существовать элемент “не-органический”, и этот элемент есть свобода. В своем пристрастии к органическим структурам Шафаревич лишает социальное бытие именно этого элемента.

И в свете этого совсем по-другому, нежели у Шафаревича, следует понимать проблему, которую он назвал проблемой “малого народа”. Напомню: это у него не национальное, а интеллектуальное меньшинство; но как бы там ни было, для Шафаревича само понятие меньшинства — это какое-то нехорошее, не долженствующее быть понятие. Это у него всегда носитель “механического” начала — в противопоставлении “органическому” началу большинства, жизненной толщи. Шафаревич совершенно прошел мимо того обстоятельства, что с понятием меньшинства связывается не только представление об отщепенстве, но и представление о творческой инициативе, нестандартности, новизне, наконец. В том-то и дело, что в обществе, построенном на органических началах, ничего нового быть не может, — как нет ничего нового в природе, — только круговорот, циклическое движение. Органические общества — это застойные общества. Игорь Ростиславович Шафаревич — верующий христианин: вот пусть он по этому поводу и вспомнит хотя бы о христианских апостолах, отнюдь не составлявших большинства в начале новой эры.

Я полагаю, что после всего сказанного не стоит уже возвращаться к той части книги Шафаревича, где он говорит непосредственно о евреях как сегодняшнем носителе идеи и практики так называемого “малого народа”. Дело не в том, как Шафаревич относится к евреям, — дело в том, что общей конструкцией своего исследования он подводит читателя к выводу, которого автор явно не предусматривал: евреи оказываются не орудием разложения человечества, а той самой солью земли, о которой говорится в Библии, — то есть творческой элитой, прокладывающей новые пути в истории. Повторяю: это получается, если сохранить конструкцию Шафаревича, но поменять в ней знаки; а то, что такая замена иногда принудительно напрашивается, я как раз и старался показать. Конструкция Шафаревича — очень жесткая, не предусматривающая вариантов и альтернатив, не учитывающая живую сложность исторического бытия.

Я хочу закончить небольшим примером, ясно показывающим,

как в схемы Шафаревича можно при желании затолкать прямо противоположное содержание. Он идёт об английских пуританах как об одном из действовавших в истории "малых народов" — подчеркивает их отчужденность от окружающей жизни, сознание ими своей избранности и так далее. Отсюда он делает вывод, что целью пуритан было разрушение существующего хозяйственного строя, то есть что они были вредными, так сказать, людьми (как всякий "малый народ"). На самом-то деле — и Шафаревич это прекрасно знает! — в пуританизме был создан новый, более совершенный хозяйственный строй — капитализм, свободное предпринимательство. Об этом написана классическая книга Макса Вебера "Протестантская этика и дух капитализма". После книги Вебера трудно отрицать, что в пуританизме ожил дух древнего иудаизма, — протестантизм вообще весьма близок к иудаизму. Но вот что интересно: аналог этого пуританизма был в России — это знаменитые наши раскольники, в среде которых как раз и возникли первые русские крупные капиталистические антрепризы. Если следовать логике Шафаревича, то этих самых раскольников следовало бы назвать евреями; а ведь это были наиболее этнически чистые русские люди. Другими словами, психология отщепенства, выброшенности из общества способна породить высокие явления, способна — можно сказать, единственно способна — породить новое. Странно, что об этом забыл диссидент, то есть, в сущности, тот же отщепенец — Игорь Шафаревич. Ему кажется, что новое — это хорошо забытое старое. Но тут он не прав.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Перед вами — не столько рецензия на книгу В. Рапопорта и Ю. Алексеева “Измена родине”, выпущенную лондонским издательством ОРІ в 1988 г., сколько клубок идей, оформлявшихся в моей голове при ее чтении.

Главными словами в тексте оказались для меня самые последние: “Москва, 11 июля 1977 г.”. Я листал пухлый томик, соглашался или спорил с авторами, пока не дочитал до финала, где обозначены эти место и время написания рукописи. И тогда увлекательный, хотя временами спорный текст превратился в объект исследования — исследования феномена российской общественной мысли, какой та была лет за десять до начала “перестройки”.

* * *

Но в начале, для “разгона”, все-таки несколько замечаний рецензионного характера.

Тема книги — истребление кадрового командирского корпуса РККА в 20—30-х гг. Первое недоумение при чтении: почему так редко указывают авторы источники своей, всегда интересной, а иногда уникальной информации? На месте ссылок стоят, как правило, дополни-

Михаил Хейфец

ЛОГИКА СТАЛИНСКОГО
ТЕРРОРА

В. Рапопорт и Ю. Алексеев. “Измена родине”. Лондон, ОРІ, 1988. Все ссылки в тексте статьи даны по этому изданию.

тельные комментарии к тексту. Именно потому, что факты приведены интересные, их все время хочется проверять: откуда взято? — а сделать это практически невозможно. Вот пример: некогда я прочитал в "Военно-историческом журнале", что 23-е февраля было избрано в качестве Дня Советской армии произвольно, ибо никто в тот день не давал немцам героического отпора под Нарвой и Псковом. Но только из "Измены родине" стало известно, что к двадцать третьему февраля Псков уже сдали немцам без боя, а Нарву — и тоже практически без боя — сдали неделю спустя, когда немцы туда дошли. Откуда наши авторы почерпнули эти сведения?

Другой пример: по тексту романа Алексея Толстого "Восемнадцатый год" (вот где люди нашего поколения искали и находили ценную историческую информацию!) я понял, что Восточный фронт большевики организовали сами себе, в результате грубейшего политического просчета. Но лишь 40 лет спустя, прочитав "Измену родине", я узнал что и Южный (деникинский) фронт возник благодаря поразительным ошибкам красного командования: "Первоначально Корнилов и Алексеев намеревались вывести офицерские формирования за пределы России, через Кавказ, чтобы сохранить кадры будущей армии" (стр. 38). Не помешала бы и тут авторам ссылка на источник... Тем паче, что рядом сообщается: к весне 1918 г. на юге России насчитывалось 17 тысяч белоказачьих сабель и три с половиной тысячи штыков Добрармии против 60 тысяч красных штыков и сабель. Как при таком соотношении сил царицынским лидерам удалось вынудить белоказачков начать наступление на Царицын и почти что овладеть городом?!

Еще примеры, касающиеся, в основном, отдельных персонажей: К. Ворошилов начал военную карьеру командармом, а завершил войну членом Военного совета армии — явное понижение. Оказывается, он сдал деникинцам Харьков, был судим, оправдан трибуналом, но с определением: впредь командирских должностей не занимать — ввиду некомпетентности. Откуда взята информация об этом приговоре? Или: Сталин после проигранного польского похода потерял свое место в РВС республики, на несколько лет ему запретили заниматься делами армии. Снова вопрос: откуда взят этот факт? Вслед за давно описанным в исторической литературе сюжетом с гибелью Фрунзе есть малоизвестный эпизод — споры вокруг назначения его преемника. Оказывается, паотработники выдвинули кандидатом в наркомы обороны... Сталина.

Т. е. бывшая должность Троцкого в 1925 г. еще котиновалась формально выше, чем сталинский пост генсека! Интересны процитированные в сносках отзывы современников о победителе этого конкурса, Климе Ворошилове: Рухимович, будущий нарком оборонной промышленности, так оправдывал (и оправдал) поражение Ворошилова под Харьковом: "Все мы хорошо знаем Клима, парень он храбрый, но куда ж ему армией командовать. Ротой — в самый раз" (стр. 466). Следует особо выделить одну из самых интересных глав — об антипобеде Ворошилова в РККА, погубленном военном теоретике Свечине, чью мудрость смогли оценить лишь ретроспективно, после оправдавшей его теоретические предвидения Второй мировой войны. Словом, книга В. Рапопорта и Ю. Алексеева изобилует яркой и зачастую новой информацией, в этом ее достоинство — и ее же недостаток, потому что новую информацию необходимо сопровождать серьезным научным аппаратом, который, к сожалению, отсутствует.

В тексте встречаются и явные ошибки. Я достаиваю этого названия не мелкие опечатки или неточности, типа "мятежа фронтов" (имелся в виду, конечно, "мятеж форт" во время похода Родзянко-младшего на Петроград — стр. 177) или сообщения о назначении Склянского в "Моссукно" — бывший зам. Троцкого и член СТО был, согласно мемуарам Б. Бажанова, тогдашнего секретаря политбюро ЦК, назначен главой "Амторга", т. е. де-факто послом в США. (Там же, в Америке, он утонул; Бажанов пишет, что уже тогда секретари Сталина были уверены: Склянского утопили по приказу их шефа)¹. Еще пример: маршал Кулик был не просто разжалован (стр. 46), но и репрессирован (сообщение архивиста Дм. Юрасова)²; главсудья генерал-полковник Ульрих умер не в почете, как сообщают авторы, а в опале, на полковничьей должности, хотя репрессирован не был; В. Примаков, вопреки мнению авторов, безусловно принадлежал к армейской интеллигенции — они явно не читали его книг; а Осафа Литовского неправильно именовать "неким": он считался весьма "прославленным" человеком, покровителем В. Маяковского и неутомимым гонителем М. Булгакова в качестве начальника Главреперткома, т. е. театральной цензуры. Все эти блохи в превосходном сочинении вообще не заслуживали бы упоминания, если бы не вписывались в серию куда более капитальных ошибок, таких, например: "Из-за противодействия Кулика танк Т-34 почти не поступал на оснащение войск" (стр. 419). Это

неверно: к 22 июня 1941 г. в войсках находилось почти полторы тысячи Т-34, что для новой модели по масштабам той эпохи вовсе немало³. У Кулика столько подлинных грехов, что не нужно ему приписывать мнимых. Или: "Немцы спокойно отнеслись к аннексии Буковины, Бессарабии и Карельского перешейка, хотя она не была оговорена в секретных статьях пакта Риббентропа—Молотова" (стр. 421) — была оговорена и Бессарабия, и не только перешеек, но даже вся Финляндия; вот Буковина, действительно, оговорена не была⁴. Также неточны или недостоверны сведения (попросту сплетни) относительно "двухнедельного запоя Сталина в начале войны" (стр. 423) или его бездействия в 1939—41 гг. (там же), о его якобы парализованной накануне войны воле (стр. 429) — все это выглядит более, чем сомнительным. У Сталина такая бездна подлинных грехов против страны и народа, что его критика не нуждается в преувеличениях, а наоборот, в исключительной педантичной точности.

По-человечески промахи авторов вполне понятны. Когда исследуешь историю гибели десятков тысяч командиров и генералов армии, о которой даже будущий главковерх вермахта и генерал-фельдмаршал фон Браухич выразился на маневрах РККА 1932 г., что "все тут делается в лучших традициях немецкой военной школы" — несомненно, высочайший комплимент в устах пруссака (см. "Знамя", 1988, №5, стр. 82, сообщение маршала А. Василевского), когда узнаешь, что погибли они не только без видимой причины, но даже без малого повода, то объективность куда-то испаряется и хочется обличать палачей! Но именно историкам не следовало поддаваться порывам гнева: у них должность другая...

Поясню эту, на первый взгляд, спорную мысль.

Моему поколению некогда довелось услышать насчет Троцкого еще более гневные оценки, чем нынешнему — про Сталина. Ну, Троцкий выдал Временному правительству план вооруженного восстания; Троцкий предательски сорвал заключение Брестского мира; с начала 20-х гг. стал агентом Германии и Японии, продавал немцам Украину, японцам — Дальний Восток. Но (во всяком случае, полностью) никто из юношей моего поколения, интересовавшихся историческими проблемами, этому инстинктивно не верил. Потому что незачем было председателю Петросовета выдавать план восстания Керенскому; незачем министру обороны победившей России вербоваться в агенты к пра-

вительству поверженной Германии; ничем ни Германия, ни Япония не могли расплатиться с Троцким за Украину или Приморье — он мог продавать их врагу только из чистой злобности, т. е. бескорыстно... Неслыханный противотроцкистский потоп имел неожиданное следствие — имя Троцкого всегда оставалось знакомым каждому советскому человеку. Как выразился голован Щекн-Итрч у братьев Стругацких: "Мой народ не думает о Льве Абалкине. Он его знает. Каждый. От рождения до смерти". Так оно и получалось...

Если разоблачения Сталина будут вестись с тем же темпераментом и по той же методе, что и бывшие обличения Троцкого, — их ждет та же судьба. Какие бы дурные слова ни говорили сегодня о письме Нины Андреевой в "Советскую Россию" (о "манифесте антиперестроечников"), психологически ее выступление есть в определенной степени и реакция, причем великого множества читателей, на легковесность, хлесткость и отсутствие научной и юридической основательности в современных антисталинских публикациях.

...Секрет устойчивости исторических репутаций государственных преступников объясняется, между прочим, тем, что ремесло любого государственного деятеля предполагает готовность к поступкам, которые в частной жизни считаются несомненными и тяжчайшими преступлениями. Вот премьер вполне демократической Англии (Черчилль) приказал подложить бомбу в самолет премьера эмигрантского правительства Польши, который своим горором и упорством мешал правительству Его Величества дружить с советским лидером⁵; недавно выдвинуто предположение, будто премьер Кубы Кастро приказал убить президента США (Кеннеди), поскольку этот президент-демократ несколько раньше распорядился убить этого премьера — и заметьте, независимо от ее достоверности, эта версия никого не поразила, не шокировала своей моральной невозможностью. Премьер вполне демократического Израйля (И. Шамир) подослал убийц в дом руководителя вражеской организации в Тунисе (Абу-Джихада). А ведь речь во всех этих случаях шла о санкциях на убийство! Поэтому простое негодование по поводу сталинского террора не может само по себе произвести искомого авторами впечатления на читателей. А вдруг так было нужно в государственных интересах? — говорят в публике. — Ведь не идиот же был Сталин, чтобы ни за что — ни про что уничтожать собственную армию! Он был —

напротив — великим политиком своего времени, переигравшим за столом переговоров Черчилля и Рузвельта, Гитлера и де Голля. Если не дать читателям возможности достоверно и глубоко, вместе с историками, вникнуть в мотивы его преступления, если не попытаться оценить и жертвы, и достигнутые результаты, затраты и успехи — то урок разоблачений сталинизма грозит остаться столь же поверхностным и преходящим, как бывшие попытки самих сталинцев уничтожить репутации их политических противников.

С этой точки зрения богатая по фактологии, благородная по намерениям книга “Измена родине”, по моей оценке, не вполне достигла поставленной авторами цели. Но ее недостатки не есть чисто авторские погрешности, они суть свойства, характерные для всей системы общественного сознания России 70-х гг. Лишь в последние годы оно начало понемногу изживать их — и то лишь в работах самых глубоких мыслителей этой страны. Поэтому не в укор авторам делаю я свои замечания и выше, и ниже, но, скорее, как своеобразное добавление к их полезному и честному труду.

* * *

Итак, я предлагаю вашему вниманию несколько исторических гипотез, в которых пытаюсь объяснить мотивы и специфику действий Сталина, описанных в “Измене родине”. Гипотезы будут основаны как на фактах, приведенных в этой книге, так и на сопоставлении с ними данных из других исторических источников.

Начну, пожалуй, с нескольких “образов”, чтобы в финале охарактеризовать общие авторские установки.

Очень типичной для многих “семидесятников” является, например, преклонение авторов перед героикой революции (“комиссары в пыльных шлемах” и прочее).

Невозможно, например, отрицать, что авторы “Измены родине” симпатизируют “вождю Красной армии” Льву Троцкому.

Надо признать, что обаяние этого деятеля действительно поражает, когда читаешь исторические источники, — В. Рапопорт и Ю. Алексеев встали в самый конец длинной очереди.

Помню, как в книге бывшего палестинского генсека И. Бергера, отсидевшего в ГУЛаге почти два десятилетия, а потом ставшего профессором в религиозном университете в Тель-Авиве, в кни-

ге, написанной им в 1970 г. (!) говорилось об уже наметившемся тогда "застое" в СССР: "Может быть, если бы был жив Троцкий, он смог бы предложить какой-нибудь план перспективного развития"⁶. Ну, предположим, И. Бергер все-таки был бывшим коммунистом, потому идеализировал способности коммуниста Троцкого; но А. Столыпин, сын бывшего российского премьера, известный французский литератор, еще позже, уже в конце 70-х гг., писал о Троцком как об "оживленном и внимательном собеседнике, тонком наблюдателе, хорошем журналисте... не просто марксистском начетчике, а человеке, способном к политическому предвидению"⁷. Презиравший большевизм Марк Алданов, блестящий публицист и известный эмигрантский писатель, писал о "залитом кровью Троцком" как о "прекрасном журналисте, почти со всеми достоинствами журналиста"⁸. Видный большевик и советский дипломат Нагловский, ставший "невозвращенцем" и ненавидевший Троцкого за позерство, за холодную, театральную жестокость, сквозь зубы отметил, что из всех большевиков только Троцкий и Красин могли стать министрами в любом европейском правительстве. Для Уинстона Черчилля Троцкий — персонаж из книги, названной "Великие современники".

Все это здесь упомянуто, чтобы показать: В. Рапопорт и Ю. Алексеев оказались в очень известной компании. Для них характерно изображение Троцкого *"революционером"*. (Курсив авторов — М. Х.). Революция была господствующей страстью его жизни" (стр. 133). Отсюда следует эпизод, когда этот благородный революционер спас жизнь Чернову, вырвав его из лап матросиков, будущих "кронштадтцев". Правда, позднее он проиграл дипломатическую игру в Бресте, но даже это записывается в книге революционеру в плюс: "Троцкий не годился для интриг и маневрирования" (стр. 134). Не годился он и для неприличной с точки зрения наших авторов борьбы за власть: "Это никак не была борьба за личную власть, как пытаются представить официальные историки, это протест против реальной агонии революционного духа... неисправимый революционер клеймит своих бывших товарищей по борьбе, размякших, овельможившихся, обюрократившихся" (стр. 136). Как видите, неисправимый революционер обаял-таки авторов!

Именно таким сам Троцкий и хотел выглядеть в глазах потомков. Но если обратиться к оценкам более объективным, оценкам современников из числа его умеренных политических про-

тивников, то увидим, что они-то ценили в советском наркоме другие качества. Меньшевик Суханов, или видный масон Маргулис (бывший министр в правительстве Юденича), или уже упоминавшийся “невозвращенец” и, кстати, сын царского генерал-адъютанта Нагловский — все они отмечали как главное достоинство Троцкого, позволившее ему, чужаку, выдвинуться на самый верх большевистского руководства, не его “революционность”, которой в обилии обладали старые соратники Ильича, а как раз напротив — государственные таланты создателя и администратора, потребовавшиеся Ленину в решающий час, когда тот принял решение захватить Большую Казенную печать. В качестве иллюстрации к этому тезису я выберу, однако, не цитату из политического сочинения, а несколько предложений из сатирического рассказа А. Аверченко “Короли у себя дома”, показывающего, как талантливый писатель-современник (ведь в прозе отражаются глубинные настроения общества) воспринимал тогда вождей большевистского движения. Ленин и Троцкий изображены у Аверченко в виде супружеской пары: “Троцкий, затянутый с утра в щеголеватый френч, обу́тый в лакированные сапоги со шпорами. ...Ленин — madame, затрепанный халатик, на шее нечто вроде платка, на ногах чулки от ревматизма”. Троцкий отчитывает супругу: “Муж и воюй, и страну организуй, и то, и се, а жена только по диванчикам валяется, да глупейшего Маркса почитывает. Эти романчики пора оставить”⁹. Конечно, Аверченко не имел никакой информации о действительных отношениях в большевистской верхушке, но в его рассказе отразились типические представления современников о Троцком как главном “государственном муже” (“муж и воюй, и страну организуй”). В качестве подтверждения распространенности таких представлений могу напомнить и оценку тупого, как сапог, но все же Главкома-Воеводы и Генерального Штаба офицера М. Дитерихса, писавшего об “отрицательной гениальности человека-демона”, который был “тайным главой советской власти” в противовес мягкому и склонному к уступкам Ленину — все это на полном серьезе!¹⁰

А зато именно как революционер Троцкий проявил себя в истории банкротом, когда, имея в подчинении армию и опираясь на громадный авторитет в среде партийных работников, проиграл Сталину. Проиграл именно потому, что не посмел стать революционером, выбрав взамен легальную оппозицию и дискуссию. (“Нет никакого сомнения, — признавал он сам спустя десятиле-

тие, — что произвести военный переворот против фракции Зиновьева, Каменева, Сталина и пр. не составляло бы в те дни никакого труда и даже не стоило бы пролития крови; но результатом такого переворота явился бы ускоренный темп развития... бюрократизации и бонапартизма”¹¹. Б. Бажанов, наблюдавший ситуацию из противоположного, сталинского лагеря — он был тогда помощником генсека — подтвердил анализ Троцкого. Но последнему, видимо, в голову не пришло, что ему позволено “использовать” чуждых по духу генералов-военных как союзников для захвата власти, а потом повернуть партию против них, как это делали бы подлинные коренные большевики — Ленин против кайзера Вильгельма или Сталин против Бухарина). Можно напомнить, как после Октября Троцкий сразу предложил остаться на службе в НКВД всем видным чиновникам даже царской еще дипломатии (воспоминания об этом одного из них, Лопухина, опубликовал парижский альманах “Минувшее”¹²); или отстаивал мобилизацию на высшие армейские посты старых офицеров, вопреки малограмотным самородкам, захватившим власть в армии в Октябре и не желавшим ею поступиться — вроде Ворошилова, Голощекина, Сафарова и др. (Троцкий, кстати предполагал, что за их спинами скрывался уже тогда интриговавший против него Сталин). В 20-х гг. вспыхнула дискуссия о главной военной доктрине: сторонникам Свечина, утверждавшим, что опыт минувшей войны вытекал из логики современной военной ситуации и потому Россию ждет и в будущем такая же война на измор, противостояли лихие революционные командиры — идеологи “сокрушения врага” (это “сокрушение” пленяло “молодые кадры”, — что Тухачевского, что Гудериана!). Поддержал ли предРВС “классово близкие ему кадры” в армии? “Троцкий, не ввязываясь в спор, ратовал за основательную подготовку к войне и предостерегал от пренебрежения обороной” (стр. 157). Хотя Свечин-то и его сторонники вряд ли были ему благодарны, ибо, как писал Маяковский:

Офицерам Суворова, Голенищева-Кутузова,

Благодаря политикам ловким,

Подчиняться какому-то Бронштейну бескартузому,

Какому-то бесштанному Левке? (поэма “Хорошо”)¹³

— но уж зато симпатии “красных командиров” пред РВС тогда же наверняка потерял: по детским воспоминаниям К. Симонов, сын краскома, писал, что в армии с удовлетворением встретили

отставку Троцкого. Далее: знаменитый “левак” почти за год до Ленина предложил ввести НЭП (стр. 96) и согласился на резкое сокращение армии и перевод собственных кадров в распоряжение ЦК, т. е. Сталина (стр. 137). Он позволял себе откровенно третировать паникеров и болтунов в большевистском и военном руководстве (например, любимца Ленина — Зиновьева) — словом, Троцкий вел себя в политике, будто был не революционером-узурпатором, а легальным обладателем власти, вроде американского президента, выигравшего каденцию и имеющего право назначать на тот или иной пост любого, кто ему казался наиболее подходящим для совместной работы — для работы, а не для угождения боссу.

(В этом месте трудно удержаться от искушения и не сделать виток в сторону от основного сюжета. И успехи, и неудачи Троцкого, мне кажется, были обусловлены его чутьем к использованию легальных, государственных схем развития исторических событий. Взять хотя бы классические случаи его “измен”. Накануне Октября Ленин закатывает истерики, требуя немедленного начала вооруженного восстания и, в первую очередь, в Москве, а не в Петрограде, ибо там все “готово”. Он наталкивается на поразительную инертность собственного ЦК и актива, потому что эти люди, имеющие, в отличие от скрывающегося вождя, контакт с массами, знают: по приказу партии вряд ли удастся вывести на борьбу хоть один батальон. Но на его стороне — Троцкий. Вместо открытой большевистской атаки на власть, к чему призывает Ленин, он прикрывает свои подрывные действия легальной необходимостью защиты открывающегося 25 октября съезда Советов; этой формальной легальностью и оборонительной позицией он “пудрит мозги” как соратникам, так и противникам, он ведет свои полки на бой, чтобы обеспечить... ха! — созыв Учредительного собрания — и в результате захватывает власть де-факто и не 25 октября, как сам об этом объявил, а уже 22-го: Ленину, явившемуся в Смольный к назначенному сроку, власть над Петроградом поднесли на блюдечке! “Готовую же к восстанию” Москву пришлось завоевать по схемам ленинского вооруженного восстания целую неделю; без предварительного захвата Петрограда она наверняка так бы и осталась в руках юнкеров...

Другой, противоположный пример — переговоры в Бресте. Троцкий высчитал наилучшую позицию за противника: германским генералам сейчас необходимо любой ценой развязать руки на востоке, оставив себе захваченную там богатую добычу (Польшу и юг

Прибалтики) и сохранить при этом в глазах собственного народа, измотанного почти четырехлетней войной, репутацию защитников отечества от империализма Антанты. Единственный, — не лучший, а просто единственный для них вариант — это сосредоточить все снятые с востока войска на западе и успеть нанести во Франции решающий удар до высадки там американской десантной армии. Только так можно если не выиграть, то хотя бы свести вничью мировую войну! Неужели этого не понимает его партнер — “умный, гибкий, с утонченными манерами, ...озабоченный исходом войны” статс-секретарь рейха фон Кюльман?¹⁴ Соответственно, Троцкий предложил ему то, в чем фон Кюльман должен нуждаться и что обязан был взять за любую, по мнению Троцкого, цену — “ни войны”; а себе оставил нужное большевикам “ни мира”, чтобы избавиться от опасного клейма “германских агентов”. Троцкий знал, что “австро-венгерская армия истощена (еще 24 октября Австро-Венгрия прислала Временному правительству предложение сепаратного мира. — М. Х.), болгарская армия и нация в состоянии изнеможения. Турция еле дышит. В Германии проявляются признаки крайней усталости”¹⁵, — такой фиксировал ситуацию начальник имперского генштаба Людендорф, а он, Троцкий, предложил фон Кюльману прекратить войну на том именно фронте, где действуют австро-венгерские, болгарские, турецкие армии... Вроде все правильно высчитал — за противника и за себя, но прав-то был Ленин, предвидевший низменность натуры германских хищников, их патологическую жадность империалистов, заставившую, вопреки истинным государственным интересам Германии, двинуть войска на Украину, в Прибалтику, маршировать “нах Кавказ и Туркестан”, пока, наконец, западные союзники успели высадить американскую армию в Европе, и деморализованный подлостью собственных владык немецкий народ рухнул в пропасть Версаля. Но попробуй высчитать, мог бы возразить нам из прошлого тогдашний советский наркоминдел, что опытные немецкие дипломаты-аристократы предпочтут предложенной им ничьей перспективу стопроцентного мата!)

Вот как характеризовал Троцкого, пожалуй, самый беспощадный из его биографов-современников, француз Пьер Фервак: “Этому человеку свойственно понятие чести, и, может быть, он единственный в революционной когорте, кто заслуживает такой похвалы. Для Ленина чести не существовало, и главным было осуществление того или иного замысла... Но вот нечто парадок-

сальное: у Троцкого есть известное чувство привязанности к родине, что не было присуще Ленину ни в коей мере. Уточним нашу мысль: родина Троцкого есть явление чисто мессианское. Если этот еврей предан России, то лишь потому, что эта страна сделалась первой крепостью революции. Но он однако заботится, чтобы оберегать родину, тогда как Ленин относится к этому без зазрения совести".¹⁶

Читатель может спросить: зачем я так долго рассуждаю об особенностях второстепенного для "Измены родине" персонажа? Открываю замысел: мне представляется, что именно в неверной оценке его недостатков и достоинств таилась логическая пружина действий другого и уже главного персонажа книги — Иосифа Сталина. Мне думается, что без правильного понимания особенностей поведения и тактики Троцкого не понять секрета главного сюжета — истории гибели офицерско-генеральского корпуса РККА в 30-х гг.

Итак, мы предположили и постарались доказать, что "вождь Красной армии" страдал "государственным подходом" к явлениям и людям. А теперь посмотрим, что же происходило с армией, когда ее вырвали из его рук и хозяином войск стал "Ленин сегодня" — Сталин. Ему-то и посвящены главные эпизоды книги.

С удивлением убеждаемся, что гениальный, хотя и злодейский политик изображен авторами совершеннейшим болваном, поведение которого диктуется инстинктивной тягой к любому, часто бессмысленному преступлению. Ну, просто из одного удовольствия побывать злодеем! Словно найден, наконец, тот самый "Иудушка", роль которого некогда исполнял в истории Лев Троцкий.

Начал свою военную деятельность новый хозяин с якобы бессмысленных перетасовок высшего командного состава (например, Тухачевского, боевого командира, назначили почему-то начальником Генштаба): "Делалось это в огромной мере на всякий случай..." (стр. 151). Гм-гм! Тухачевский, ознакомившись с общим положением всей армии, сообщает вождю об острой нехватке вооружения: "Танки, самолеты и автомобили можно было пересчитать по пальцам" (стр. 152), и даже винтовок не хватало. Сталин накладывает резолюцию: "Ахинея". В знак протеста Тухачевский уходит из генштаба, повторно сообщив о требованиях армии. Сталин реагирует: это курс на милитаризацию страны, и ни один марксист в здравом уме на это не пойдет. Все это про-

исходит в 1927—30-м гг. Но вдруг летом 1930 г. “обнаружились признаки серьезного переворота”: первым замом к Ворошилову назначают “сторонника прогрессивных преобразований” Гамарника, потом вторым замом — еще более “прогрессивного” Тухачевского, того самого, которого только что выслушать не желали, — и темп милитаризации страны стремительно убыстрится. Хотя почему — непонятно, ибо, если верить авторам, “сам Сталин собирался воевать без затей — шашкой и винтовкой, и, конечно, наступать” (стр. 227). Тем не менее, как бы вопреки горскому дундуку, “переворужение армии пошло полным ходом и на солидной основе... Нигде, пожалуй, созидательный энтузиазм пятилеток не проявился с такой силой, как в конструировании самых совершенных образцов вооружения”... “вопреки всем препонам и трудностям — объективным и сконструированным сталинским руководством — РККА середины 30-х гг. была великолепная, первоклассная армия, лучшая в отечественной истории. На ту пору самая передовая армия Европы и, безусловно, самая думающая” (стр. 241). А потом этот болван Сталин вдруг зачем-то взял да и уничтожил выпестованных командиров. Единственная причина для столь странной акции, которую нам сообщают: “недоучившемуся бурсаку, равшемуся в корифеи всех дел и занятий, никак не могла импонировать РККА, где еще гнезвился революционный дух. Особенно не по душе ему были высшие командиры — чаще всего молодые, интеллигентные, с собственными взглядами, в которых он просто не мог разобраться. Недаром он их всех уничтожил — даже тех, кто приплясывал под его дудку” (стр. 243). Что за ахинея, как выразился бы т. Сталин! Да разве самодержец партии и государства не мог просто выгнать кучку лично ему неприятных командиров и заменить их обрадованной кодлой послушных службистов, которых всегда и всюду ему хватало...

Но если факты изложены авторами верно (а они изложены верно), почему все-таки Сталин повел в отношении армии такую, на первый взгляд, противоречивую политику: сначала антимилитаристскую; потом ультрамилитаристскую; потом уничтожил превосходный офицерский корпус; потом восстанавливал его в пожарном порядке, с огромным трудом до и, главное, в разгар войны? Что за всеми этими поворотами таилось? Серьезных ответов книга не дает, и в этом, по моему мнению, состоит ее большой недостаток.

Не только наши авторы, но и многие историки и политики оценивали Льва Троцкого как человека, прежде всего, революционного слова и фразы, но не конкретной политики.

“Троцкий был превосходным оратором, — писал М. Джилас, — блестящим, искусным в полемике писателем; он был образован, у него был острый ум. Ему нехватало одного: чувства действительности”¹⁷

Откуда взялось это распространенное мнение? Вот примеры: прочитав в статьях Бажанова, что Сталин непременно попытается его убить, Троцкий не поверил ему и лишь после совершившегося покушения глубокомысленно заключил, что, видимо, помощник Сталина уже в середине 20-х гг. что-то про такие замыслы узнал. Бажанов в ответ развеселился: нет, конечно, тогда при нем подобных планов не обсуждали, но неужели, столько лет проработав рядом с генсеком, “Троцкий так и не понял моего Сталина”?¹⁸ Другой пример: узнав, что его обвиняют в организации убийства Кирова, Троцкий саркастически написал, что 1.XII. 1934 г. он думал о Кирове столько же, сколько о каком-нибудь из китайских генералов. Эка, восьмой номер в политбюро! Но ведь в реальной (а не официальной) структуре власти Киров считался третьим человеком в партийной номенклатуре (после двух других “старших секретарей ЦК”, Сталина и Кагановича), а поскольку вторым значился еврей, то Киров являлся де-факто партийным крон-принцем. Учительница тех лет передавала мне разговор с коллегой в школе: “Кто сменит товарища Сталина?” — “Да пожалуй, Сергей Миронович не уступит Лазарю Моисеевичу”... А бывший номер два при Ленине — эту раскладку политических сил, ясную даже рядовым учителям внутри СССР, ухитрился не заметить: раз у Кирова нет собственной политической платформы, он есть никто и звать его никак*. Неужели Троцкий действительно был наивным революционистом?

Что заставляет меня в этом сомневаться? Хотя бы то, что согласно тому же Джиласу, ни один политический деятель никогда не обходится без определенной доли лукавства и уж, конечно, тем более не мог обходиться без него политический деятель, бывший номе-

* Здесь Троцкий ошибался: как намекал И. Бергеру (Барзилау) сокамерник, ленинградский поэт Парфенов, автор известной песни “По долинам и по взгорьям”, вокруг Кирова, видимо, формировался зародыш общественного течения, которое через сорок лет назовут “Русской партией”. Но особо винить Троцкого в промахе нельзя: на поверхность эта тайная деятельность в Смольном не проникла, и за границей о ней узнать было невозможно

ром вторым в величайшей державе на планете. Троцкого историк С. Мельгунов называл "хитроумным Улиссом большевизма"²⁰. Но действительно, подобно некоторым из его тогдашних коллег (вроде Бухарина), Троцкий страдал кардинальным недостатком, обрекавшим его в большевистской России на политическое поражение: не будучи революционером *par excellence*, он был убежденным, идейным коммунистом! Бывали же некогда крыловские времена — нам и поверить в существование таких людей трудно... Поясню эту мысль: люди подобного типа мыслили общественную жизнь в виде непрерывной войны (по их терминологии — "классовой"), поэтому и собственное общественное поведение выстраивали по военным нормам: жестокость убийств, культ истребления врага, взвинченную беспощадность на поле битвы и равнодушие к каждому, кто бесполезен в ходе схватки, — все эти нравы самой жестокой из войн, гражданской, они распространяли на любой мирный период. "Если, вообще говоря, война есть продолжение политики, — цитировал Троцкий Клаузевица в "Правде" от 20.11.1919 г., — то для нас война является продолжением революции". Иными словами, при всей несимпатичности облика, они оставались людьми жестокой военной философии, а не паханами мафиозных кланов, как многие из их сотрудников и соперников. В литературе эта разница типов наиболее ярко обрисована в "Архипелаге ГУЛАГе", где автор беспощадно бичует себя за офицерские качества: черствость, ограниченность, беспочвенное высокомерие, даже за моральную трусость (типичный синдром Троцкого), но он же, и тот же самый, все-таки с ужасом и справедливым отвращением оглядывается на "двуногих горилл" в своем первом вагонзаке. Что ни говорите, но невозможно представить Ленина, подсылающего убийцу в Кремль к лидеру "левых коммунистов" Бухарину, как и Бухарина, бросающего Ленина в арестную камеру. Даже Дзержинского не могу представить изготовляющим фальшивую справку, чтобы, к примеру, погубить идейно-сомнительную Розу Люксембург (а, согласно данным чешских архивистов, руководители МГБ подсунули изготовленную ими фальшивку Сталину, чтобы вырвать у него санкцию на казнь Сланского). Короче, ленинско-троцкистская команда верила, что на войне (а они видели мир только в форме перманентно воюющего общества) их преступления как бы дозволены военными правилами ("война все спишет"), и в случае победы они, победители, будут оправданы на суде истории.

Все это имеет отношение ко многим эпизодам, обсуждаемым в "Измене родине". Например, своего "симпазана", Троцкого, авторы упрекнули, что, протестуя против репрессий, направленных на старых коммунистов, он не нашел ни слова для осуждения жестокостей коллективизации и террора голодом. Если принять вышеописанную схему, упрек становится нелепым: для Троцкого, как и для Сталина, коллективизация и террор голодом были войной — войной коммунистического режима с крестьянством! Троцкий достаточно резко осуждал Сталина за то, как тот ведет эту войну, и даже за то, что он вообще ее начал, указывая, что потери собственной армии громадны, а выгоды ничтожны. Но, действительно, за жестокость он Сталина не упрекал: война есть война. Он вовсе не напоминал того еврея из анекдота, который, впервые попав под обстрел, высунулся из окопа и как нормальный человек закричал в сторону противника: "Вы что, с ума сошли? Здесь же живые люди!" Зато Троцкий одновременно не понимал, как можно, поспорив с коллегой о проведении операции, подослать к нему в штаб снайпера и снять выстрелом в затылок: такая "борьба" у военных все-таки не принята...

Все эти послышки должны привести моего читателя к следующему выводу: Троцкого современники и историки считали политиком, "лишенным чувства действительности", потому что он мерял действия и планы Сталина своими, классово-военными категориями. На место соперника он, как часто делают игроки, подставлял самого себя, собственные критерии возможного и должного, поражения и успеха. И естественно наталкивался на неожиданные и, более того, непонятные ему ходы Сталина, мыслившего ситуацию принципиально в иных категориях.

В этом случае логично сделать и уравнивающее предположение: **Сталин тоже подставлял самого себя на место главного противника и мерял планы и методы Троцкого собственными, сталинскими моделями.**

С помощью подобной гипотезы можно объяснить некоторые, иначе загадочные исторические сюжеты. Например, решение выдворить Троцкого за границу — совершенно несвойственное обычно Сталину. Ведь про себя-то Сталин знал, что выдворенный, лишенный аппарата, денег, политического влияния и даже личных секретарей, он превратится в общественный нуль. (Характерная деталь: отпустив Троцкого за границу, даже с семьей и архивом, Сталин одновременно принялся свирепо уничтожать — не его со-

ратников, а, прежде всего, личных секретарей). Кто платит, тот и заказывает музыку, про свою команду Сталин знал это точно — отсюда для него вытекало, что на Западе Троцкий будет плясать под скрипку “газетных королей”, станет подпевалой “буржуев” и скомпрометирует себя внутри России полностью. Это же еще большее удовольствие: опорочить, втоптать в грязь, прежде чем уничтожить физически... (Думаю, что, выдворяя в 70-х гг. на Запад деятелей российской культуры, Брежнев с Андроповым тоже меряли их потенциал собственными возможностями — и собирались наблюдать духовную гибель изгнанников в высококонкурентном капиталистическом аду).

Эта гипотеза интересует меня здесь, поскольку в первую очередь ее можно приложить к сюжету “Измены родине”.

Сталин прекрасно понимал ситуацию, описанную в начале 20-х гг. Александром Амфитеатовым: “25-го октября совсем не пролетарий, а человек с винтовкой стал хозяином страны. Чудовищное антидемократичное и даже противогосударственное развитие армии поглотило золотой запас, продовольствие, рабочую силу и даже классовую политику большевиков”²¹. Оставить такую силу без опеки великий практический политик, разумеется, не желал. И если он пренебрегал ее интересами вплоть до самого 1930 г., то в его поведении должен был таиться не каприз бурбона, а большой политический смысл.

Приглядимся опять к двум типам политиков — к Троцкому и Сталину. Первый убежден, что марксистская схема, как палочка-выручалочка, автоматически дарует ему начальное превосходство над любыми специалистами. Поэтому самоуверенные троцкисты позволяли себе роскошь быть в конкретных делах прагматиками: необходимость прислушиваться к советам интеллигентов не унижала их, они не страдали комплексом неполноценности. Сокольников мог прихвастнуть на заседании Политбюро, что к разработке денежной реформы, оздоровившей рубль и сделавший его конвертируемой валютой, он привлек царских профессоров (“ни в коем случае не марксистов”)²². Пятаков не раз пробовал защищать царских же инженеров... Это вовсе не было проявлением некоего гуманизма, меня не следует подозревать в положительном отношении к троцкистам. Когда некие умницы-интеллигенты неотразимо доказывали большевикам, что те плохо разбираются в делах, троцкисты расправлялись с “буржуями” жестоко. Когда молодой адмирал Щастный, вопреки приказу наркомвоенмора, спас, а не уто-

пил Балтийский флот, проведя его через льды из Гельсингфорса в Кронштадт, Троцкий сам потребовал для послушника его приказов смертной казни (которая, заметим, формально была отменена еще ВЦИКом): ведь своей победой Щастный унизил его, верховного! Зато когда комкор Миронов раскаялся в своем бунте, Троцкий телеграфировал в трибунал (текст телеграммы приведен в книге): "Отчет о мироновском процессе наводит на мысль, что дело идет к мягкому приговору. Ввиду поведения Миронова полагаю, что такое решение было бы целесообразным. Медленность нашего наступления на Дон требует усиленного политического воздействия. Для этой миссии, может быть, можно воспользоваться Мироновым" (стр. 80). Т. е. действия людей типа Троцкого характеризовались отнюдь не гуманностью или благородством, но все-таки определенной политической целесообразностью. Как мы знаем, советский режим часто страдал как раз от жестокостей и зверств, в которых не имелось социального смысла и для самой правящей партии — отсюда становятся понятными воздыхания стариков по "ленинским", т. е. хотя бы как-то политически осмысленным действиям!

Сталина же старики часто называли "азиатом". Это определение верно в одном отношении: в Азии до сих пор политические группы формируются не столько вокруг той или иной доктрины, но скорее на принципе личной преданности партии тому или иному лидеру²³. Именно руководствуясь не пригодностью к делу, а прежде всего преданностью себе как руководителю, способностью того или иного аппаратчика абсолютно точно выполнять его, Сталина, волю, тот и расставлял людей по аппаратным клеточкам. Остальное, считал он, приложится в процессе практической работы: коммунист должен научиться делать все!

Это значит — если наша гипотеза верна — что Сталин, высоко ценя Троцкого как политика, должен был представлять его действия похожими на свои собственные (тем паче, что Троцкий, как всякий практический политик, тоже наверно, расставлял лично преданных людей в нужных узлах власти). Но отсюда вытекает, что Сталин неизбежно должен был видеть в армейских командирах "людей Троцкого", посаженных на посты для укрепления влияния председателя РВС. Поэтому-то в период активной борьбы с троцкистской оппозицией (1925—30 гг.) вождь не желал никакого укрепления группы, потенциально принадлежавшей к лагерю Троцкого: отсюда его антимилитаризм в эти годы.

После высылки Троцкого из страны ситуация меняется. 21 декабря 1929 г. военным предъявляется ультиматум в виде статьи Ворошилова "Сталин и Красная армия". Получив этот плевок в физиономию, они покорно утерлись, изъяснив тем самым, подобно бывшим троцкистам (Пятакову, Розенгольцу, Радеку и др.), готовность перейти на сторону победителя. Тогда-то Сталин приложил максимальные усилия для завоевания на свою сторону сильнейшего рычага власти — армии. И начался его ультрамилитаристский период.

Когда же в 1935 году встал вопрос о тотальном уничтожении всей прошлой партийно-государственной структуры (объяснение причин этой "революции сверху" выходит за рамки нашей статьи), то ликвидация офицерско-генеральского корпуса, как "людей Троцкого", неизбежно вошла в "повестку истории". Не в интеллигентности или революционном духе командармов и комкоров было дело: Блюхера или Ковтюха, Кутякова или Федько уничтожали так же, как Свечина или Тухачевского! Не я первый придумал гипотезу о причинах таинственного, на первый взгляд, тотального уничтожения армейского руководства. Вот что сказал в конце 60-х гг. писателю Юлиану Семенову в лесу, на приокской охоте, т. е. вдали от глаз и ушей людских, маршал В. И. Чуйков: "Вообще всех наших первых маршалов и командармов, даже Ворошилова с Буденным, по логике тех лет можно было считать троцкистами... Лев Давыдович утверждал в должностях, кто же еще, конечно, он народный комиссар по военным и морским делам... Только Климент Ефремович со времен Царицына работал вместе с Иосифом Виссарионовичем... А Тухачевского в Царицыне не было, да и Блюхера с Якиром и Примаковым — тоже, на других фронтах воевали, вот их и шлепнули в одночасье... Да... Все, абсолютно все высшие командиры времен гражданской войны были открыты и назначены не дядей Васей, а РВС... Вот вы, писатели, об этом напишите, а не о председателях колхозов"²⁴.

Выполняя просьбу покойного маршала, я формулирую первую свою гипотезу: **зигзаги сталинского отношения к армии и особенно разгром всей командной структуры РККА в 1937–38 гг, имели причиной сталинское восприятие офицерства, особенно высшего офицерства, как "людей Троцкого", получивших свои должности из рук его злейшего врага и в душе преданных бывшему боссу, а потому ненадежных и для новых задач, и для новой политики.**

(Окончание следует)

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ТЕКСТОМ

ПОСВЯЩАЕТСЯ
НИЛИ МИРСКИ

Майя Каганская

БЕЛОЕ И КРАСНОЕ

(предисловие к израильскому изданию романа М. Булгакова "Белая гвардия", вышедшему в изд-ве "Симан-Крия" в переводе Нили Мирски)

Не велик и не особенно страшен был год тысяча девятьсот двадцать пятый, от начала же революции — восьмой. Как после затяжного беспробудного запоя, поднималась страна, дико поводила мутными глазами, харкала по утрам недопролитой кровью, по ночам вскакивала в холодном поту: победителям снилось, что не они победили, недостреленным побежденным — что их расстреляли. Но днем и те, и другие, — те с энтузиазмом, другие покрхтывая, — строили Новый Мир и понимали, что к старому — слава или не слава Богу, хочешь — не хочешь, как не верти, а ворота не будет. И природа смирилась с новой властью: вместо сплошной революционной выюги и гражданской зимы опять повадились омыывать город грозы, становился сладостен воздух, и душа как-то смягчалась, и жить хотелось. Осенью шел дождь, за окном выл ветер и жить не хотелось совсем. После осени — белая пушистая зима, после зимы — весна, а там, глядишь, опять лето.

Таков был год 1925-ый. И вот, во весь этот год, в разных местах Москвы — редакциях, ресторанах, театрах, на вечерах

литературных и семейных и, по слухам, даже на скачках — мелькал странный человек. Иностранец не иностранец, гражданин не гражданин, товарищ не товарищ, сказать бы — “господин”, кабы не было это слово упразднено и объявлено вне закона: нет больше господ, все сравнились, а кто нам не товарищ, — тот нам серый волк. Но не походил странный человек и на серого волка. Был он светлый блондин, худошав, гибок, весь в острых углах, глаза имел прозрачносерые, по другим свидетельствам — водянистые. Одет же был... Нет, не поднимается рука описать, как он был одет: страшно за человека!.. Ловко сидела на нем лихо отглаженная черная пара, на воротничке — крахмальном! — черный же галстук-бабочка, на ногах туфли лакированные, сверкающие, и в довершение ко всему — монокль. Да-с, монокль. Не очки в металлической оправе, как у пожилого пролетария, пусть бы в золотой, как у демократа Н. Г. Чернышевского, даже не пенсне, как у товарища Троцкого и писателя Чехова, а — монокль. Таинственный человек иногда грациозно выкидывал монокль из глазницы и, поигравши шнурком, вставлял вновь, но — представьте! — уже в другой глаз!! Опустевший же смотрел мертво и презрительно. Тут и недогадливый догадывался, что незнакомец носит монокль не от недостатка зрения, но от избытка презрения.

Короче: Михаил Афанасьевич Булгаков, весь, от макушки с безукоризненным пробором в напомаженных волосах до лакированных кончиков ног, являл собой образ классового врага, живого, несмотря на революцию, неврежденного, вопреки гражданской войне и — плевок в лицо пролетарской диктатуре! — почти преуспевающего: он только что опубликовал в журнале “Россия” две части романа “Белая гвардия”, третья, правда, появится спустя сорок лет, но тогда, в 1925-ом году, и двух частей хватило, чтобы лучший в столице, стране и мире Московский Художественный театр предложил автору переделать роман в пьесу.

Меж тем, и в романе, и в пьесе по нему “Дни Турбиных” содержался вызов куда более дерзкий и смертельно опасный, чем в проборе, галстук-бабочке и монокле, взятых вместе с манерой автора прибавлять в речи “словоерс”: “так-с”, “нет-с”, “позвольте-с” и по-офицерски щелкать каблуками при встречах и прощаниях.

Прошло всего три года после окончания гражданской войны. Красная армия еще не износила сапог, в которых топтала и рас-

топтала армию Белую. Было время, о котором жизнерадостно пелось в одной из советских песен:

На Дону и в Замостьи
Тлеют белые кости,
Над костями шумят ветерки...

И вдруг, сначала на страницах романа, а потом на сцене театра восставшая из тлена "белая кость", одетая барской плотью, бренчит на пианино и гитаре, страдает, любит, умирает, одним словом — живет, и, что самое возмутительное, — вместе с ними, с "беляками", страдает, любит, смеется, умирает зрительный зал столько раз, сколько идет пьеса. А идет она несчетно. Полный аншлаг. Пропорционально восторгу зрителей нарастает шквал негодующих и ненавидящих статей, рецензий, выступлений. Гражданская война продолжается средствами литературы. Литературы уже вполне советской, беспощадной и безграмотной. Про театр, посмеявшийся сыграть пьесу о "добрых и милых белогвардейцах", писалось, к примеру, так: "МХАТ — это змея, которую советская власть понапрасну пригрела на своей широкой груди".

Карикатуристы изображали Булгакова не иначе как белым офицером. Но даже самые оголтелые критики и ненавистники Булгакова не думали, что он действительно был офицером Белой армии, — они лишь хотели разоблачить его идейно, вывернуть "белым нутром" наружу, то есть показать, что он духовно близок своим героям. Страшная же для писателя правда заключалась в том, что с 1918-го по начало 1920-го года он защищал "дом Турбиных" с оружием в руках. Он скрывал это при жизни, а все три его жены и после его смерти. Но сегодня советские историки открыто публикуют воспоминания первой из них, Татьяны Николаевны Лаппа:

"Был май месяц*. Михаил ходил еще с палкой, опирался на мою руку. В это время приехали коммунисты, какая-то комиссия, разыскивали белогвардейцев. И я слышу, как кто-то говорит: "Вот этот печатался в белогвардейских газетах". — "Уйдем, уйдем отсюда скорей!" — говорю Михаилу. Я вообще не понимаю, как он в тот год остался жив — его десять раз могли опознать".

* Дело происходило во Владикавказе в 1920 году. Тиф, внезапно сваливший Булгакова, помешал ему уйти из города с белой армией, откатившейся под натиском красных за Кавказский хребет.

Непостижимо, как в авторе "Белой гвардии" не опознали человека, на собственной шкуре испытывавшего ужас поражения и беззащитности одного проигравшего перед толпой озверевших победителей. Ведь только такой человек мог описать затравленный бег Алексея Турбина по улицам родного Города; как бьется в лапах рыжего дворника Николка Турбин; как толпа, одержимая сразу двумя революционными страстями — социальной и национально-освободительной — опознает и деловито расстреливает белых охвицеров-москалей...

Однако, как говаривал Воланд, "факты — самая упрямая в мире вещь": не поняли, не догадались. Да и в чью голову забредет подобное безумие? Белогвардеец, чудом уцелевший на Юге, объявляется в Москве, не меняя имени и фамилии, поступает на работу в железнодорожную газету "Гудок", печатает там фельетоны и подписывает их — Г. П. Ухов. За версту несло от псевдонима политической провокацией: ГПУ — Главное Политическое Управление, про которое последний московский извозчик знал, что оно, в свою очередь, псевдоним страшной организации, карающего меча пролетарской диктатуры — ЧК.

И — ничего. Сошло. Да не просто сошло: каждое утро железнодорожный пролетариат с нетерпением разворачивал свою любимую газету "Гудок" и первым делом искал в ней фельетон дорогого товарища Г. П. Ухова. К-а-а-к он начальника железнодорожных мастерских по морде — хрясь!.. Бюрократа, который прозодежду зажиллил, — хрясь! хрясь! Или вот: кипятку в титане нет, — что ж, рабочему человеку чаю не пить?!.. И хорошо становится рабочему человеку: болеет, ох, болеет за него душой Г. П. Ухов!

А дорогой товарищ Г. П. Ухов должность свою ненавидел (читателей своих, надо полагать, тоже) и по ночам, иногда до утренней зари, в убогой мансарде при тусклой лампочке, холоде и слезах писал автобиографический роман о своей и своего класса жизни и смерти. А потом бегал с рукописью по редакциям толстых журналов, пока в один из них рукопись не пристроил...

На что похоже такое поведение? А на то, как если бы сотрудник газеты "Гудок", Булгаков М. А., при полной офицерской форме, с трехцветным шевроном на рукаве, с той самой кокардой на папаше, которую так и не сорвал Алексей Турбин, вышел бы на Красную площадь, рванул на груди френч цвета хаки и закричал последним голосом: "Стреляйте, сволочи! Смотрите, как умирает русский офицер!! Вся власть самодержавию!!!!".

Ничего чересчур невероятного в нашей фантазии нет: и в каком же русском писателе не сидит герой Достоевского?

Но вот не фантазия, а факты: через десять лет после "Белой гвардии" написал Булгаков "Театральный роман", где изобразил свою дневную работу в газете, ночную — над романом, последующее превращение романа — в пьесу, а ее автора, то есть себя, — в пожизненного невольника и мученика театра.

"Театральный роман" не булгаковское название, а издательское. В рукописи он назывался так: "Записки покойника". В "Записках покойника" ("Театральном романе") Булгаков переименовал "Белую гвардию" в "Черный снег", причем ясно, что речь идет не о противопоставлении "белого" и "черного", но белого и красного: черен снег от крови. А чтобы было понятно чьей крови, — сообщаем первоначальное название "Белой гвардии": "Белый крест". Крест!.. Высокая обреченность, святое мученичество, распятие...

Короче: судя по всему, Михаил Булгаков искал смерти как офицер и бессмертия, как писатель.

И все же не будем преувеличивать и вспомним, что во всех этих странных превращениях жизни в роман, романа — в пьесу, пьесы — опять в роман, — участвовал, кроме Булгакова, еще один важный персонаж: Московский Художественный театр. И как-то не верится, что весь его творческий коллектив во главе со всемирно известным К. С. Станиславским возжаждал мученической смерти, для чего и поставил белогвардейскую пьесу "Дни Турбиных".

Издавна славился МХАТ своей особой чуткостью к веяниям времени. Не подвела она и на этот раз: 1925-ый — это не только восьмой год от начала революции и третий от конца гражданской войны, — он еще и третий год НЭПа. В свою же очередь НЭП — не просто "новая экономическая политика", но и вообще много чего нового, точнее — хорошо забытого старого: лососина, икра, балык в витринах и на прилавках магазинов, частных и кооперативных; частные и кооперативные пооткрывались издательства; в ресторане "Метрополь" опять запустили фонтан, а в него — живых форелей и налимов; в фойе московских театров снова появились городовые, то бишь — милиционеры и, как с удовольствием отмечал Булгаков в "Записках на манжетах", — мужчины во фраках.

Повеселел обыватель, встрепенулся недорезанный буржуй, — и вот уже в трамвае можно услышать прямую "контру": "Не лихайтесь, гражданка! Это вам не 18-ый год!"

Правда, вздрогнет иной раз обыватель, заслышав как, грозно

топая по развороченной мостовой деревянными подошвами, зали-
висто выводит комсомолия революционный гимн красных мат-
росов:

Эх, яблочко!
Да куда котишься?..
В Губчека попадешь —
Не воротишься!

Содрогается обыватель, но тут же сам себя успокаивает: “И
что ж, что яблочко? Яблочко только снаружи красное, а внутри-
то оно белое!”.

И дрогнула, зашаталась, пошла идейно бродить белая эмигра-
ция, особенно в голодном полузадушенном Берлине: чем лебезить
перед позавчерашним врагом, изо дня в день подсчитывать жалкие
пфенниги и учиненные большевиками обиды, — не достойней ли
протянуть руку Москве, поддержать молодое неопытное прави-
тельство? Русские мы или не русские?!..

В Берлине начинает выходить просоветская эмигрантская
газета “Накануне”. Спросите: накануне — чего? Разве не ясно? —
Накануне возвращения, возрождения и реставрации.

“Накануне” охотно печатает русских писателей, оставшихся в
Совдепии, особенно часто — “Записки на манжетах” и зарисовки
Булгакова: русская литература была, есть и будет единой и
неделимой. И вот — доказательство: “Накануне” свободно про-
дается в московских киосках. Но и этого мало: в самой Москве
открывается частный литературно-политический журнал “Россия”.
Не “Новый мир”, не “Октябрь”, не “Красная новь”, но — “Рос-
сия”. А ведь еще совсем недавно казалось, что страны такой боль-
ше не существует, была, да вся вышла, а на том месте, где была,
выросла другая страна, называется ЭРЭСЭФЭСЭЭР, и не выгово-
рить, слово какое-то собачье.

И потянулись обратно в Россию ее блудные дети — эмигранты:
из Берлина — символист, антропософ и мистик Андрей Белый, —
опасного псевдонима, заметим, на свою настоящую и вполне ра-
боче-крестьянскую фамилию — Бугаев — не сменил; из Парижа —
известный реалист, жизнелюб и певец дворянского умирания граф
Алексей Ник. Толстой; оттуда же, из Парижа, — Любовь Евгеньев-
на Белозерская, та самая, которой посвящена “Белая гвардия”,
вторая жена Булгакова.

В общем, как писал он в "Белой гвардии", с надеждой выводя универсальную формулу исторических процессов: "Вперед — назад. Вперед — назад"...

Иллюзии относительно наступившего с НЭПом "назад" у Булгакова, конечно, были. Не до такой степени, чтобы зарегистрироваться в ближайшем отделении милиции в качестве бывшего белого офицера, но достаточные, чтобы не только написать роман о белом офицерстве, но и посметь издать его, переделать в пьесу, а до публикации — читать рукопись вслух перед собранием братьев по перу.

И вот тут-то Булгакову пришлось убедиться, что, несмотря на фраки, налимов и журнал "Россия", советская власть держится, подавать в отставку не собирается и, безусловно, еще рванет и сильно рванет вперед. И убедила его в этом не диктатура пролетариата и не ее карающий меч ГПУ, а то, что сидящие перед ним литераторы, молодые, талантливые, уверенные в себе, — с той же искренностью и безоглядностью, с какой он поставил на "белое", — сделали ставку на "красное". Даже спустя полвека, в 1976 году, один из самых талантливых, удачливых и прославившихся участников булгаковских чтений, — Валентин Катаев, — не мог смириться с посмертно и неслыханно растущей — уже мировой! — славой Булгакова: "Он был для нас фельетонистом, и когда мы узнали, что он пишет роман, — это восприняли, как какое-то чудачество... Его дело было сатирические фельетоны... Помню, как он читал нам "Белую гвардию", — это не произвело впечатления... это казалось вторичным, традиционным... У него были устоявшиеся твердые вкусы... С виду был похож на Чехова".

(Точно так же два года спустя, но уже здесь, в Иерусалиме, Роман Осипович Якобсон никак не мог смириться с тем, что и мое поколение, и то, которое за мной, отвернулось от Маяковского в пользу Мандельштама. — Как же так? — говорил он, с ужасом и недоверием глядя на меня, — Как это случилось? Помню, хорошо помню, как Мандельштам читал нам свои стихи. Это не произвело впечатления... все было вторично, традиционно...)

МХАТ тоже воспринял прозу Булгакова как вторичную, традиционную, а, главное, "видом" похожую на Чехова, — и только поэтому ухватился за роман: за стеной тренькает гитара, у лампы с зеленым абажуром томится женщина... где-то что-то грохнуло: не то дверь, не то выстрел... входит горничная, вдруг — трах! бах! — в окне зарево, все бросаются к окну... Чем не 3-е действие "Трех

сестер"?! И вообще: Лариосик — вылитый Чебутыкин, Алексей Турбин и Мышлаевский — знакомая пара: Вершинин и Тузенбах. Господа офицеры.

Бесчисленно — по требованию мхатовского руководства — Булгаков переделывал пьесу: сокращал, ужимал, выбрасывал, вставлял... Особенно мучался с финалом, пока, наконец, привел все в надлежащий вид — за сценой мощный хор исполняет "Интернационал", господа офицеры вслушиваются в него, вытянувшись по стойке "смирно", лица их озарены надеждой...

Ничего подобного в финале "Белой гвардии" нет. Единственная надежда, озаряющая последние строки романа, — надежда эсхатологическая: "Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле".

Роман, как разоренный дом, зияет пустотами недописанных судеб, а если что и обещает главным героям, — так только новые страдания, кровь и смерть (в пророческом сне Елены Николка является с простреленной шеей, на лбу желтый венчик с иконками, какой надевают покойникам).

Но ни сокращения, ни компромиссы, на которые шел Булгаков, переделывая свой трагический роман в почти оптимистическую пьесу, ни особое покровительство, которое оказывали МХАТу кремлевские вожди, ни НЭП с его "перестройкой и гласностью", — ничто не спасло бы спектакль от цензурного запрета, если бы изначально не содержался в романе и пьесе приемлемый для власти разворот темы: белое сражается не с красным, а с "жовто-блакитним", противостоят друг другу не буржуи и пролетариат, не помещики и крестьяне, — противостоят великодержавность — сепаратизму, метрополия — колонии, Россия — Украине, Москва — Киеву. А для московских большевиков, как для любого русского правительства от Петра Великого до Михаила Горбачева, не было и нет угрозы более смертельной, чем украинский национализм.

...Со времени, о котором не помнят летописи, до наших дней, от Карпатских гор на западе до Гнилого моря на востоке, от Черного моря на юге до северных Припятских болот живет народ могучий и многочисленный, как песок морской, как звезды небесные — 50.000.000 к середине XX-го века, и никогда не было меньше! Синее и бездонное простирается над этим народом небо, тучная ему под ноги стелется земля: посадишь палку — вырастет дерево,

да не простое, а вишневое, уронишь в землю зерно, — и до края земли заколосится пшеница. А посреди дивной этой земли, текущей и медом, и сметаной, и горилкою, меж привольными берегами великая раскинулась река, как сонная красавица на пуховом ложе. Нет! только великому народу даются такие великие реки! Что от нее по правую руку, — то Правобережье, Левобережье же — по левую. Называется река — Днепр. Редкая птица долетит до середины Днепра. Пышный! ему нет равной реки в мире! Гордясь собою, ходят по той земле стройные чубатые юноши, по ихнему "парубки" или "хлопцы", водят хороводы девушки, по ихнему — "дивчата", все, как одна, красавицы, у каждой монисто на царственной шее, и лиловая от ресниц тень ложится на щеки... Жить бы такому народу, да радоваться: все у него есть! Одного нет — своего государства. Казалось бы, — ерунда, пустяк... Ну, что это, в самом деле, за цаца такая — государство?!

С другой стороны, много от такого отсутствия обид, и не тех обид, чтобы, так, плюнь и разотри, — а таких, от которых вареник с вишнями поперек горла становится. Одно название чего стоит — Украина?! Спроси любого русского—кацапа—москаля: что за слово такое — Украина? И любой русский—кацап—москаль тут же тебе и ответит: известно что, Украина — это окраина. Бреши, сучий москаль! Окраина чего — полутатарского Московского царства, которое само окраина? Двойная обида! А на самом деле, Украина — это перевод имени иранского племени "анты", то есть "передние", то есть дальше всех других иранских племен продвинувшиеся на Запад, а где Запад — там Европа. А другое название — другая обида: Малороссия. Спроси любого русского—кацапа—москаля: что такое Малороссия? Малороссия, — скажет, — это "малая Россия". А того не знает, татарская морда, что не Малороссия это, а — Малоросса, древний греческий город в устье Днепра. Вот и выходит, что украинцы по отцовской линии — потомки Кира, а по материнской — древние эллины. А, значит, и название Великороссия, и все величие русских только от того, что превратили они Малороссу в Малороссию.

Но обида горше всех обид — столица. Самой природой суждено было Киеву стать великой европейской столицей: как Сена в Париже, как Темза в Лондоне, так и здесь посреди города тихо и плавно несет свои воды река, сам же город разлегся на семи холмах — чистый Рим!.. Даже имена рек схожи: Днепр — Тибр. Но — не вышло. А почему не вышло, — про то должен держать ответ

чугунноликий всадник, грузно восседающий на чугуннозадой же лошади. Красен всадник на рассвете, черен на закате, но всегда, днем и ночью вытянутой рукой указывает он направление, по которому ведет свой народ. Точь в точь, как другой всадник — медный в имперской столице Петербурге. Только медный — император Петр Великий — указывает на Запад: кого воевать; этот же, чугунный гетман Богдан Хмельницкий, тычет булавой на северо-восток, на Москву, но ведет не воевать, а сдаваться.

Он и сдался в 1654 году, или, как принято в официальной русской историографии, — “присоединился”. О, стыд! О, позор!.. И даже не то стыд, что присоединился, а то позор, что памятник капитулянту и предателю вбит в самое сердце несбывшейся столицы.

С тех пор стал Киев городом не украинским, а русским. Ничего украинского не признавал в Киеве и Булгаков. Потому и не захотел вписать в роман настоящее имя города, в котором родился, учился, женился: в настоящем имени — Киев — есть привкус чего-то исторически и этнически двусмысленного, напоминающего местное наречие, сходное с пародией на имперскую речь: “— Как будет по-украински кот? — Кит. — А кит?..” Разве это язык? Не язык, а так, “мова”. “Мову” Россия теснила из Киева в предместья, из предместий — в слободки и дальше — в поля, степи... Вытесняла не только язык, но и время. Вот Булгаков пишет: “...наступил белый, мохнатый декабрь”. Неправда: в Киеве наступает не безличный двенадцатый месяц, а “грудень” — груды снега, белые сугробы в этом сказочном месяце окутывают город. Или вот: “Когда отпевали мать, был май”. Но не май это вовсе, а — “травень”, трава, травный месяц, травное царство. А за ним, за травнем, не лощеный Юний — июнь, не грозный Юлий — июль, но — “червень”, “липень”. “Червень” — от “червоный”, красный: в червне появляются первые красные ягоды — земляника, вишня; в липне же обморочно цветут в Киеве липы... Эх... Эх...

И переименовал Булгаков Киев — в Город. Но город с большой буквы — это Вечный Город, Рим: Марс — март, Аврелий — апрель, и самый имперский из всех двенадцати месяцев, не месяц даже, но ода, написанная на бронзовых листьях: август.

И роман называется не “Белая Армия”, — как принято именовать регулярные части, сражавшиеся с большевистской властью, — но “Белая гвардия”, ибо гвардия — это Империя. Вот и выходит, что петлюровщина — не что иное, как бунт давно покоренного

варварского племени, нашествие варваров на Рим, война мировой деревни против мирового города. И выглядят петлюровцы, как варвары: "черные в длинных халатах", на головах — тазы, в правой руке — пика, в левой — бунчук, проще говоря, — лошадиный хвост на палке. То ли гунны, то ли монголы. Рядом с благородными благозвучными именами — Турбин, Мышлаевский, Тальберг — фамилия петлюровского полковника — Болботун — звучит для русского уха так же смешно и дико, как какой-нибудь Вергенцеторикс рядом с Юнием, Юлием, Марком Аврелием...

На нынешней Украине Булгакова сильно не любят. А надо бы ненавидеть. Не за то, что вволю поиздевался над украинским национально-освободительным движением, а за то, что до Булгакова, этого русского—кацапа—москаля, не было Киева ни в украинской литературе, ни, тем более, в мировой. А чего нет в литературе, — того нет и в истории. Булгаков создал миф Города. И теперь он существует со всеми своими холмами, снегами, садами, светом зеленой лампы в окне.

Существует, как Лондон — Диккенса, Париж — Бальзака, как Петербург Достоевского. Только существует он как русский город — не как украинский.

Нельзя сказать, чтобы украинцы не пытались отвоевать обратно свою землю, к земле прирезать государство, к государству — столицу. Пытались и в ХУП, и в ХУШ веках — мечом, в XIX — мечтой. Ничего не вышло.

Или мало любили украинцы свою неньку — Украину?.. — Еще как любили!.. Всю душу извели в песнях о любви к ней. Или мало было на Украине рыцарей—казаков, готовых за нее отдать свою жизнь и взять чужую?!. — Нет, много было таких рыцарей-казаков, не иссякал у них порох в пороховницах, не притуплялись казацкие сабли, не утомлялась казацкая сила...

— Кто виноват?..

— Евреи виноваты!

Бывало, соберется в поход великое войско — воевать польскую красивую столицу Варшаву, отомстить ляхам за нагайки, нещадно гулявшие по украинским спинам, отобрать у схизматиков добрячий кусок отхваченного ими черноземного украинского пирога; или поворачивает войско коней туда, где сидит, раскинув свою пеструю шалку, таинственная Москва...

Ярче тысячи солдц блестят сабли, небо поднято на пики, лихо заломлены смушковые шапки с малиновым верхом, гремят песни,

грохочут литавры. Слава! Слава!.. Вдруг видит войско — жид бежит. За ним — другой, третий... стотысячный...

— Трымай его, хлопцы!..

“Эти слова были сигналом... Жалобный крик раздался со всех сторон, но суровые запорожцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в башмаках и чулках болтались на воздухе” (Н. Гоголь “Тарас Бульба”).

Вот так, в незамысловатых шутках, простодушных играх, в белозубом хохоте теряли романтические мечтательные украинцы силу, ярость, упорство, необходимые в столь кропотливом и неvesелом труде, как создание собственной государственности. Навеки была очарована Гоголем писательская душа Булгакова. Само собой — Пушкин, конечно, “Капитанская дочка”, с которой связь так бросается в глаза, что полезней отвести их в сторону, где размещаются “Мертвые души”. Именно к ним, к “Мертвым душам”, восходит композиция “Белой гвардии”.

Если стянуть все, непосредственно касаемое Турбиных, в роман “Семья Турбиных” (по типу “Семья Тибо”, “Семья Рубанюк”), — на долю “турбинского гнезда” придется не более трети общего текста “Белой гвардии”; остальное же отойдет к “поэме” (“лирические отступления”). Канцелярское слово “композиция” относится отнюдь не к технологической, ремесленной стороне литературы, но к самой таинственной, укрытой ее сущности. В композиции просматривается не то, как писатель оценивает мир (мировоззрение), но то, как он мир видит, устраивает: что — в центре, что — по краям, а что и вовсе побоку.

“Лирическое отступление” — это, прежде всего, отступление от человека в пользу всего, что больше, сильнее, да и поинтересней его, — в пользу Бога, дьявола, России, музыки (Гоголь), истории, культуры, Империи, смерти Империи, оперы (Булгаков)...

“Лирическое отступление”, к тому же, не обязательно отступает в лирику, но и в иронию, патетику, отчаяние, эсхатологию, а главное — в стиль, где отчаяние как раз и порождает иронию, даже юмор: “Да-с, смерть не замедлила... И в польской красивой столице Варшаве было видно видение: Генрих Сенкевич стал в облаке и ядовито усмехался”.

Есть, однако, у Гоголя вещь, которая биологически еще ближе “Белой гвардии”, чем “Мертвые души”: “Тарас Бульба”. Причина ясна: общее пространство действия (Украина, Киев), да и персонаж, если приглядеться, не тот же ли самый — казаки, вольнолю-

бывое воинство малороссийское?.. Из краткой встречи славного Кукубенки с Иисусом Христом — ("...И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под руки и понесли к небесам. Хорошо будет ему там. "Садись, Кукубенко, одесную меня!" — скажет ему Христос...") — произрос затажной, как прыжок, страшный и сладкий сон Алексея Турбина о беспрепятственно вливающих в райские ворота белых и красных армиях, дефилирующих перед престолом удрученного Бога...

Вся петлюровская рать под началом Болботуна или Вовка (порусски — волка), — это те же гоголевские Бульбы, Закрутыгубы, Балабаны, очнувшиеся после исторической и литературной лентаргии и с пересыпу похватавшие реквизит (пулеметы, к примеру) из совсем другой, современной пьесы ("Оперетка", — как высокомерно обронил Тальберг).

Персонажи гоголевские, только отношение к ним иное — булгаковское: Булгаков не смеется вместе с казаками над мелькающими в воздухе жидовскими ногами, может быть, потому, что обаятельные герои Гоголя оказались убийцами обаятельных героев Булгакова.

Две еврейские смерти — Якова Фельдмана в середине романа и безымянного еврея в конце, — это не только сжатая до двух эпизодов историческая правда о еврейских погромах в захваченном петлюровцами Киеве зимой 18-го года, — это еще и апокалиптическая метафора заката Империи. Ибо Империя — в своем мифологическом пределе — это Рим, первый, третий — все равно, а еврей — такой же неперменный персонаж имперского мифа, как варвар: "...потом исчезло все, как будто никогда и не было. Остался только стынущий труп еврея в черном у входа на мост, да утопанные хлопья снега, да конский навоз. И только труп и свидетельствовал, что Пэтурра не миф, что он действительно был".

Действительно был не только Петлюра, — действительно было так:

в апреле 1917-го, через два месяца после Февральской революции в России, Украина самоопределилась, отделилась и зажила самостийно со столицей в Киеве и собственным правительством — Центральной Радой;

29—31 октября того же 1917-го года местные большевики подняли вооруженное восстание и захватили в Городе власть;

29 ноября того же 1917-го года их свергла та же Центральная Рада;

26-го января 1918-го года неугомонные большевики опять поперли Центральную Раду;

1 марта 1918-го года в Киев вошли немецкие войска и Центральная Рада вместе с ними;

29 апреля того же 1918-го года немцы вынудили окончательно всем надоевшую Центральную Раду провозгласить верховным правителем Украины гетмана Скоропадского;

в декабре того же 1918-го года немцы уходят и увозят с собой гетмана. В город входит Петлюра, провозглашает независимую Украинскую Народную Республику, возглавляемую правительством по имени Директория, во главе Директории — сам Петлюра.

В прошлой далекой киевской жизни была у меня приятельница, наставница, веселая умница и седая красавица, украинка и украинская националистка Надежда Витальевна Суровцева. Числила она за собой дипломы нескольких европейских университетов, блестящее владение столькими же европейскими языками и 30 лет советских концлагерей. Но речь не об этом, а о том, что в декабре 1918-го года, когда петлюровцы чуть не поубивали обоих братьев Турбиных, когда в уличной схватке с петлюровцами героически погиб благородный полковник Най-Турс, словом, когда мир, турбинский мир погибал в крови, муках и унижении, — в Город, в обозе петлюровской армии, въехала 19-летняя златокудрая и ясноглазая Надежда Суровцева. И не просто въехала, а с мандатом члена правительства самостоятельной Украины, конкретней — заместителя министра иностранных дел. В январе 1919-го года она села на нескорый (других тогда не было) поезд "Киев—Варшава—Вена—Париж", чтобы там, в Париже, от имени Директории поставить свою подпись под Версальским договором. Но независимой Украины хватило только до Вены: в Вене Надежда Витальевна узнала, что —

6 февраля 1919-го года ударные части Красной Армии выбили петлюровское правительство и Петлюру из Киева, и что Петлюра тоже находится по дороге в Париж.

По молодости и неопытности долго и горько плакала Надежда Витальевна, потом плюнула и с досады записалась на лекции модного венского профессора Зигмунда Фрейда.

А в родном ее городе шла нормальная жизнь:

31 августа того же 1919-го года большевиков выбила из Киева белая армия генерала Деникина;

16 декабря того же 1919-го года деникинцев выбили из Киева те же большевики;

в мае 1920-го года большевиков выбили поляки;

11 июня 1920-го года в Город вошли большевики и больше уже оттуда не уходили.

Итак, как явствует из приведенной исторической справки, события "Белой гвардии" охватывают промежуток времени между декабрем 1918-го и февралем 1919-го года.

Действие романа, однако, выходит за рамки не только хронологии, но и истории. Империя, революция, гражданская война, белые, красные, желто-голубые, даже семья Турбиных, такие достоверные, живые, теплые в окружении друзей и быта — все это лишь символы, тени других, запредельных реальностей, которые — в самом общем виде — назовем Хаосом и Космосом.

Эти трагедийно-тяжелые темы Булгаков решает с легкостью эстрадной, почти канканной. В необыкновенном писателе все необыкновенно, даже банальный музыкальный вкус. Страстная привязанность Булгакова к "Фаусту" Гуно и "Аиде" Верди превращает "Белую гвардию" в роман-оперу. Неслучайно в конце недолгой своей жизни Булгаков работал либреттистом в московском Большом театре оперы и балета: по стилю, одновременно изысканному, блестящему и доступному ("мелодичному"), по композиции и "оркестровке" более всего близка "Белая гвардия" именно "Фаусту" с его феерическими сменами декораций — (кабинет Фауста — загородное гулянье — кабачок — Брокен — тюрьма — ангелы поют), — с ариями, массовками, (т. е. массовыми сценами — театральным сленг) и хорами... Так оперно поставлен в романе гениальный эпизод прохода, как через сцену, петлюровских войск в сопровождении хора мужских, женских, детских, высоких и низких, восторженных и негодующих, украинских и русских голосов, доносящихся из толпы статистов. Есть в романе и совершенно оперный Мефистофель — таинственный вредитель и обольстительный провокатор Михаил Семенович Шполянский (на его театральное, хотя и из другой оперы, происхождение указывает сам Булгаков, подчеркивая, что у Шполянского "руки в перчатках с раструбами, как у Марселя в "Гугенотах").

То, что в другой прозе именуется эпитафией, в булгаковском романе должно называться увертюрой: "Пошел мелкий снег и

вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл: сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Все исчезло.

— Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!" (А. С. Пушкин "Капитанская дочка").

Как и положено увертюре, пушкинский фрагмент "проигрывает" все лейтмотивные темы "Белой гвардии".

"Капитанская дочка" — повесть о восстании Пугачева, русской "Жакерии" XVIII века, поколебавшей империю Екатерины Великой; о кровавом неистовстве восставших, обреченном ужасе "бар" и бедной горсточке человеческих чувств — любви, верности, дружбе, — колеблемых, как пламя свечи, и чуть было не погасших на ледяном ветру классовой бойни.

От "Капитанской дочки" навеки достался русской культуре горестный пушкинский вздох: "Избави Бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный". От Пушкина до Александра Блока, через Толстого и Достоевского, утвердилась в русском сознании метель, снежная неразбериха как символ душевного разлада, духовного распада, бунта, пьяного пира революции на весь мир, одним словом, — хаоса, Русского Хаоса.

Со своей снежной мистерией Булгаков, в сущности, пришел на готовое, особенно после поэмы Ал. Блока "Двенадцать" (1918) с ее метельным рефреном:

Ой, вьюга, ой, вьюга!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!

И нужно было бы говорить не об оригинальной булгаковской "музыке революции", но об эпигонской "теме с вариациями", если бы роман не обогатился таким поворотом традиционного мотива, какого русское ухо не слыхивало.

...Когда какая-либо литература, в нашем случае, — русская классическая, завершает свой жизненный цикл, она в глазах своих законных восприемников и, тем более, в глазах сторонних наблюдателей предстает в виде единого сакрального текста, "писания", все персонажи которого связаны друг с другом кровными узами: Пушкин роди Гоголя, Гоголь роди Толстого и Достоевского, Толстой роди Чехова, Достоевский роди Булгакова...

Цель этой цепи ясна: свести все, сколько их ни есть, "колена"

к одному великому "праотцу" — Пушкину. Нет картины более ложной, чем эта. Истина, которую данная ложь призвана скрыть, заключается как раз в полной бездетности Пушкина на протяжении всего XIX-го века.

Не Пушкин, но Толстой и Достоевский создали о б р а з русской литературы, больше — русской культуры: самая гуманная, самая нравственная, самая правдолюбивая, самая общечеловеческая, самая... самая... самая... И как может быть иначе, если принадлежит она "народу-Богоносцу" (Достоевский), народу-мессии, призванному спасти мир своей духовной (да и прочей) красотой?! Красив же этот народ потому, что это народ крестьянский, и — по "Евангелию" от Льва Толстого, — в неземной его кротости, в мужичьей его темноте "свет светит". Чем ближе к народу, тем дальше от гибели души, чем от народа дальше, — тем гибель ближе...

К Толстому Булгаков относился с почтительным изумлением, но без восторга. Зато Достоевский, трагик и комик, лирик и соглядатай, пророк и фельетонист проник в каждую клетку булгаковского стиля.

Что не помешало "Белой гвардии" стать романом анти-достоевским (анти-толстовским тож), то есть, по отношению к их сводному народобожью, романом атеистическим и, в определенном смысле даже антирусским.

"...это местные мужички-богоносцы достоевские... у-у... вашу мать!.. Что такое, думаю? Чего этот богоносный хрен возликовал?.. Ну тут, понятное дело, святой землепашец, сеятель и хранитель (Мышлаевский, словно обвал камней, спустил страшное ругательство)".

Это не у Мышлаевского истерика — это в конвульсиях народолюбия бьется российская словесность, представленная хорошо и холодно продуманным набором цитат и площадной бранью в роли комментария к ним: "мужички-богоносцы достоевские... богоносный хрен..." (комментарии излишни); "святой землепашец" — злобный кивок в сторону Л. Толстого; "сеятель и хранитель" — строка из хрестоматийного стихотворения Н. А. Некрасова, поэта, одновременно страстно любимого реакционером Достоевским и широкими массами революционной демократии 70—90-ых годов прошлого века, —

Назови мне такую обитель,

Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал...

С Львом Толстым как с духовно и душевно "чужим" (в отличие от "своего", родного и потому особо невыносимого Достоевского) Булгаков обращается осторожней, — скрытую цитату из Толстого Булгаков помещает не в издевательский монолог, а в текст описательный и патетичный:

"...Мужичонков гнев бежал по метели и холоду, в дырявых лаптишках... В руках он нес великую дубину, без которой не обходится никакое начинание на Руси".

Мужичонка, понятно, — все тот же "богоносец достоевский"; холод, метель — пушкинско-блоковский стройматериал хаоса; великая же дубина — двойная: во-первых, песня (в исполнении Шалапина) "Эх, дубинушка, ухнем!", — бывшая до "Интернационала" гимном русских революционеров; во-вторых, знакомая каждому российскому школьнику цитата из "Войны и мира" — "Дубина народной войны поднялась и обрушилась на Наполеона".

В сущности, перед нами булгаковский рецепт революции: возьмите пару лаптей, голод, холод, вечную метель, прибавьте шалапинский бас, прокляните Запад и обрушьте "родную дубину" на головы "бар, бояр" и прочих поклонников "Фауста" и "Гугенотов". Прodelав же все это, вы увидите, что русская революция, — это не просто Конец Империи, — это просто Конец Мира. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в текст, сразу следующий за "дубиной":

"...показался в багровом заходящем солнце повешенный за половые органы шинкарь-еврей".

Вся фраза в целом — интонационная цитата из Апокалипсиса: "Показался в небе всадник на белом коне"; каждый отдельный в ней образ — образ апокалиптический: "багровое заходящее солнце", не один еврей повешен, — истреблено само семя еврейское (повешен за детородные органы), а что еврей — шинкарь, так это тоже цитата из апокалипсиса, только погромного, черносотенного ("Евреи спаивают Россию").

На границе исторического космоса, там, где время превращается в залитое жертвенной кровью хаотическое пространство, — там всегда у Булгакова мы найдем еврея, иногда еще живого, чаще —

уже мертвого. (Но, пока Империя и мир вместе с ней не летят вверх тормашками, еврей у Булгакова — персонаж вполне комический: “зубной врач Берта Яковлевна Принц-Металл”. Желаящие увидеть в таком комизме прискорбное доказательство булгаковского антисемитизма — да узрят. Помешать я им не могу, помочь — не хочу).

Одна из границ между Космосом и Хаосом — это изразцовая печка в доме Турбиных, исписанная разнообразными по назначению, но всегда актуальными надписями: “Бей Петлюру!”, “Да здравствует Россия! Да здравствует самодержавие!“. Или вот: “Леночка, я взял билет на Аиду. Бельэтаж №8, правая сторона”.

Постепенное погружение теплого турбинского мира в холод и мрак гражданской войны неуклонно сопровождается исчезновением надписей. Перед приходом большевиков, после очередной “промывки” печи сообщение об “Аиде” и бельэтаже приобрело такой вид:

“Лен... я взял билет на Аид...”

Аид — царство мертвых, куда и “взял билет” дворянин и белый офицер Студзинский. Но на идиш “айд” — это “еврей”, чего Булгаков как киевский житель, разумеется, не мог не знать.

Кроме Аида — царства мертвых, есть Аид живых: “Турбин нарисовал ручкой молотка на груди знак вопроса. Белый знак превратился в красный”.

Красный знак — признак сифилиса. Человек с сифилисом — это киевский житель, сын библиотекаря и сам поэт-футурист, автор богоборческого стиха “Богово логово” — Иван Русаков.

Что извлек в 1924-ом году писатель Михаил Булгаков из опыта практиковавшего в Киеве в 1918-ом году врача-венеролога Михаила Булгакова? — Символику. Пациент Алексея Турбина должен быть сыном библиотекаря и поэтом для того, чтобы знак вопроса, поставленный у него на груди, стал вопросом, обращенным к русской литературе, каковая литература — и это опять же известно любому российскому школьнику вот уже 100 лет, — есть великая литература великих вопросов (“Что делать?” — Н. Чернышевский, “Кто виноват?” — А. Герцен). На вопрос “Что делать?” Булгаков отвечает: лечиться. На вопрос — “Кто виноват?”, отвечает фамилией поэта-сифилитика: Русаков, — производная от коренного русского слова “русак”, просторечно-фамильярного синонима слова “русский”.

Что же касается бойкого стиха, то он — откровенная пародия на великую революционно-футуристическую поэму Маяковского "Облако в штанах" (1915). Более того, можно смело предположить, что сифилисом киевский футурист заразился не от Лельки, а от своего великого московского собрата по литературному направлению: в поэзии раннего Маяковского весь мир заражен сифилисом, от которого, по его заверениям, вселенную могла излечить только Революция.

Россия ли заразила русскую литературу сифилисом, или сама Россия подцепила его от своей литературы, — в конечном счете, безразлично: ведь все равно "белая Россия", чистая, превратилась в Россию красную, гниющую заживо.

Но что противостоит ужасу, распаду, хаосу? — Пушкин. Эпиграфом к "Капитанской дочке" он поставил русскую пословицу: "Береги честь смолоду". А вот Алексей Турбин читает "Бесов", свой и Булгакова любимый роман, "бессмысленно возвращаясь к одному и тому же: "Русскому человеку честь — одно только лишнее бремя". И во сне снится ему маленького роста кошмар, развивающий ту же мысль. "Турбин во сне полез в ящик стола, стал доставать браунинг... хотел выстрелить в кошмар... и кошмар исчез".

Источник этого сна не водка и германское вино, которыми он заливал отвращение к Тальбергу, "чертовой кукле, лишенной понятия о чести!", — нет, причина турбинского кошмара — роман Достоевского, только не "Бесы", а "Братья Карамазовы": черт во сне дразнит Ивана, глумится над ним, и Иван, "цитируя", в свою очередь, Лютера, запускает в черта стаканом. Какие это разные жесты — бросить в дьявольщину чернильницу, — и стрелять в нее же из браунинга!..

Лютеровская чернильница (она же стакан) намекает на какую-то возможность контакта, пусть даже на уровне разоблачения, обличения, анафемы. И то, и другое, и третье, в конечном счете, форма признания: недаром Иван Карамазов ночь напролет болтает с чертом! Браунинг в руке Алексея Турбина есть отрицание всепонимания, диалога с кем не надо, точка пули ставится не в конце, а в начале. В обход Толстого и Достоевского, с их нравственными исканиями, моральными метаниями и топографической неразберихой — где добро? где зло?, — Булгаков совершает попятное движение к Пушкину и вместе с ним решает только одну проблему — проблему чести. Правда, в

отличие от Добра и Зла, честь не проблема: она или есть или ее нет.

Дворянство Булгакова — акт самоопределения, выбора, а не факт рождения. Сословие, к которому по рождению он принадлежал, в XIX-ом веке обильно поставляло демократов, народолюбов, революционеров. Булгаков так же добровольно принимает на себя дворянские обязательства (из них главное — умереть с честью), как граф Лев Толстой добровольно взял на себя заботу разночинную, третьесословную, "достоевскую": как жить "по правде"?.. Так, в пику Достоевскому, зовут поручика Мышлаевского — Мышлаевский: смесь князя Мышкина с его автором (Мыш-евский). Только в отличие от своего литературного предка Виктор Викторович (Победитель Победителевич) знает, что красота мир не спасет, и потому сам он красив "странный и печальной и привлекательной красотой давней, настоящей породы и вырождения".

Честь — категория дворянская. Дворянство как особый тип человека и культуры — это дело Петра, заслуга Империи. В доме Турбиных Империю и Петра представляет "Саардамский плотник" — книжка для детей о трудовых подвигах императора. Музыка Империи пронизывает роман, и чем эпизоды конкретней, тем она слышнее: гимназия, в которой разместился взвод юнкеров, называется Александровской, по имени Александра 1, победителя Наполеона; в вестибюле гимназии висит картина, изображающая Бородинское сражение. Простым и легким приемом Булгаков вытягивает защиту России от французского нашествия и оборону Киева от петлюровцев в одну линию защиты "Царя и Отечества": он удаляет слово "картина", оставляет Бородинское поле, — и получается: "В семь часов на Бородинском поле, освещенном розовыми шарами... стояла та же растянутая гусеница, что поднималась к портрету Александра".

Портрет Александра, лампа с зеленым абажуром, "разноцветный Валентин", "Фауст", который, "как Саардамский плотник, — совершенно бессмертен", — все это детали одного и того же интерьера — интерьера Империи. Подобно тому, как революция и гражданская война по Булгакову — это символ хаоса, псевдоним апокалипсиса. Так, Империя у него Дом, domus — место человека в созданной и обжитой им вселенной.

И тогда еще раз, но уже по-другому, становится понятно, почему у Булгакова не поднялась рука написать: "Киев" — он для

того и остался Городом, чтобы в булгаковском имперском мифе сыграть роль столицы Империи — Санкт-Петербурга.

Остается последняя загадка: кроме братьев Турбиных, штабс-капитана Студзинского и поручика Мышлаевского, в романе живет, сражается и умирает полковник Най-Турс (фамилия, заметим, и для русского уха совершенно непостижимая). Булгаков и сам всячески подчеркивает его инородность, почти “заграничность”: сестра его — “красавица, и не такая, как русская, а, пожалуй, и н о с т р а н к а”; мать зовут Мария Францевна, картавая же речь Най-Турса орфографически передается таким образом, что уже почти и не похожа на русскую.

За Най-Турсом просматривается еще одна, самая, быть может, глубоко спрятанная тема романа: это тема не только Великой русской революции, но и Великой Французской, гибели двух монархий, двух культурных космосов в революционном хаосе.

Французская монархия вносится на первые же страницы романа вместе с коврами в турбинской квартире, из которых один изображает соколиную охоту царя Алексея Михайловича, а другой — Людовика XI У-го “на берегу шелкового озера”. И часы в турбинской столовой бьют так, “как в игрушечной крепости прекрасных галлов Людовика XIV били на башне — бом!.. ...Часовые ходили и охраняли, ибо башни, тревоги и оружие человек воздвиг, сам того не зная, для одной лишь цели — охранять человеческий покой и очаг. Из-за него он воюет, и, в сущности говоря, ни из-за чего другого воевать ни в коем случае не следует”.

Кроме этой категоричной, хотя, по-видимому, и спорной максимы, из приведенного отрывка следует и кое-что другое. Ясно, например, что неспроста часы напоминают о короле — солнце; дом Турбиных — это и есть “игрушечная крепость прекрасных галлов”. Но непогрешимо истинно и обратное: “крепость прекрасных галлов” — это тот же дом Турбиных (мой дом — моя крепость), только в другое время и в другом месте. Скажем сразу: именно эти русско-галльские игрушечные дома и настоящие крепости защищал полковник Най-Турс: если вторую часть его фамилии перевести обратно на французский — “tours” — получатся те самые “башни”, которые “человек воздвиг... для одной лишь цели — охранять человеческий покой и очаг”. При обратном же переводе с русского на язык не только французский, но и символический, отчество Най-Турсовой матери равно

произойдет и от заграничного имени "Франц", и от истинного отечества Най-Турсов — Франции.

Прибавим и совершенно непомерную роль, выпавшую в романе на долю магазина "Парижский шик" некой мадам Анжу. О доньине популярной оперетте "Мадам Анжу" (музыка Легара) читатель, конечно, и сам вспомнил, я же лишь хочу подчеркнуть, что не так уж неправ был несимпатичный Тальберг: да-с, легкомысленнейшая оперетка-с, а не серьезная опера-с, вроде "Фауста" или "Аиды", как многим бы хотелось думать.

Возвращаясь к незабвенному Най-Турсу, отметим, что корни его не только галльские, но и славянские: "буй-тур Всеволод", мужественный воитель печенегов, каковыми печенегами в "Белой гвардии", как мы уже догадались раньше, несомненно представлены петлюровцы.

Впрочем, кем воистину был Най-Турс в предыдущих рожденьях, открыл сам Булгаков, точнее — вахмистр Жилин: " — Как странно, как странно, — заговорил Турбин, — я думал, что рай это так... мечтание человеческое. И какая странная форма. Вы, позвольте узнать, полковник, остаетесь и в раю офицером?

— Они в бригаде крестоносцев теперича, господин доктор, — отвечал вахмистр Жилин, заведомо срезанный огнем вместе с эскадроном белградских гусар в 1916 году на Виннском направлении".

Итак, слово сказано: крестоносец. И, значит, первоначальное название "Белой гвардии" — "Белый крест" — вызывает не столько к образу предельных мук, страданий, унижений, сколько призывает крестом и мечом возратить Утерянный турбинский рай. Потому в финале и превращается крест Владимира в "угрожающий острый меч". Из всех евангельских заповедей только одна: "Не мир, но меч" — незримым эпитафием повисает над романом.

Эпитаф этот к тому же и ретроактивный: он оплачивает (и оплакивает) не только Россию XX-го века, но и Францию ХУ111-го.

То, что семнадцатилетний Николка в бреду вспоминает Людовика с образками на шляпе из "Собора Парижской Богоматери" — это понятно: детское чтение. Но когда Елена во сне видит залитого кровью Николку, у которого на лбу венчик с иконками (то есть с теми же образками), — это уже булгаковское "прочтение" двух революций как одной. Но самая занятая метаморфоза происходит с Петлюрой, неожиданно французское имя которого — Симон а

название правительства — Директория, дают возможность Булгакову превратить украинского атамана в якобинское чудовище по имени Симон Пэтурра.

...Белая гвардия” — один из самых великих, если не самый великий контрреволюционный роман в европейской литературе.

Контрреволюционный роман самым решительным образом следует отличать от романа реакционного с одной стороны и революционного — с другой.

Реакционный роман (вообще проза), — это текст, написанный так, как если бы никакой революции, ни социальной, ни эстетической, никогда не происходило. Особенно смешно получается, если содержанием романа оказывается именно революция. Разящий пример реакционной прозы — “Красное колесо” Солженицына.

Напротив, революционная проза пишется так, как если бы, кроме революции и до нее, в мире вообще ничего не существовало и не существует (Андрей Белый, Зощенко). Отсюда ясно, что контрреволюционный роман — это, в сущности, роман эстетически (и не только) компромиссный, он признает, что революция была и продолжается, и он мужественно всматривается в ее паскудное, но неотвратимое и захватывающее лицо.

Контрреволюционный роман — это роман-двурушник: на революцию он смотрит глазами реакции, реакцию же видит глазами революции.

Проза “Белой гвардии” постсимволистская, пост—“Белая”, отчего чеховски пластичный достоверный быт Турбиных разрушается не меньше, чем от революции и гражданской войны. Но и обольстительные Турбины не проходят для революции (и революционеров) бесследно и безнаказанно: в конце концов хочется, чтобы все было красиво, как в Большом театре, и благородному, как у “господ”: вежливо, и офицерская форма, чтобы была, и ложа-бенуар, и описания чтобы были (мебель, одежда, ну, и характеры во всей их сложности и противоречивости и, конечно, природа). Первым, как известно, поддался турбинскому соблазну Сталин...

Россия, которая сегодня с ужасом и отвращением отворачивается от Революции 1917 года, с ее “красным террором”, убийством Царской Семьи и уничтожением дворянства, Россия, которая сегодня поет белогвардейские песни, а Пушкина называет “певцом дворянской чести”, такая Россия превратит в ближайшем будущем “Белую гвардию” в учебник жизни и священное пособие, как она

уже превратила "Мастера и Маргариту" в мистическое откровение.

Но это не страшно. Мода на белое пройдет так же, как прошла мода на красное. А дивный, прекрасный этот роман останется. Потому, что он, как "Фауст" Гуно и Гете, совершенно бессмертен.

*Авторизованный перевод с иврита
М. Каганской*

КНИГОТОВАРИЩЕСТВО "МОСКВА — ИЕРУСАЛИМ"

новая книга

МАРК ТВЕРСКОЙ. ТРЕП ОТ ЗАБОТ ИУДЕЙСКИХ

(эпиграммы, иронические стихи, пародии) Художник Г. Виноцкий

120 стр.

Цена 10 долл.

В небольшой по объему книге М. Тверской сумел заключить целую серию искрящихся юмором иронических примечаний на полях нашей общей жизни и создать обширную галерею точных пародийных портретов израильских, эмигрантских и советских поэтов. Творчество М. Тверского — пародиста и сатирика — не случайно отмечено похвальными отзывами взыскательных читателей и символической наградой — "Премией Гарика" в Соединенных Штатах.

Заказы и чеки принимаются по адресу: "Москва-Иерусалим", п/я 44050, Тель-Авив 61440.

ЛЮДИ И КНИГИ

Александр Воронель

ВЕЧНЫЙ КОМИССАР

*(Предисловие к книге И. Недава "Вечный комиссар",
"Москва — Иерусалим", 1989)*

Однажды меня поразила фраза, прочитанная в посредственной советской книжке: "Веками свершалась на земле несправедливость: богатые угнетали бедных, сильные обижали слабых..."

Откуда мы можем знать, что на земле свершается несправедливость, если само понятие справедливости мы извлекаем из окружающего мира? Иными словами, почему мы знаем, что существующий порядок несправедлив, если никакого другого порядка на земле никогда не было? Либо все-таки в мире господствует справедливость — и в том и состоит, что сильные обижают слабых — либо наш идеал справедливости мы заимствовали не из мира сего. Но если, в самом деле, мы получили его свыше, не стоит ли нам присмотреться внимательней к самому процессу? От кого и как мы получаем эти бесценные сведения? Правильно ли их понимаем? Верно ли их передаем?

Первый урок такого рода мы находим в книге Исхода. Высокопоставленный воспитанник царской семьи вышел как-то прогуляться, осмотреть постройки и увидел, как египетский надсмотрщик бьет раба-еврея. Почему это показалось ему несправедливым? Разве в этом было что-то необычное? Библейский текст скуп на психологические детали. Но все же там отмечено, что он "посмотрел туда и сюда", прежде чем убил египтянина. Т. е. поступок был вполне осознанным.

Науке не вполне ясно, кем был исторический Моисей, но всем уже давно ясно, что его одержимость идеей справедливости навеки запечатлелась в характере еврейского народа. Поэтому нет ничего необычного в том, что примерно с такого же эпизода началась и борьба за справедливость в скромной семье разбогатевшего еврейского арендатора Давида Бронштейна, когда маленький Лев впервые увидел на пороге своего дома босую женщину-батрачку, терпеливо ожидавшую своей платы. Вряд ли Давид Бронштейн обращался со своими батраками хуже, чем это было принято в их среде, иначе он не пережил бы двух русских революций, но легко предположить, что он не был ангелом. Как бы то ни было, сам Лев Давидович объяснял потом затяжной конфликт с отцом своим врожденным инстинктом справедливости.

Конечно, в такой решительной защите угнетенных, кроме жажды справедливости, содержится и элемент семейного бунта, потребность утвердить свою суверенную волю, вопреки давящей власти отца и традиции, своеволие. Если Моисея семейный бунт привел к изгнанию в пустыню, где он осознал свою кровную связь с еврейским народом, свое призвание спасти его, как если бы он "носил во чреве весь народ сей", молодого Бронштейна борьба с семьей привела также и к отчуждению от еврейства. Лев Давидович превратился в яркого строптивого отщепенца сначала в семье, потом в своей

среде, в своем народе, а затем и в стране. Он не доучился еврейству у мела-меда, он не сумел доучиться и до конца курса реального училища. Иностран-ным языком он учился по многоязычной библии, которую сестра переда-ла ему в тюрьму... Он не остался недоучкой в смысле недостатка каких-нибуть сведений, но он не освоил никакой профессии, не приготoвил себя к жизни ни в каком реальном обществе. Вскоре он эмигрировал из России под псевдонимом Троцкий.

Автор книги, проф. И. Недава, приводит объяснение псевдонима, данное бывшим соучеником и сверстником Л. Бронштейна, врачом-психиатром Г. Зивом. Зив утверждает, что молодому Бронштейну исключительно импо-нировала представительная, авторитарная фигура надзирателя Одесской тюрьмы, Троцкого, где оба они Л. Бронштейн и Г. Зив провели несколько месяцев за участие в юношеских политических кружках. Я, конечно, не решаюсь категорически оспаривать бывшего близкого друга (со временем ставшего врагом), но я не сомневаюсь, что по крайней мере не меньше, чем личность надзирателя, Бронштейну импонировала его фамилия, которую он, конечно, мысленно производил от немецкого (и идишистского) слова "тротц", означающего "вопреки", "наперекор". Насколько такая интерпрета-ция близка к истине видно также из другого его литературного псевдонима, который, в сущности, повторяет первый — Антид Отто, что означает по-итальянски противоядие (антидот). Оба эти языка он изучал одновремен-но в той самой тюрьме, используя многоязычную библию.

Таким образом, не только чувство справедливости, но также детский негативизм, укрепленный юношеским упрямством (der Trotz), превращают Льва Бронштейна в Троцкого — человека, чья жизнь целиком посвящена борьбе, противостоянию, революции. Положительные проекты, вроде сию-низма или, хотя бы, построения социализма в одной стране не вызывают у него энтузиазма. Все страны, на его взгляд, заслуживают разрушения и революции. Он знает о них, обо всех, достаточно по их собственным газе-там, которые бегло читает на многих, освоенных вышеописанным спосо-бом, языках. Он не слишком сближается и с людьми и не умеет вербовать и удерживать сторонников. Лишенный семейного тепла, он не может понять и других нерациональных пружин человеческой лояльности. От сторонников он требует верности не себе, а идее. Его радикализм подстать его своеволию: "Все или ничего!" Возможно, он был гением.

Такой путь к революции, довольно характерный для революционеров-евреев, оказывается, вовсе необязателен для многих известных революцио-неров других национальностей. Энгельс, Плеханов и Ленин не вступали в такие непримиримые конфликты с семьей, социальной средой и собствен-ным народом, какие характерны для Лассалля, Розы Люксембург и Троц-кого. Проф. Недава приводит множество биографических сведений о евреях-революционерах, современниках Троцкого, которые во многих деталях пов-торяют черты его биографии, а также их высказывания, характеризующие их среду, образ мысли и склад характера. Несомненно, что образ поведения Троцкого, форма жизненной карьеры, его отношение к миру* являются

* Это отношение адекватно выразил другой революционер-еврей Карл Маркс: "Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы его переделать..."

в чем-то характерными для многих ассимилированных евреев, воспроизводят один из специфических вариантов еврейской судьбы. В этом отношении автор книги совершенно беспощаден. Будучи сионистом, т. е. безусловным приверженцем другой, как бы противоположной, еврейской идеологии, он, в отличие от апологетической еврейской литературы, легко принимает и даже подтверждает фактами многие из обвинений против евреев, которые принято считать главным оружием антисемитов. Его статистика участия евреев в социалистических партиях России подтверждает наблюдения В. Шульгина и других эмоциональных антисемитов, объявлявших организацию революции в России делом еврейских рук. В общем, эта статистика и впечатления многих современных наблюдателей подтверждают, что еврейское участие в революции с начала XX века, если и не было преобладающим, то по крайней мере равным с основным в Империи русским народом. Также и многочисленные факты отвратительной маскировки евреев-революционеров под коренные национальности (русских, поляков и пр.) автор склонен не скрывать, а выпячивать, поддерживая тем самым некоторых из худших антисемитских нареканий.

С чисто научной точки зрения автору очень легко возразить. История всех народов изобилует фактами предательства, продажности и всевозможных форм злодейства, так что еврейский народ проявил себя в истории несколько не хуже всех остальных, включая и эпизод, о котором идет речь в книге. К тому же сионизм, как умственное течение, стремившееся к нормализации еврейского народа, мог бы и более снисходительно судить еврейскую мимирию, наглость или трусость, как грехи, характеризующие скорее "нормальность" нашего народа. Правило "дают — бери, а бьют — беги" придумали не евреи. Любой непредвзятый социологический анализ обнаружит, что специфический культурный уровень городского еврейского населения любой европейской страны, и уж во всяком случае Российской Империи начала века, настолько отличался от окружающего среднего уровня, что общая статистика, сравнивающая относительное число еврейских революционеров с числом русских, просто вводит в заблуждение. Ведь и число миллионеров при такой статистике тоже окажется гораздо большим. И число врачей, и аптекарей, и журналистов...

Евреи-социалисты составляли на пятом, Лондонском съезде РСДРП около трети всех делегатов, немного отставая только от количества русских. Однако надо заметить, что относительно численности, например, грузин или латышей они представлены даже слабее. К тому же все евреи, которые попали в руководство (Еврейская рабочая партия — Бунд — была искусно обвешана и дискриминирована на этом съезде), попали туда не как евреи, а как представители русских рабочих организаций. Таким образом претензии о засилье евреев в этой ничтожной тогда по численности партии следовало предъявлять не евреям, а русским. Влияние всех оттенков этой партии внутри самого еврейского народа было очень ограниченным и не превышало 20%. Вообще установить процентную или какую-нибудь еще групповую ответственность за произошедшую революцию невозможно прежде всего потому, что львиная доля такой ответственности вообще всегда падает на сами власти, и революционеры способны преуспеть лишь в том, в чем эти власти проявят недалекость и неповоротливость. Естественно также,

что в разрушении старого порядка наибольшую роль будут играть прежде всего люди, которым этот порядок не дорог или даже враждебен.

Однако, вопреки этой объективности, сионистская идеология требует от своего народа большего и открыто осуждает самозванное еврейское участие в чужой истории. Такая высокая требовательность не может быть слишком популярна, однако она показывает, что сионизм только формально ограничивается скромной задачей "нормализации". Своей требовательностью и осуждением отступничества сионизм возрождает древнюю традицию пророков, которые жестоко осуждали именно свой народ за грехи, столь общие всем окружающим народам.

Для еврейского читателя многозначительным должен стать факт, что подавляющее участие евреев обнаруживается именно в тех партиях и течениях, в которых на первый план выдвигаются требования социальной справедливости и братства народов. Это кажется естественным, ибо те же идеи составляют существенную часть библейской идеологии. Библия, будучи одной из самых правдивых книг на земле, не оставляет никаких иллюзий относительно исходной нравственности избранного народа, как, впрочем, и всех остальных. Но Библия же дает нам и тот эталон, по которому эта безнравственность осуждается. Этот эталон все христианские народы заимствовали у евреев. Поэтому именно к евреям они особенно строги в своих суждениях. В книге современного идеолога русского антисемитизма, проф. И. Шафаревича, наряду с мифотворческим энтузиазмом выделяется очень серьезная мысль: момент распада Российской Империи совпал со временем усиленного разложения еврейского патриархального уклада, и это совпадение страшно повлияло на судьбы обеих сторон.

Распад традиционного еврейского быта привел к тому, что появилось множество молодых людей, избравших для себя более практичный путь освоения светской, христианской культуры и знакомых с еврейской традицией лишь отчасти. Таким образом, если им и были нечужды еврейские побуждения, они проявлялись в нееврейской форме. Все, что касалось сферы осуществления, заимствовалось ими из окружающей их среды. Стремление к социальной справедливости действительно лежит в основе еврейского вероучения, но способы достижения ее внутри еврейства тоже определяются этим вероучением. Что можно совершить для достижения справедливости, а чего нельзя, устанавливает та же традиция, которая внушает исходную мысль. Еврей, вырвавшийся из-под еврейского культурного влияния в среду другого народа, чьи практические нормы иные, опасен, как канистра с бензином в стогу сена. Многое из идеологии христианских народов по содержанию ему хорошо известно. И у него (а иногда и у них) возникает естественное чувство солидарности. По форме же большая часть того, что исторически сложилось у них, как ограничения их собственного своеволия, кажется ему наивным набором предрассудков. И тогда он совершает подвиги, которые после краткого восторга сулят ему крушение. Оперируя со знакомой ему с детства идеей, ассимилированный еврей с трудом постигает, что значение и применение этой идеи в нееврейской среде иное. Он становится равно чужим и там, и тут, и эту свою чуждость часто субъективно ощущает как высшую ступень объективности. Так, Троцкий, будучи на вершине большевистской иерархии,

отверг домогательства еврейской делегации, которая явилась к нему, как к еврею. Он заявил им, что он не еврей, а интернационалист. Наверное, он думал, что произвел впечатление своей непреклонностью. Между тем, он, конечно, вызвал омерзение евреев, как отступник и, может быть, насмешку русских, как сухарь и ханжа. Страшнее выглядит его отношение к отцу, который после революции не мог приехать к сыну из-за отсутствия сапог, а Троцкий "не смог ему помочь", т. е. "в стране слишком много раздетых и разутых". Старый Бронштейн умер от тифа в 1922 г. и даже его последнюю просьбу, похоронить его на еврейском кладбище, сын отказался выполнить.

В отличие от того, что думают антисемиты, евреи-революционеры большей частью не столько выражают еврейские интересы, сколько нарушают еврейский стереотип и свою энергию черпают как раз из этого конфликта. Поэтому их амбиция состоит не в том, чтобы принести счастье своему народу, а в том, чтобы как можно категоричнее от него отмежеваться. В разной мере они стыдятся своего происхождения и поэтому не совсем уверенно чувствуют себя в своей роли. Они предпочитают роль возвестителей истины, исходящей от какого-нибудь иного, несомненного авторитета, т. е. роль посланца, комиссара. Тут и кроется психологическая ловушка, приводящая таких людей к духовному и человеческому крушению.

Роль посланца по своей структуре действительно воспроизводит рисунок жизни Моисея. Однако, проявив своеволие, убив египтянина, Моисей еще не приобрел авторитета у евреев. Этого оказалось недостаточно для того, чтобы стать их вождем. Потому ли, что и тогда это не соответствовало их обычаю, или просто потому, что он и сам не знал еще, какого рода справедливость он защищает? Именно тогда от угнетенных, за которых он вступился, он услышал: "Кто поставил тебя судьей над нами?" Быть может, этот вопрос он задал себе и сам? Он ушел в изгнание после этого на много лет и вернулся лишь тогда, когда был глубоко убежден, что его послал Бог. С тех пор он никогда не колебался и не отклонялся от своего призвания. Его слово превратилось в Закон для его народа. Для комиссара главное — кто его послал.

К. Марксу было уже труднее, но все же он верил — Бог знает почему — что открыл Законы Истории. Троцкому сначала приходилось ссылаться на Маркса, а когда по ходу событий все законы марксизма были нарушены, и он стал единственным опорой остался В. Ленин.

У Троцкого не хватило цельности опереться на себя самого и ему пришлось в конце концов представлять и осуществлять волю Ленина. Ленин всегда знал, чего хотел, хотя это не всегда было одно и то же. Когда Ленин хотел Брестского мира, он послал Троцкого заключить этот мир. Ленин хотел победить в Гражданской войне, и он поручил Троцкому создать новую, революционную армию и привести ее к победе. Пока Ленин настаивал на военном коммунизме, Троцкому приходилось разрабатывать организацию принудительного труда, но когда Ленин решил перейти к НЭПу, он воспользовался планом Троцкого о развитии ограниченного свободного рынка. Всегда и всюду его комиссар оказывался на своем посту в качестве той "золотой рыбки", которая по волшебству исполняет желания. Сам Ленин оставался при этом вне критики, отчасти по состоянию здоровья, отчасти бла-

годаря ореолу, созданному ему Троцким и другими комиссарами в большевистском руководстве. Все претензии, что по поводу Брестского мира, что по поводу военного коммунизма, должны были адресоваться Троцкому и, в конце концов, адресовались ему. Он до сих пор обвиняется во всех "перегибах" Советской власти.

Троцкий не сумел противостоять Сталину не только потому, что он ошибся в том или в этом. Он сплочивал как личность. У него не хватило решимости громко заявить свое "я". Грубо говоря, будучи евреем, он мог бы победить, если бы гордился этим, как лорд Дизраэли, а не стыдился. Он все пытался выступать от имени Ленина, не будучи его верным последователем в точном смысле слова (ибо был слишком самостоятелен), от имени Партии, в которой он никогда не мог получить большинства (ибо он был слишком требователен для массовой партии), от имени Марксизма, который с таким оглушительным треском провалился в России. А Сталин в это время, хоть и негромко, уже сказал свое "я!", показав многим членам партии, что им при нем будет спокойно. Социализм для них вполне может быть построен в их отдельно взятой стране, т. е. их руководящее положение сохранится, а демократизация и "перманентная революция" не повиснут над ними, как дамоклов меч. В двадцатых годах и в руководстве партии, не говоря уже об обывателях, накопилась свинцовая усталость от ленинских грандиозных проектов и революционного горения. С неосознанным облегчением проводив в последний путь своего слишком строгого бога, построив ему египетскую пирамиду посреди Красной площади, его бывшие соратники вовсе не были расположены голосовать за его посланца и творческого продолжателя. Они предпочли делового исполнителя (как им казалось) их коллективной воли. Все они погибли раньше Троцкого. На его глазах погибли также все его сторонники, два его сына и обе дочери. Лев Троцкий учил языки по Библии, но вряд ли был достаточно внимателен к самому тексту. Поэтому он бы не понял, если бы человек, который приуготовил ему его участь, сказал, что поступит с ним, как Навуходоносор поступил с царем Цидкиягу* (Седекией в русском произношении). Этот человек, бывший студент Тифлисской Духовной Семинарии, Иосиф Джугашвили, знал, конечно, Книгу Книг и человеческую натуру гораздо лучше Троцкого и опирался только на себя. Заботы о справедливости никогда не отягощали его душу.

Семен Резник

ЧАСТНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

*(Юрий Дружников "Вознесение Павлука Морозова",
Overseas Publication, London, 1988)*

В феврале 1911 года в Государственную Думу был внесен законопроект об отмене противоречивших конституции ограничительных законов против

* "И сыновей Седекии закололи пред глазами его". 4-я Книга Царств, 25, 7.

евреев. В положительном решении еврейского вопроса кадеты и другие левые партии видели необходимый этап осуществления демократических преобразований, обещанных царем в 1905 году, но затем резко заторможенных.

Крайне правые партии в Думе, напротив, всячески противились реформам и остро нуждались в аргументах для того, чтобы не допустить еврейского равноправия. В это время в Киеве произошло убийство 13-летнего мальчика Андруши Юцинского, чье изуродованное и исколотое шилом тело было найдено в пещере на крутом берегу Днепра.

Тотчас же был пущен слух о ритуальном характере этого убийства, совершенного якобы евреями в религиозных целях. Во время похорон мальчика на кладбище распространялись листовки с призывом "отомстить жидам", хотя расследование убийства едва началось.

В Государственной Думе представители "Союза русского народа" выступили с запросом правительству, требуя ускорить расследования ритуального убийства. Версию о ритуальном убийстве поддержал прокурор Киевской судебной палаты Чаплинский и — с его подачи — министр юстиции Щегловитов. Следователя, который честно пытался найти убийц Юцинского, отстранили от дела. Затем были отстранены еще два следователя, пока оно не попало в руки тех, для кого благорасположение начальства было важнее истины.

Арест еврея Менделя Бейлиса активизировал погромную агитацию, но в то же время вызвал протесты. Сотрудник газеты "Киевская мысль" Бразуль-Брушковский решил провести свое собственное, частное, расследование загадочного убийства и через некоторое время установил, что мальчика прикончила воровская шайка Веры Чеберяк, заподозрившая его в доносительстве.

Сенсационные разоблачения Бразуль-Брушковского заставили власти сначала отложить судебное разбирательство, а затем вести его в неблагоприятных для себя условиях. Несмотря на подкуп угодных и на незаконные аресты неугодных свидетелей (чтобы те не могли дать показаний в суде); несмотря на мошеннический подбор присяжных и множество других подобных мер Мендель Бейлис был оправдан, а истинные убийцы изоблачены перед всем миром (хотя и не арестованы).

Общественная атмосфера в стране в результате дела Бейлиса накалилась до предела. Все язвы общественной системы были обнажены и кропоточили. Правительство оказалось в полной изоляции, но не желало идти на уступки. Царь демонстративно осыпал милостями Щегловитова, Чаплинского, прокурора Виппера, судью Болдырева и всех тех, кто затеял это позорное дело.

Стало ясно, что взаимопонимание между властями и обществом невозможно и что вся государственная машина практически парализована и в любой момент может пойти на слом. Дрейф страны к революции многократно ускорился и был остановлен только войной: перед лицом внешнего врага в стране установилось непрочное перемирие между властью и обществом. Только в конце 1916 года, когда стало очевидно, что при существующем строе война будет проиграна, сторонники демократии вновь приступили к решительным действиям...

И какое же несчастье, что революция произошла на третьем году войны, в условиях массового озверения, когда не только право и законность, но сама человеческая жизнь уже ничего не стоили... Произошла она тремя годами раньше, силы, отстаивавшие законность, всеобщее равенство и демократию, вряд ли так легко были бы опрокинуты экстремистами, сумевшими увлечь за собой солдат столичного гарнизона, разложившихся от казарменного безделья...

Автор книги "Вознесение Павлика Морозова", писатель Юрий Дружников, ведя свое частное расследование, возможно, не думал о Бразуль-Брушковском и деле Бейлиса. Однако его расследование имеет немало параллелей с тем, которое вел киевский журналист. Достаточно сказать, что в обоих случаях речь шла об убийстве мальчиков примерно одинакового возраста. В обоих случаях поводом к убийству послужило доноительство (правда, в случае с Южинским — мнимое). В обоих случаях к суду были намеренно привлечены невиновные и оба раза — для нагнетания ненависти: в одном случае — расовой, а в другом — классовой. И, наконец, в обоих случаях истинные убийцы были раскрыты благодаря частному расследованию, проведенному отважными людьми...

Сходство этим не исчерпывается, хотя, конечно, между этими двумя расследованиями есть и принципиальные различия. Первое велось параллельно с официальным следствием и решительным образом повлияло на судьбу обвиняемого. А второе велось через пятьдесят лет после самого убийства и повлиять на исход дела уже не могло. Однако его значение для выяснения истины не менее важно.

Павлик Морозов — одно из самых бесспорных имен в святцах большевизма. Только в самое последнее время, в период гласности, в некоторых советских публикациях мелькают весьма осторожные и, как правило, мимолетные замечания о том, что вряд ли следует обожествлять мальчика, который донес на собственного отца. Однако и эти робкий попытки трезво посмотреть на "пионера-героя" встречают резкий отпор со стороны тех, кто отчаянно борется за "национальные святыни". В Ленинграде, на одном из "патриотических" сборищ, был подвергнут обструкции писатель Владимир Амлинский за то, что на страницах "Юности" позволил себе усомниться в необходимости "романтизировать" "подвиг" Павлика Морозова".

"Юность" предала гласности этот "патриотический" демарш, однако за честь доносчика вступился "Наш Современник" (№ 11, 1988), уверенно идущий в авангарде "патриотических" сил вместе с обществом "Память". Участница ленинградского сборища Е. И. Афолина полна негодования на В. Амлинского и журнал "Юность": "Донос" на отца вызвал бурю благородного гнева и безоговорочного осуждения, а изуверское убийство детей оставило совершенно равнодушным воинственного поборника общечеловеческой гуманности".

Слово "Донос" патриотический журнал печатает в кавычках, а рядом со статьей Е. И. Афонин публикует две собственных: в заметке скандально известного антисемита Владимира Бегуна делается донос на иудейскую религию, весьма сходный с теми, что звучали на упомянутом выше процессе Бейлиса, а в обширной статье не менее известного литератора Александра

Казинцева содержится донос на многих писателей, и в особенности на покойного Василия Гроссмана, чей великий роман "Жизнь и судьба" объявляется антипатриотической сионистской вылазкой.

Как видим, Павлик Морозов сегодня особенно необходим тем, кто защищает российские святыни от сионистско-масонского заговора. А насколько сильны их позиции, говорит то, что и теперь сотни пионерских отрядов носят имя Павлика Морозова, во многих городах ему поставлены памятники, к которым пионеры по торжественным дням возлагают цветы и перед которыми клянутся "быть таким же, как Павлик Морозов", имя Павлика по-прежнему значится в книге почета Всесоюзной пионерской организации под номером 001.

Между тем, Павлик Морозов вовсе не был пионером. В книге Юрия Дружникова документально доказано, что первый пионерский отряд в Герасимовке был создан уже после гибели мальчика. И это далеко не единственный сюрприз, который поджидает читателей. Найдя десятки живых свидетелей, а также неизвестные архивные документы, Юрий Дружников восстановил историю жизни и смерти Павлика Морозова и историю его "вознесения", то есть создания мифа о "пионере-герое".

Герасимовку основали крестьяне-переселенцы из Белоруссии, получившие здесь земельные наделы благодаря столыпинской реформе. Большинство крестьян было неграмотно и говорило на странной смеси белорусского и русского языков. Жили они изолировано и за долгие годы почти все семьи перероднились между собой.

Школа в Герасимовке образовалась только в 1931 году. Своего помещения у нее не было, и учительница, Зоя Кабина, кочевала с учениками из избы в избу. В школу записалось несколько более 30 учеников, но реально на занятия приходило по несколько человек, а в иные дни вообще никто. Дети помогали родителям по хозяйству, и те не очень охотно посылали их в школу. Школьники были разновозрастными: некоторые были старше самой учительницы и даже пытались за ней ухаживать. Никакой программы обучения не было, дети просто разговаривали с учительницей, которая пыталась привить им начатки грамоты. Павлик часто пропускал занятия и ко времени своей гибели едва научился читать и писать.

Все попытки организовать в Герасимовке колхоз кончались ничем. Отец Павлика Трофим Морозов был председателем сельсовета, но драконовских мер к односельчанам старался не применять. До поры до времени он умело лавировал между ними и районным начальством.

З начале 30-х годов неподалеку от Герасимовки было создано поселение ссыльных "кулаков". Их высылали сюда в основном с Кубани, почти на верную гибель. Бежать из ссылки можно было только одним способом: выправив фиктивную справку о своей принадлежности к местным крестьянам-беднякам, и Трофим Морозов, по-видимому, за деньги выдал несколько таких справок. Он, конечно, понимал, что действует незаконно, но не считал нужным таиться от близких людей, особенно от жены. Все шло нормально до тех пор, пока он не ушел из семьи. Желая вернуть мужа или отомстить ему, жена подговорила старшего сына донести на отца. Трофим Морозов получил десять лет лагерей, откуда не вернулся.

Установив все это, Юрий Дружников доказал фиктивность основной

идеи мифа о пионере-герое, ибо мальчик донес не по "идейным" соображениям, а по наущению матери.

С этого времени Павлик уже повязал себя с органами и стал регулярно доносить на соседей, указывая уполномоченным по хлебозаготовкам, кто и где прячет зерно. Вряд ли эта его деятельность была необходима властям и ГПУ: они имели в деревне более умелых осведомителей. Зато Павлик заслужил общую ненависть односельчан. Его дед Сергей, глава разросшегося клана Морозовых, желая выбить дурь из внука, не раз напускался на него с упреками, иногда и поколачивал, грозился убить, но до действительного убийства от таких угроз очень далеко. Просто, таковы были доступные старику меры воспитания строптивого внука.

Однако 3 сентября 1932 года Павлик и его младший брат Федя действительно были убиты неподалеку от села, в лесу, куда они пошли по ягоды. 6-го сентября несколько крестьян вместе с милиционером Титовым отправились искать пропавших мальчиков. Первым их трупы обнаружил 20-летний Иван Потупчик, двоюродный брат Павлика.

А еще через несколько дней общее собрание бедноты в Герасимовке вынесло чудовищное не только с правовой точки зрения, но и с точки зрения здравого смысла "постановление" о том, что убийство двух мальчиков было произведено "группой чуждого элемента (кулачества и их подпевал)". Это в то время, когда убийцы еще не были обнаружены!

Между тем, постановление было принято не зря. В нем говорилось, что "в ответ" на убийство детей классовыми врагами крестьяне решили вступить в колхоз. Иначе говоря, власти использовали убийство мальчиков для того, чтобы нагнать страху на деревню, упорно державшуюся за свои бедные единоличные хозяйства.

Однако самый интересный документ, обнаруженный Ю. Дружниковым в одном из архивов, это "Протокол опроса по делу №..." Номер дела не представлен — по той причине, что протокол этот составлен еще прежде, чем оно возникло. Протокол датирован 4 сентября, то есть за два дня до обнаружения трупов. Допрос вел работник ГПУ Карташов, а отвечал ему свидетель Потупчик.

Этот первый свидетель ложно назвал Павлика Морозова пионером и утверждал, что убийство совершено Данилой Морозовым (двоюродным братом Павлика) и Штраковым Ефимом по "кулацкой агитации" деда Сергея Морозова, его жены Аксении, Арсения Кулуканова, его жены Химы и Арсения Силина, так как они "собирались вместе и пьянствовали вместе". Именно эти люди будут позднее признаны виновными и расстреляны.

Итак, за два дня до официального обнаружения трупов минимум два человека уже знали об убийстве.

В начале восьмидесятых годов, когда автор работал над книгой, оба они были еще живы, и Ю. Дружникову удалось с ними встретиться. Оказалось, что Иван Потупчик ходил в школу вместе со своим двоюродным братом Павликом к учительнице Зое Кабиной, а позднее на ней женился. Он уже был кандидатом партии и осведомителем ГПУ. "В квартире Ивана Потупчика, на центральном проспекте Ленина в Магнитогорске, — замечает автор, — на видном месте стоял портрет Сталина, который при нашем следующем посещении был убран".

Потупчик охотно рассказал писателю, как с милиционером Титовым организовал поиски детей и первым наткнулся на их тела. О том, что еще за два дня до этого он дал показания об убийстве Карташову, он, естественно, умолчал.

Вскоре после кровавых событий Потупчика перевели из кандидатов в члены партии, а сразу после суда отправили служить в карательную дивизию ОГПУ "за заслуги в области коллективизации".

Впоследствии он стал "почетным пионером" и много лет охотно играл роль свадебного генерала на различных торжествах, посвященных Павлику Морозову, а в 1961 году... оказался в тюрьме за изнасилование девочки. После лагеря его устроили на "кадровую" работу, газеты снова стали писать о нем, как о герое. Хорошо знавший Потупчика следователь уголовного розыска Магнитогорска сказал автору книги: "Почетный пионер изнасиловал пионерку. Как правило, такие люди совершают преступления неоднократно, но не попадаются".

Не менее характерной фигурой оказался и Спиридон Карташов, которого автор разыскал в 1982 году в Ирбите. Рассказ об этом человеке столь колоритен, что лучше всего привести цитату:

"У меня была ненависть, но убивать я сперва не умел, учился. В гражданскую войну я служил в ЧОНе (части особого назначения). Мы ловили в песках дезертиров из Красной армии и расстреливали на месте. Раз поймали двух белых офицеров, и после расстрела мне велели топтать их на лошади, чтобы проверить, мертвы ли они. Один был живой, и я его прикончил".

Одно время Карташов служил в Одессе в погранотряде и с группой чекистов задержал пароход с людьми, пытавшимися бежать от большевиков. Всех их построили на берегу моря и расстреляли. Потом наступила коллективизация, и Карташова, выросшего из солдата в помощника уполномоченного особого отдела ОГПУ, прислали в Тавду. Ему давали разнарядку, сколько человек раскулачить. Карташов вспомнил, как он с солдатами карательного батальона сгонял под конвоем в церковь зажиточных крестьян со всего района. Оттуда без суда сразу отправляли в ссылку.

"Коллективизацию проводили всяко, — вспоминает он. — Бывало, сгонял единоличников в помещение, и кто не хочет вступать в колхоз, сидит на сарае под дулом моей винтовки до тех пор, пока не согласится". Карташов всегдaносил два нагана: один в кобуре, другой, запасной, в сумке.

В 1932 году районный аппарат ОГПУ получил секретный приказ выявить, кто в деревнях антисоветчики и кто выступает против колхоза. Возле их фамилий в списках ставили букву "Т" — террор. В Герасимовку Карташов стал часто ездить потому, что там никто не хотел вступать в колхоз. Осведомителями у него в этой деревне были Иван Потупчик и еще двое.

"Вечером 11 сентября ... я приехал в Герасимовку и остановился на квартире у Потупчика, — рассказывал Карташов. — Детей уже похоронили, и осталось привлечь убийц. Никого Потупчик сам не арестовывал. Он был у меня осведомителем. Он только нашел трупы. Лица, настроенные антисоветски, уже были в списках с буквой "Т", они и убили детей. Я их сразу арестовал. На место убийства я не ходил, так как все было ясно. Никаких экспертиз не было. Преступники сознались — зачем же проверять?"

Карташов вызвал конвой из Тавды. Пришли пять солдат, и арестованных

этапировали туда. "Конвоирование врагов советской власти на деревню действовало хорошо, — сказал Карташов. — Тут же было организовано собрание, чтобы зачислить крестьян в колхоз".

И Спиридон Карташов показал нам приказ по ГПУ о себе: ему объявлялась благодарность "за преданность, дисциплинированность и стойкость при исполнении служебных обязанностей".

Многое выветрилось из памяти Карташова за истекшие полвека. Простим помощнику уполномоченного районного ОГПУ его стремление все заслуги в расследовании убийства приписать себе. Авторы книг о Павлике Морозове его вообще не упоминали, работа Карташова в те годы была не из легких.

— Я подсчитал, — скромно сказал он, — мною лично застрелено тридцать семь человек, большое число отправил в лагеря. Я умею убивать людей так, что выстрела не слышно.

— Это как? — удивились мы.

— Секрет такой: я заставляю открыть рот и стреляю вплотную. Меня только теплой кровью обдаёт, как одеколоном, а звука не слышно. Я умею это делать — убивать. Если бы не припадки, я бы так рано на пенсию не ушел. Припадки были еще до войны, но я не придавал им значения. А в войну потом попал в госпиталь.

В медицинском заключении говорится, что Карташову в связи с эпилепсией противопоказано нервное перенапряжение".

Юрий Дружников предельно осторожен в выводах, но обнаруженные им факты говорят сами за себя. По его версии, убийство Павлика и Феди Морозовых действительно имело политический характер, но убийцами были не "кулаки и подкулачники", а, скорее всего, сотрудник ГПУ Спиридон Карташов и его осведомитель Иван Потупчик. Цель убийства — представить его как вылазку кулаков, провести показательный процесс и, нагнав страху, заставить крестьян вступить в колхоз. Милиционер Титов, который первоначально вел следствие, очень скоро был отстранен (еще одна прямая аналогия с делом Бейлиса), а затем арестован и осужден военным трибуналом на семь лет.

А дело об убийстве Павлика и Феди Морозовых стал вести не кто иной как Спиридон Карташов, то есть сам убийца! Это своеобразный рекорд чекистской изобретательности. Те, кто стряпал дело Бейлиса, о таких подвигах не могли и мечтать!..

Автор с большим вниманием анализирует материалы суда над мнимыми убийцами Павлика, его освещение в печати, первые книги о "пионере-герое". Особенно поучительно сопоставление работ писателя Павла Соломеина, который присутствовал на суде, с его же черновыми записями — автору удалось их разыскать.

Партиец с трехклассным образованием, один из тех, кто проводил в жизнь "сплошную коллективизацию", Соломеин стал сначала селькором, а затем штатным работником областной газеты. В Герасимовку он приехал по заданию Уральского обкома партии, который поручил ему в ударном порядке — за 10 дней — написать книгу о Павлике.

Партийное поручение Соломеин выполнил не за десять, а за двадцать дней, и за это получил выговор. Но хуже было то, что книжка подверглась уничтожающей критике Максима Горького. Образ Павлика он нашел недо-

статочно героическим и сокрушался, что “материал оригинальный и новый, умный — испорчен”. Послав Соломёину свой уничтожительный отзыв, Горький решил поправить дело. Он опубликовал статью, в которой, как замечает Ю. Дружников, “в совершенстве сделаны обобщения, оказавшиеся не под силу провинциальному журналисту”. Он приводит следующие слова Горького: “Борьбе с мелкими вредителями — сорняками и грызунами — научила ребят бороться и против крупных, двуногих. Здесь уместно напомнить подвиг пионера Павла Морозова, мальчика, который понял, что человек, — родной по крови, вполне может быть врагом по духу и что такого человека — нельзя щадить”.

За дело взялись “умелые” авторы — Виталий Губарев, Александр Яковлев и другие, построившие на Павлике Морозове свои литературные карьеры. Они нередко ссорились между собой, нередко передирали друг у друга целые куски, но все имели то преимущество перед Соломёиным, что “предпочитали поменьше соприкасаться с живыми фактами и просто конструировали образ Морозова, каким он должен быть”. Позднее к тому же пришел первооткрыватель темы — Павел Соломеин.

Так создавалась “новая мораль нового человека”. Предательство и доноительство возводилось в ранг высшей человеческой доблести.

В чем суть сталинизма? Уверен, что большинство читателей ответит на этот вопрос, не задумываясь: в неограниченной личной власти, основанной на беспощадных репрессиях. На Западе эта истина давно уже не является новостью, а в Советском Союзе ее сейчас вдалбливают народу со страниц самых популярных газет и журналов, по радио и с экранов телевидения.

Вдалбливают-то вдалбливают, да только не очень эта истина прививается. Нет-нет, да и появляются в газетах обзоры читательских писем, чьи авторы не желают давать в обиду товарища Сталина. Они считают, что сведения о репрессиях преувеличены, что сам Сталин о большинстве из них не знал, что он выиграл войну и что солдаты шли в бой с его именем на устах, а врагов у Советского Союза было предостаточно, так что объявлять в сех репрессированных невинными жертвами могут только масоны и сионисты.

Почему же в Советской стране даже теперь остается столько сталинистов, причем совершенно искренних, готовых стоять на своем отнюдь не за страх, а за совесть?

Достаточно поставить этот вопрос, чтобы стало ясно, что сталинизм — это не только кнут, но и пряник, не только страх, но и преданность. Сталин намеренно разжигал “классовую борьбу”, натравливая одну часть населения на другую, и этот раскол входил в каждую деревню, на каждое предприятие, в коммунальную квартиру, даже в семью. Твердая семья, подчеркивает Ю. Дружников, опасна для сталинизма, а вот натравливание друг на друга родных: братьев, супругов, родителей и детей — это та норма, на которой он держался. Гибель одних нередко становилась праздником для других. Никогда так быстро не делались головокружительные карьеры, как при Сталине, когда путь вверх расчищался простым выкашиванием тысяч высокопоставленных работников. Донос становился главным оружием в “классовой” борьбе и потому должен был быть освящен.

Целенаправленное насаждение новой религии со своей системой ценнос-

тей, олицетворенных в новых мучениках, святых, мудрецах, которые служили бы духовной опорой "нового человека" и нового строя — неотделимая сторона сталинизма. Бесчисленные легенды о "добром дедушке Ленине", о Чапаеве и иных "героях гражданской войны", о неподкупном рыцаре революции Феликсе Дзержинском, о "первом красном офицере" Ворошилове и, конечно же, о самом товарище Сталине, чья биография многократно переделывалась на глазах ошеломленных современников, — все это было бы невозможно без расплывшейся по стране раковой опухоли ГУЛАГа. И наоборот. Все искусство социалистического реализма было призвано служить той же задаче и неплохо с нею справлялось.

"Мы рождены, чтоб сказку сделать былью", — пелось в весьма популярной песне тех лет. Сказки о Павлике Морозове — это "быль", которая калечила поколения советских детей.

Ведя свое расследование через полвека после самих событий, Ю. Дружников, в отличие от Бразуль-Брушковского, не мог повлиять на их ход и исход. И все же его книга вышла как нельзя более своевременно. Сейчас, когда в России идет трудный процесс очищения от скверны сталинизма, свержение с пьедестала Павлика Морозова, реабилитация его мнимых убийц и восстановление всей правды о событиях в Герасимовке 1932 года невозможно переоценить. Конечно, особенно важно, чтобы такие книги, как "Вознесение Павлика Морозова", были доступны читателям не только в эмиграции, но и в самом Советском Союзе. Без ликвидации железного занавеса, в котором появилось немало прорех, но который все еще сдерживает страну от проникновения правды, десталинизация будет неполной, неискренней и неокончательной.

Ефрем Баух

"ТЫ ВЕЧНОСТИ ЗАЛОЖНИК У ВРЕМЕНИ В ПЛЕНУ..."

(О глубинном становлении современной ивритской прозы)

Поверхность и глубина процесса. О том, что современная ивритская проза представляет собой одно из выдающихся явлений мировой литературы, написано уже достаточно. Но при этом чаще всего подчеркивались поверхностные особенности этой прозы: многоцветная пестрота жизни, принесенная авторами из разных мест диаспоры; поиски общего знаменателя еврейского существования в Израиле; ностальгия по прошлому и новая конфликтность. Как евреи вокруг золотого тельца, так критики плясали вокруг слова "побег": чем является ивритская литература — побегом от своих корней или побегами единого корня, бегством — или бегом в единой упряжке?

Однако на глубине литературного процесса сегодня уже отчетливо и сильно ощущается голос той новой, богатой содержанием, "параболической" (по динамическому развитию) и "фресковой" (по жажде зафиксировать вечность) ивритской литературы, которая вырастает сейчас на наших глазах.

К ней можно отнести роман Канюка "Последний иудей", цикл Давида Шахара "Дворец разбитых сосудов" (романы "День графини", "Лето по дороге пророков", "Нингель", "День привидений"), цикл экзистенциалистских новелл Ицхака Авербуха-Орпаза ("Оленья охота", "Смерть Лисандры", "Дикая трава"), продолжаемых его же романами "Гвира" (Госпожа, матрона, государыня) и "Вечная невеста", незавершенную книгу Садз "О положении человека" и книгу Амалии Каханз-Кармон "Магнитные поля".

В этой статье речь пойдет о двух крупнейших современных прозаиках Израиля — Давиде Шахаре и Ицхаке Авербухе-Орпазе.

Миф, обгоняющий своего демиурга. Давид Шахар — пока единственный в ивритской литературе писатель, предпринявший грандиозную (по охвату и пропорциям) попытку создать разветвленную словесную систему, разворачивающуюся целым циклом романов (под общим названием "Дворец разбитых сосудов") и в свою очередь заключающую в себе сложную систему перекрестных ассоциаций и возвращающихся мотивов. Эта огромная система в буквальном и переносном смысле разворачивается, а, быть может, точнее, "завихривается" вокруг небольшого "пятка" автобиографической реальности — событий из жизни иерусалимского мальчика времен подмандатной Палестины. Цикл романов Шахара — как бы фолкнеровский поток сознания, организованный по принципу Экклезиаста: "Все возвращается на круги своя". Все возвращается и повторяется здесь — и каждый раз в новом измерении, с новой точки зрения, с новой исходной позиции, наконец, глазами нового героя. Небольшое, самое примитивное "реалистическое" событие на глазах начинает меняться, обрастая подробностями, оживая то так, то этак, рассматриваемое с точки зрения психологической, уличной, лирико-символической, фантастической, наконец, мистической. И каждое изменение точки зрения — это как бы и сдвиг в отношении автора к своему герою.

В этом кругообороте лица, обретавшиеся в первых романах на обочине сюжета, время от времени приближаются, укрупняются, занимают ведущее место в его развитии. Но вот происходит очередной поворот "магического кристалла" — и они отходят, уступая место другим.

Сам Шахар называет свой цикл "Лурианой", — по имени одного из главных (и все время возвращающихся) героев, Габриэля Лурия, имя которого впрямую намекает на великого цфатского кабалиста средних веков, рабби Ицхака Лурия.

В последней из доселе вышедших, пятой части цикла — романе "День привидений" (Ам Овед. 1986) — некоторые израильские критики усмотрели ослабление первоначального, мистического напора повествования, превращающего реальность в новый, создаваемый автором, миф. Мифология, утверждают они, уступает здесь место сатире, фельетону, почти шаржу. Некоторые ищут причины начинающего распада "Лурианы" в том, что автор покидает мир детства. В рамках описания своего детства автор мог, не впадая в искусственность, создавать историософский миф, отыскивая корни сегодняшней израильской реальности в близкой и дальней еврейской истории, объясняя, какие "сосуды" были разбиты во "дворце" и как можно исправить создавшееся положение. В последних же двух романах ("Нингель" и

“День привидений”) этот “взгляд ребенка” практически исчезает, и повествование буквально на глазах снижается до автопародии.

При всей общей правильности этих замечаний, рассуждения критиков кажутся мне, по меньшей мере, спорными.

Говорят, за спиной каждого пишущего в Израиле стоит Шехина (Божье присутствие), следя из-за его плеча за бегом строки. И если, скажем, Шulamит Лапид в своих романах всячески пытается игнорировать это присутствие, то Давид Шахар, напротив, жаждет его уловить. Трудно, однако, не согнуться под тяжестью исторической памяти. И когда ему становится уже совсем невыносимо, он неизбежно переходит от пафоса к иронии, — как переводят дыхание. Сойдя с главного пути, он ищет обходные, петляющие тропки. И в какие-то мгновения становится подобен канатоходцу, который совсем недавно вселял ослепительный ужас в сердца иерусалимцев, двигаясь по канату на адской высоте над долиной Гиенума*.

Многих критиков смущает в цикле Шахара его главный герой, Габриэль Лурия, почти пророк, который уже в романе “Нингель” внезапно превращается в марионетку некоего чудовища женского рода. Так и не ясно, кто это чудовище — Лилит, Астарта? Быть может, Мелхола, жена царя Давида? Но Давид, положим, плясал перед ковчегом Завета, а Лурия кажется обычным паяцем. Вспомним, однако, “погонщика ослов” из книги “Зоар”: подхлестывая хворостиной ослов, на которых едут мудрецы-кабалисты, ведущие беседу о метафизических тонкостях Божественного мира, он внезапно вступает в разговор, и столь же внезапно мудрецы понимают, кто кем погоняет, спускаются с ослов и падают перед ним на колени в глубоком поклоне.

Именно так, в карнавальных преобразованиях, ввысь и вниз, раскачивается эта грандиозная система шахаровских ассоциаций, то снижаясь до уровня пародии, то взлетая на уровень книги “Бытия”.

Там, где некоторые критики, до сих пор державшиеся за идею “гармоничной цельности”, усматривают распад последних романов Шахара на некие слабо связанные глыбы, я не усматриваю никакого недостатка.

Пытаясь запечатлеть современное иудейско-израильское бытие, Давид Шахар совмещает в этом описании несколько стилистических слоев — реалистически-пародийный, историко-философский. Последний слой образует самую глубинную основу его романтического цикла: над ним лежит слой ханаанско-сионистского мифа о еврейском ишuve с его тягой к патетике, “сниженный” иронической трактовкой людей, неспособных осуществить этот миф. И наконец, над этим, уже в фабульном пространстве цикла, разворачивается реалистическое повествование от имени героя-мальчика, за душу которого сражаются способный к мистическому видению Габриэль Лурия и апологет кнаанизма Эшбаал.

“Да будет!” — некогда произнес Шахар, приступая к “сотворению” своего сложного художественного мифа в цикле “Дворец разбитых сосудов”. Временами кажется, что получив первоначальный толчок, этот миф продол-

* *Гиеном (ивр.) — долина Преисподней в Иерусалиме. Отсюда слово — “геенна”.*

жают теперь разворачиваться сам собой, даже если автор начинает отставать от него.

Миф обгоняет своего создателя!

Но и это трагически противоречивое отставание, быть может, тоже станет со временем одной из граней бытия, творимого замечательным израильским романистом.

Праматерь. Интересно было бы в деталях проанализировать развитие и метаморфозы архетипа Праматери в течение веков и у разных народов. Но для этого необходимо обширное исследование.

В Танахе, как известно, главенствует мужское начало: праматерь Ева вышла из ребра Адама. Зло здесь связано с женщиной: в тот миг, когда Ева откусила от запретного яблока, все человечество ощутило на губах вкус смерти ("Зоар"). Пророки не устают проклинать блудниц и сам Израиль, погрязший в блуде ("Израиль" на иврите женского рода). Народ Израиля, пришедший в землю обетованную, сталкивается здесь с Ханаанским (финикийским) культом храмовой жрицы-блудницы, неистовой богини Ашторет (Астарты), чьи блудилищные гроты, подобно пчелиным сотам, лепились вокруг Тира и Сидона. Несомненно, пророки проклинают именно тех, кто соблазнился этим культом. В кабалистической книге "Зоар" образ Анти-Евы, предводительницы ведьм Лилит обретает уже космические размеры: все зло в мир несет женское начало. А где-то в варварской еще Европе новым перевоплощением амазонок, отзвуком матриархата, возникают валькирии, женщины-воительницы, фурии мщения. Напротив, в древнем Риме весталки (жрицы-девственницы) были предшественницами непорочной девы.

С появлением христианства в мировое сознание входит образ земной Праматери, ангельски-чистой девы Марии, богородицы, занявшей главенствующую роль в католической ("вселенской") церкви. К этому образу восходит "Вечно Женственное" у Гете, нашедшее столь мистическое развитие у Владимира Соловьева и оплодотворившее русскую символическую поэзию начала нашего века, вплоть до "Прекрасной Дамы" Александра Блока.

Интересно, что в последнее десятилетие ивритская литература тоже начинает обращаться к образу Праматери. Целая галерея женских образов появляется в цикле романов Шахара, представляя собой различные модификации Праматери (впрочем, скорее ханаанского толка, то есть жриц-блудниц типа Ашторет).

Совершенно новая, однако, модификация — "Праматерь, несущая мщение", — появляется сегодня в ивритской литературе на страницах произведений Ицхака Авербуха-Орпаза. Уже в его романе "Гвира" можно было услышать косвенные отзвуки языческого культа валькирий. В новом романе Орпаза "Вечная невеста" архетип Праматери окончательно становится центральным. Роман этот по сложности воспроизводимых в нем тайных родственных связей (не известных самим героям) напоминает юношескую трагедию Грильпарцера "Праматерь". В центре повествования — рассказ о некоей Этке, которая забеременела от Натана Афарсемона, посланца из Эрец-Исраэль, и теперь без всякой надежды ждет возвращения своего "жениха". Вместе с

нею ждет какого-то таинственного "доктора", который приедет и волшебным путем увезет ее в Эрец-Исраэль, мать рассказчика (ребенка). Этку насилуют и убивают городские хулиганы городка, гои и евреи; по сути, весь сюжетный скелет "Вечной невесты" растет и развивается вокруг этого рассказа, притягивая к себе все другие мотивы. На этом скелете Орпаз создает чудную мифическую фреску о Белой Бабке (Праматери), которая выходит отомстить за невинно пролитую кровь. Белая Бабка у Орпаза — символ всего проблемного и болезненного в его личной судьбе: совсем молодым писатель покинул семью, порвав все связи с галутом и демонстративно сменив фамилию Авербух на Орпаз. Позднее его мать погибла в Катастрофе. Узнав о примерной дате ее гибели, он был потрясен: в эти дни в Тель-Авиве не переставали плясать на карнавалах. Прошлое разом вернулось: Ицхак Орпаз вернул себе фамилию Авербух, как возвращающий намеренно забытую и потому мстящую часть собственной жизни. С этого момента во всех его произведениях возникает мотив Праматери, нашедшей полное выражение в Белой Бабке из романа "Вечная невеста".

Перед нами — роман о ненависти и любви. Ненависть, "серая как мешок и тяжелая как ноша лет", выступает здесь, в разных ипостасях: то как ненависть к собачьему миру, больному, безумному, охваченному страстью к убийству; то как ненависть злого вождения, которое отвергает законы нравственности и человечности. Жители городка — по сути, полулюди-полуживотные: каждый скрывает свою животную сущность, которая проявляется в страсти убивать; им нужна не свобода, а лишь полное освобождение страстей — пожирать и быть пожираемыми. Характерно, что у них "нет матери", они не знают своих корней, и это особенно важно в "Вечной невесте", ибо сюжетно роман строится как странствие-поиск на пути к материнской любви.

В "Вечной невесте" "Орпаз" в писателе наконец-то примиряется с "Авербухом" — и не только потому, что обнажает еврейские корни, необходимые для понимания израильского мира, но, прежде всего, потому, что показывает, как из ненависти еврея — жертвы убийц и палачей — может вырасти самая общечеловеческая, самая гуманная литература.

Историю Белой Бабки, изложенную во второй, центральной части "Вечной невесты", обрамляет повествование о фантастическом странствии трех фантастических персонажей — немого (ему отрезали язык), курицы Куки и слепого (курица выклевала ему глаза) — по развалинам Эрец-Исраэль, напоминающей страну после Апокалипсиса. Это повествование строится на глубоких ассоциациях с "Ожиданием Годо" Беккета. Однако там, где у Беккета странствие совершается в некоем абстрактном месте, здесь оно перенесено в ужасающий пейзаж разрушенной Эрец-Исраэль. Перед нами пустыня, и кажется, что даже сионистская мечта о возрождении Израиля не в силах победить эту неизбежно наступающую смерть, неотъемлемую от человеческого существования. И если герои Беккета ждут напрасно, то герои Орпаза, в конце концов приходят к горе, на которой покоится гроб погибшей, но вечно живой Белой Бабки. Силой ненависти Белая Бабка поднимается из гроба, чтобы свести счеты со своими врагами. В реалистическом повествовании такой счет свести, разумеется, невозможно. Не то — в мифе. И не потому, что миф оживляет мертвых, но потому, что он показы-

вает: ничто в этом мире не умирает и не может умереть, ибо преступление связано с воздаянием.

Завершая роман, автор как бы задает своему герою, "паломнику-атеисту", новую цель: в отличие от паломников Беккета и Камю (также оказавшего влияние на Орпаза) он стремится — домой. В прямом, почти реалистическом смысле он возвращается к матери, которую покинул; в смысле мифическом — к Праматери и к ее любви, которой движется весь мир.

Новый прекрасный вариант притчи в возвращении блудного сына.

Вместе с циклом Шахара, роман Орпаза представляет собой глубокий и мощный поворот ивритской литературы к тому, что в каждом из нас — как еврее и человеку — обращено лицом в завтра.

ФЕСТИВАЛЬ РУССКОГО ИСКУССТВА

4—5 ноября 1989

**ПРИ СОДЕЙСТВИИ РУССКО-ЕВРЕЙСКОГО ЦЕНТРА,
JCC, CHICAGO**

***ПРИГЛАШАЮТСЯ ПОЭТЫ, БАРДЫ, ИСПОЛНИТЕЛИ ПЕСЕН, ХУДОЖНИКИ,
СКУЛЬПТОРЫ И ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ ИЗ АМЕРИКИ, ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ,
ИЗРАИЛЯ И СОВЕТСКОГО СОЮЗА***

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА . ПОЭТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
ВЫСТУПЛЕНИЯ АВТОРОВ И ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ПЕСЕН**

Пожалуйста, заполните эту форму и вышлите по адресу:

Художников просим выслать слайды или фотографии работ с указанием
названий и размеров

**ORGANIZING COMMITTEE OF THE CHICAGO ART FESTIVAL
4671 BRUMMEL, SKOKIE, IL 60076, TEL: (312) 674-8295**

ИМЯ, ФАМИЛИЯ
АДРЕС.
ТЕЛЕФОН
АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ ПОЭЗИЯ ЖИВОПИСЬ СКУЛЬПТУРА
ЗРИТЕЛЬ ПОМОЩЬ В ОРГАНИЗАЦИИ НЕОБХОДИМОСТЬ ЖИЛЬЯ
НА ВРЕМЯ ФЕСТИВАЛЯ

ЮБИЛЕЙНОЕ

ГЕОРГУ МОРДЕЛЮ 60 ЛЕТ

Редакция "Двадцать два" поздравляет редактора журнала "Круг" Георга Морделя с 60-летием и желает ему долгих лет жизни и творческих успехов. В связи с юбилеем мы публикуем интервью с Г. Морделем, взятое Р. Нудельманом.

— *Первый вопрос: как вы себя чувствуете в 60?*

— Лучше, чем можно было ожидать.

— *А как редактор — смотрите ли вы в будущее оптимистически?*

— Вполне оптимистически.

— *Вы полагаете, что для русскоязычной периодики и для "Круга" в частности есть еще место в израильской жизни?*

— Несомненно. Мы находимся в стране с начала 70-х годов, и до сих пор русскоязычная периодика не только не перевелась и не иссякла, но, напротив, именно сейчас набирает новую силу. Налицо явный расцвет, даже бум, появилась масса новых изданий. Это дает все основания для оптимизма.

— *Чем вы объясняете этот бум? Было время, — мы с вами ему свидетели, — когда существовали один-два журнала и казалось, что даже у них нет читателя. Тогда боролись за каждую тысячу читателей — сегодня тиражи ведущих журналов достигают десятка с лишним тысяч. Откуда взялся этот новый читатель — алии ведь нет?*

— Ну, во-первых, алия тоже есть — все-таки несколько тысяч человек приехали за последние два года. Но дело даже не в алии. Прежде всего, в стране остановлена инфляция. Исчезла психологическая паника, мешавшая людям тратить лишний шекель на газеты и журналы в опасении, что завтра им этого шекеля нехватит на еду. В то же время наблюдается поразительное равнодушие к деньгам, к тратам. Гости из Америки постоянно удивляются, с какой легкостью относятся здесь к деньгам и совершенно не трясутся над копеечкой. В такой психологической обстановке можно позволить себе купить и русскоязычную газету или журнал, а то и несколько. А третья причина — в том, что большинство этих русскоязычных изданий, к сожалению, туфта. Это переводы или перепечатки из русских и ивритских изданий, причем выбирается то, что полакомей и поинтересней. Ясно, что бизнесмены спешат полакомиться этой дешевой клубничкой.

— *Вы не связываете новый интерес читателей с публикацией материалов о России?*

— Нет, не обязательно. Я думаю, что тут всего понемногу. Россия уже прилась. Я смотрю, что читают в "Круге". Читатель обращается к нашему журналу, потому что тут есть всего понемногу — и о России, и о Израиле, и об окружающем мире. В "Круге" основной упор — на авторские материалы. Из советской печати мы отбираем материалы тех изданий, которые в Израиль попадают в очень малом количестве. Но и при этом многие читатели говорят: надоело читать о России: в конце концов, есть антенна—"тарелка",

по которой можно смотреть советское телевидение, израильское радио довольно много рассказывает о том, что происходит в СССР, приезжают советские туристы — надоело, дайте что-нибудь более фундаментальное о нашей жизни здесь...

— Когда-то *"Круг"* был пионером в деле знакомства нашего русскоязычного читателя с материалами текущей израильской прессы. Систематически печатались проблемные острые статьи, вы вели серию интервью с израильскими деятелями. Верно ли мое ощущение, что и вы, и читатель несколько потеряли интерес к этой проблематике?

— Тут опять дело не в интересе. Иной раз просто не знаешь, что еще не утащили в другие издания. А я ни с кем не хочу соперничать. Еще слава Богу, что они не берут проблемные статьи — для них это "скучный" материал, им нужно сенсационней. Мы идем сейчас по другой линии. Мы берем несколько израильских статей по одной какой-нибудь проблеме и даем их какому-либо автору, который их излагает и комментирует — например, в рубриках *"Мысль"* или *"В пучине новостей"*. У нас есть договоренность со всеми израильскими газетами и журналистами о праве перепечатывать любые их статьи, не превышающие определенный объем. Кроме того, учтите, что основная масса наших читателей осведомлена об израильских событиях непосредственно из ивритской прессы — они уже читают на иврите, смотрят телевидение, слушают радио. А интервью, кстати, остались...

— Я заметил, что у вас вот уже год возникла устойчивая связь с русской эмигрантской публицистикой: у вас появляются Михайлов, Максимов, Пармонов, Назаров. Это случайность или новая линия?

— Скорее, личная договоренность и личная симпатия. У нас установилась связь и с советскими авторами. Как правило, они знают о нашем журнале и охотно шлют материалы. Что же касается "перестройки" журнала, то я ничего нового не планирую. Здесь все зависит от читателя. Я часто встречаюсь с читателями и пока не вижу, чтобы они проявляли недовольство нынешней структурой и материалами *"Круга"*.

— Почему у вас в журнале очень мало места — впрочем, это на мой взгляд — отводится проблемам советского еврейства, эмиграции, еврейской культуры в СССР?

— У нас есть соответствующие рубрики: *"Еврейская тема"*, *"По ту сторону"*, появляются отдельные статьи, но в целом общая картина еще недостаточно проявилась, чтобы о ней говорить. Лично я считаю, что еврейская культура в СССР ни к чему, если это самоцель. Но, повторяю, все эти процессы сегодня еще только начинаются, поэтому в них трудно разобраться, а тем более — занять определенную позицию. И еще: читатель меня христом-богом умоляет не заниматься этой темой. Наш читатель оторвался от советского еврейства и его проблем, это его мало интересует. На это нет спроса, что же я буду ломиться в закрытые ворота!

— А что же тогда интересно вашему читателю? Какие темы его жгуче интересуют?

— Если смотреть по тиражам, то окажется, что лучше всего продается эта самая "пикантерия": кто с кем, где, когда? Убийства, киносплетни, способы быстро разбогатеть — вот это очень хорошо продается. А серьезная тематика, по-моему, осталась только в *"Круге"*.

— *Считаете ли вы, что привлекательность журнала связана с этой его серьезностью, с определенной позицией?*

— Конечно, позиция должна быть — иначе это будет просто “чтиво”, не имеющее ни веса, ни репутации. У “Круга” есть определенная редакторская позиция по политическим вопросам, что не исключает, впрочем, появления на тех же страницах противоположных мнений. Но я свою личную позицию никогда не скрывал, и в течение многих лет это открывает мне двери туда, куда иной редактор не может попасть. Единомышленники рады дать мне интервью, а противники знают, что я не пришел их поучать и не буду искажать их взгляды.

— *Вы предполагаете, что другие русскоязычные издания имеют такие “лица”?*

— Нет. Это на 90% перевод, какое же там может быть “лицо”? Впрочем, их направление сказывается в отборе материалов для перевода и перепечатки. Одна из ныне существующих русскоязычных газет целиком повернута к сенсациям и скандалам, без разбора, а все прочие, я бы сказал, почему-то распухли влево. Причем, если статья и без того левоватая, так ее при переводе еще более “улевлиают”...

— *...а “Круг”, напротив, старается сохранить плюрализм. Но у вас-то самого, вы сказали, есть личная позиция?*

— Я никогда не скрывал, что придерживаюсь националистических и правых убеждений. С моей точки зрения, нынешние предложения о выборах на территориях — это очень хитрый ход, но увы — наша супердемократия, мне кажется, провалит эти предложения. Что касается пресловутой интифады, то она меня не очень волнует: я не думаю, что ее можно задавить в умах арабов; я не думаю, что арабов можно выселить или избавиться от них каким-то образом; но и им не удастся таким способом “избавиться” от нас: если они думали, что мы не сможем противостоять интифаде, то они просчитались. Мы выстояли три года в Ливане — выдержим и теперь. К тому же интифада уже заметно приутихла. Это только в воспаленном воображении левых авторов она остается главной сенсацией. Но я с удовлетворением отмечаю, что за время моего пребывания в стране — с 1972 года — Израиль сильно сдвинулся вправо, левая идеология явно идет на спад. Не меньше удовлетворения я испытываю и от того, что Израиль за эти годы все более заметно становится западной страной. Я думаю, что теперь ему уже не угрожает левантизация — он твердо идет западным, европейским путем. А если говорить о моем национализме, то он состоит попросту в том, что мы еще должны научиться ставить свои национальные интересы выше интересов всех других. Я убежден, что это возможно. Это и есть, на мой взгляд, настоящий сионизм. Я вообще считаю, что весь сионизм состоит в практическом действии. Теории насочиняли профессора. Мой сионизм — это жить в Израиле, укреплять государство и отстаивать его право жить в любых безопасных границах.

— *Я могу сказать, что вы так же оптимистично смотрите на будущее своей страны, как и на будущее своего журнала?*

— Наверно...

— *Ну, что ж, до ста двадцати!*

Амос Оз хорошо известен русскоязычному читателю. Его повести "Поздняя любовь", "Коснись воды, коснись ветра", "На этой злосчастной земле" и статьи "Понятие отечества", "О мягком и нежном", "Спящая красавица", "В яростном свете лазури" публиковались на страницах этого журнала, переводы его рассказов обнародованы в русскоязычных изданиях "Библиотека Алиа" и других. Его роман "Мой Михаэль" стал классикой израильской литературы, а книга "Здесь и там: Израиль 1984 года" стала событием в общественной жизни Израиля. Поздравляя нашего друга, замечательного израильского писателя Амоса Оза с 50-летием, мы желаем ему долгих лет жизни и новых творческих успехов.

Амос Оз

О степени зла

В январе 1986 года в Нью-Йорке состоялся очередной всемирный конгресс Пен-клуба. Темой дискуссии был "Образ государства и образ писателя". Нижеследующее — мое выступление на этой дискуссии.

У государства нет образа. "Образ государства" существует только в воображении некоторых писателей, в частности тех, кто придумал столь хитроумное название для нашей дискуссии. Видимо, у них перед глазами стоял при этом образ Георгия-победоносца, поражающего злобного дракона. Каждый писатель виделся им таким безоружным Солженицыным, ну, а дракон, понятно, — то ли злодей Брежнев, то ли злодей Никсон. Я не могу это принять. Я думаю, что многие государства порядочны не меньше, чем многие писатели. Иные же государства — как и определенная часть писателей — действительно заражены разными степенями зла.

От девиза нашей встречи отдает душком примитивного романтического анархизма. Хуже того: в нем есть привкус фальшивого манихейства. Мне не по душе наивный лубок, изображающий дружины праведных писателей, бесстрашно вступающих в борьбу с бездушными бюрократами в защиту простых и милых "людей с улицы". Я не хочу участвовать в этой игре: красавица против злобного зверя.

На протяжении веков и страны, и правительства, и аппараты власти черпали свои идеи в причудливых и разнообразных видениях самых разных писателей, среди которых — скажем это честно — были и достойные, и злые, и даже отвратительные люди. Эти идеи порой воплощались в жизнь (а порой — нет) различными диктаторами, и тогда разные писатели, в свою очередь, гневно клеймили их либо слагали в их честь хвалебные оды. На протяжении веков были писатели, которые во имя своих идеалов принимали мученическую смерть в тюрьмах и гулагах, в то время как их собратья по перу жили припеваючи на дачах и при королевских дворах. Но большинство

писателей не гибло во имя святого дела и не покупало себе жизнь лизаньем диктаторского сапога.

Никто из нас, собравшихся здесь, ни разу в своей жизни не поразил дракона. Добавлю: "простой и милый человек с улицы" тоже весьма не прост и не столь уж мил. Мы это знаем. По крайней мере, большинство из нас это не знает. Об этом написано в наших книгах.

А теперь о главном. Каждый раз я снова и снова останавливаюсь в оцепенении перед той пропастью, которая существует между реальностью, которая окружает нас, пока мы сочиняем свои романы, пьесы и стихи, — и нашими действиями, когда мы слагаем петиции, подписываем воззвания или изобретаем хитроумные девизы для дискуссий на наших конгрессах. Такое впечатление, будто мы пользуемся другой парой глаз. Все присутствующие не составляют исключения. И я тоже.

Большинство из нас знает пару-другую истин касательно драконов, тающихся в глубинах человеческого сердца. Но наперекор всему, наперекор нашему писательскому знанию, мы то и дело ведем себя, как ревностные последователи опасного и упрощенного учения Жан-Жака Руссо, утверждавшего, будто все правительства и все без исключения аппараты власти — это воплощение зла, тогда как все без исключения "простые люди" рождаются с чистым и добрым сердцем.

Я не могу согласиться с этим. Как мы знаем, государство — это необходимое зло, и оно необходимо хотя бы потому, что на свете существует слишком много людей, склонных вести себя, как настоящие убийцы. Более того, есть государства, о которых можно сказать, что они "почти в порядке", как есть плохие государства, и как есть, наконец, государства-убийцы. И поскольку писатели — специалисты по всякого рода психологическим тонкостям и точным характеристикам, то их задача — провести разграничение. Тот, кто сбрасывает со счетов существование различных степеней зла, рискует тем, что станет слугой этого самого зла.

Психологические тонкости и точные характеристики, — сказал я. Конечно, мы — не репортеры, но все же и мы предлагаем отчет. Верно, мы не собираем и не фиксируем факты — мы придумываем, искажаем, преувеличиваем, выворачиваем наизнанку, ставим с ног на голову. Но как только вещи названы своими именами — а это мы сами придумываем для них имена! — наши слова возводятся в ранг свидетельств. И поэтому мы несем ответственность за наши психологические тонкости и за наши характеристики. Ответственность за то, чтобы зло было обозначено "кружком на карте", чтобы была определена его точная степень и измерена его реальная тяжесть.

Трагедия истории не сводится к вековечному поединку между праведными одиночками и сатанинской государственной машиной. Трагедия — в вечном поединке между сравнительно порядочным обществом и теми общественными формациями, руки которых по локоть обгажены кровью. Точнее — в известной трусости и слабости сравнительно порядочных государств при столкновении с государствами-убийцами.

Как остаться человечным — то есть сомневающимся, способным различать оттенки моральных оценок — в процессе борьбы со злом? Как со всем пылом противостоять фанатизму? Можно ли воевать, не превращаясь в вои-

телей? Как сражаться со злом, не заражаясь им? Можно ли “творить историю”, не поддавшись ее тлетворному влиянию? Совсем недавно я видел в Вене уличную демонстрацию общества по защите окружающей среды, участники которой протестовали против проведения экспериментов над лабораторными животными. Они несли плакаты с изображением Иисуса Христа, окруженного страдающими подопытными кроликами. Надпись гласила: “И их Он тоже любил!” может, он любил их, но некоторые из демонстрантов выглядели так, что, по-моему, способны были расстрелять заложников, лишь бы положить конец страданиям подопытных кроликов. И в этом — суть проблемы. Это, в известной мере, — история моей страны, история ревнителей добра, здесь и там, а быть может — в любом месте.

Давайте же откажемся от попытки приписать государству облик дьявола, а самих себя выдать за спасителей человечества. Не поддадимся искушению упрощенчества. Наша подлинная задача: отличать зло от большего зла, а это большее зло — от самого большого.

Перевел с иврита В. Радужкий

Главный редактор – РАФАИЛ НУДЕЛЬМАН

Редакционная коллегия:

**В. БОГУСЛАВСКИЙ, А. ВОРОНЕЛЬ, Н. ВОРОНЕЛЬ,
Э. КУЗНЕЦОВ, Ю. МЕКЛЕР, М. ХЕЙФЕЦ,
Я. ЦИГЕЛЬМАН, И. ЧАПЛИНА**

*заведующая редакцией – Мириам БАР-ОР
технический редактор – Наталья РУБИНА*

*Всю корреспонденцию направлять
по адресу: "22", п/я 44050, Тель-Авив 61440.
Телефон редакции – /03/394525*

Все права на материалы журнала (за исключением особо оговоренных случаев) принадлежат издательству "Москва-Иерусалим" и их использование без ведома и согласия издательства не разрешается.

Стоимость годовой подписки в Израиле – 80 шек., для организаций – 90 шек., за рубежом – 60 долл. (авиапочтой в Европу – 72, в США – 77 долл.), для организаций – 75 долл.

ПОДПИСНОЙ ТАЛОН

Прошу подписать меня на журнал "22", начиная с №
Прилагаю чек (чеки) № на сумму
Журнал прошу выслать по адресу

.....
(пишите разборчиво, желательно указать № телефона)

Жертвую в фонд журнала (фамилия)

